

Научный центр «LJournal»

Рецензируемый научный журнал

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

№116, Декабрь 2024
(Часть 5)

Самара, 2024

T33

Рецензируемый научный журнал «Тенденции развития науки и образования» №116, Декабрь 2024 (Часть 5) - Изд. Научный центр «LJournal», Самара, 2024 - 140 с.

doi: 10.18411/trnio-12-2024-p5

Тенденции развития науки и образования - это рецензируемый научный журнал, который в большей степени предназначен для научных работников, преподавателей, доцентов, аспирантов и студентов высших учебных заведений как инструмент получения актуальной научной информации.

Периодичность выхода журнала – ежемесячно. Такой подход позволяет публиковать самые актуальные научные статьи и осуществлять оперативное обнародование важной научно-технической информации.

Информация, представленная в сборниках, опубликована в авторском варианте. Орфография и пунктуация сохранены. Ответственность за информацию, представленную на всеобщее обозрение, несут авторы материалов.

Метаданные и полные тексты статей журнала передаются в наукометрическую систему ELIBRARY.

Электронные макеты издания доступны на сайте научного центра «LJournal» - <https://ljournal.org>

© Научный центр «LJournal»
© Университет дополнительного
профессионального образования

УДК 001.1
ББК 60

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чернопятов Александр Михайлович
Кандидат экономических наук, Профессор

Царегородцев Евгений Леонидович
Кандидат технических наук, доцент

Пивоваров Александр Анатольевич
Кандидат педагогических наук

Малышкина Елена Владимировна
Кандидат исторических наук

Ильященко Дмитрий Павлович
Кандидат технических наук

Дробот Павел Николаевич
Кандидат физико-математических наук, Доцент

Божко Леся Михайловна
Доктор экономических наук, Доцент

Бегидова Светлана Николаевна
Доктор педагогических наук, Профессор

Андреева Ольга Николаевна
Кандидат филологических наук, Доцент

Абасова Самира Гусейн кызы
Кандидат экономических наук, Доцент

Попова Наталья Владимировна
Кандидат педагогических наук, Доцент

Ханбабаева Ольга Евгеньевна
Кандидат сельскохозяйственных наук, Доцент

Вражнов Алексей Сергеевич
Кандидат юридических наук

Ерыгина Анна Владимировна
Кандидат экономических наук, Доцент

Чебыкина Ольга Альбертовна
Кандидат психологических наук

Левченко Виктория Викторовна
Кандидат педагогических наук

Петраш Елена Вадимовна
Кандидат культурологии

Романенко Елена Александровна
Кандидат юридических наук, Доцент

Мирошин Дмитрий Григорьевич
Кандидат педагогических наук, Доцент

Ефременко Евгений Сергеевич
Кандидат медицинских наук, Доцент

Шалагинова Ксения Сергеевна
Кандидат психологических наук, Доцент

Катермина Вероника Викторовна
Доктор филологических наук, Профессор

Полицинский Евгений Валериевич
Кандидат педагогических наук, Доцент

Жичкин Кирилл Александрович
Кандидат экономических наук, Доцент

Пузыня Татьяна Алексеевна
Кандидат экономических наук, Доцент

Ларионов Максим Викторович
Доктор биологических наук, Доцент

Афанасьева Татьяна Гавриловна
Доктор фармацевтических наук, Доцент

Байрамова Айгюн Сеймур кызы
Доктор философии по техническим наукам

Лыгин Сергей Александрович

Кандидат химических наук, Доцент

Заломнова Светлана Петровна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Биймурсаева Бурулбубу Молдосалиевна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Радкевич Михаил Михайлович

Доктор технических наук, Профессор

Гуткевич Елена Владимировна

Доктор медицинских наук

Матвеев Роман Сталинарьевич

Доктор медицинских наук, Доцент

Пронина Наталья Андреевна

Кандидат педагогических наук, Доцент

Шамутдинов Айдар Харисович

Кандидат технических наук, Профессор

Найденев Николай Дмитриевич

Доктор экономических наук, Профессор

Романова Ирина Валентиновна

Кандидат экономических наук, Доцент

Хачатурова Карине Робертовна

Кандидат педагогических наук

Кадим Мундер Мулла

Кандидат филологических наук, Доцент

Григорьев Михаил Федосеевич

Кандидат сельскохозяйственных наук

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ IX. ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	7
Албегова М.М. Оптативы-пожелания в разговорном обыденном дискурсе	7
Богомазова В.В., Гришина И.В., Ионова Т.А. Лингвостилистические средства создания образов персонажей в тексте романа «Благие знамения» и его экранизации: сопоставительный анализ	10
Варуха И.В., Давлетбаева А.Ф. Анализ медиатекста.....	16
Гареева Г.Н., Байназарова А.А. Жанровые особенности лирических повестей Фарита Исянгулова	18
Гареева Г.Н., Тимирзянов А.В. Медиаобраз «современности» и проблема диалога культур	21
Данилова А.Н. Особенности передачи эпических имен в олонхо	24
Казаченкова Н.В. Лингвооксиологические аспекты новостных пропозиций в медиатексте	26
Калманова А.Э. Функционально-семантическая категория упрека в современном русском языке	33
Касымова О.П. Термины в лексической системе языка.....	40
Кириллова Л.Е. Диалектологическая работа как ономастический источник	43
Лязгин П.Д. Специфика баскетбольных жаргонизмов, идиоматических оборотов и баскетбольных речовок.....	47
Махрова М.М. Лексема воркшоп: особенности функционирования в современном русском языке	50
Ню С. Проблемы и перспективы автоматического перевода с русского на другие языки.....	53
Ню С. Эволюция русского языка в условиях глобализации: влияние иностранных заимствований	55
Панченко Л.Н. Лексико-семантическая группа слов «тэнут / пища» в мансийском языке: структурно-семантический анализ	57
Садовникова И.И. Названия ягод в эвенском языке.....	62
Слепцова С.В., Свеженцева И.Б., Безматная К.Е. Эвфемизмы, смягчающие реакцию читателей на негативные действия или высказывания политиков (на материале французской публицистики)	64
Сун Б. Язык и экономика знаний: роль терминологии в развитии инновационных и технологических рынков	67
Томаева А.А. Категория временной локализованности в современном русском языке	70
Усмонова М.Н. Роль речевого этикета в современном языкознании.....	73
Курмангаджиев К.Р. Организация самостоятельной работы студентов по английскому языку	76
Akhmadeeva K.A. Media-Linguistic analysis of the political text.....	79

Bazyleva A.N. The notion of “privacy” in British conceptual sphere: verbalization in literature	82
Boboeva Z.H. Semantico-Morphological Peculiarities of Parenthetic Units in Tajik and English.....	84
Churbaeva M.R. Travelogue: Linguistic and Stylistic Specificity of the Genre	87
Epifanova A.Y. Toponymy of Britain: Latin as the key to historical roots	89
Ivland N.A. Cross-cultural features in linguistic expertise	92
Mirmukhamedov O.T. Word-building potential and morphological peculiarities of the suffix -ak in modern Tajik literary language	94
Pervushina D.A. Linguistic features of British humorous and satirical magazines	97
Sakhibgareeva E.R. Category of transitivity and intransitivity of the English verb	99
Slukinova K.A. Analysis of the Student Jargon of the Britain's Oldest Universities	101
РАЗДЕЛ X. ЖУРНАЛИСТИКА	105
Дмитриева К.Д., Новикова М.В. Имидж современного журналиста на примере Дмитрия Масленникова	105
Хань С. Эволюция цифровой журналистики: роль социальных медиа в трансформации новостного контента	110
РАЗДЕЛ XI. КАРТОГРАФИЯ	113
Азнаева А.А., Хафизова Г.Ф., Вильданов И.Р. Программа карты достопримечательностей Гафурийского района Республики Башкортостан	113
Аликаева А.В., Вильданов И.Р., Сайфуллин И.Ю. Программа карты винных регионов Франции	116
Бикьянова Д.Р., Мустафин Р.Р., Вильданов И.Р. Программа сельскохозяйственной карты Баймакского района Республики Башкортостан.....	119
Вахитова Р.Э., Файрузов И.И., Вильданов И.Р. Функциональные возможности программного комплекса ГИС QGIS для проектирования и составления карт этнического состава	121
Гизатуллина Э.Р., Вильданов И.Р., Хайруллина А.А. Программа исторической карты религиозно-культурных объектов Белебеевского района	124
Глоба К.А., Коченко В.Е., Вильданов И.Р. Программа карты историко-литературного наследия Белебеевского района	127
Шайдуллин Э.Р., Вильданов И.Р., Хамидуллин Р.А. Программа карты благоустройства парка им. Гастелло Калининского района города Уфы	129
РАЗДЕЛ XII. ТУРИЗМ	133
Istamqulov J.Z. Bridging Cultures: The Role of Guide-Interpreters in Cross-Cultural Communication (a Case Study of Tajikistan)	133

РАЗДЕЛ IX. ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Албегова М.М.

Оптативы-пожелания в разговорном обыденном дискурсе

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
(Россия, Владикавказ)

doi: 10.18411/trnio-12-2024-189

Аннотация

В статье представлены результаты исследования русских оптативов с позиций их дискурсивно-прагматических характеристик. Целью статьи является описание дискурсивно-прагматических характеристик оптативов-пожеланий, применяемых в разговорном обыденном дискурсе. По признаку внеязыковой обусловленности было выделено и описано две разновидности оптативов-пожеланий этого типа: оптативы-пожелания, обусловленные релевантными неязыковыми событиями, и оптативы-пожелания, обусловленные аффективными состояниями говорящего.

Ключевые слова: оптативное высказывание, оптативы-пожелания, дискурсивная прагматика, ситуация общения, аффективные состояния говорящего.

Abstract

The article presents the results of a study of Russian optatives from the standpoint of their discursive and pragmatic characteristics. The purpose of the article is to describe the discursive and pragmatic characteristics of optatives-wishes used in colloquial everyday discourse. On the basis of non-linguistic conditionality, two types of optative wishes of this type were identified and described: optatives-wishes due to relevant non-linguistic events, and optatives-wishes due to the affective states of the speaker.

Keywords: optative utterance, optative wishes, discursive pragmatics, communication situation, affective states of the speaker.

Пожелания, как часть дискурсивного акта, имеют определенные характеристики, которые зависят от контекста общения. Например, пожелания могут быть формальными или неформальными в зависимости от уровня близости взаимоотношений между собеседниками. Они могут быть выражены с использованием определенной лексики, интонации или жестов, чтобы передать свою искренность и искренность в отношении желаемого.

Кроме того, важно учитывать также контекстуальные факторы, такие как время, место, обстановка и общая эмоциональная окраска ситуации, которые могут оказать влияние на восприятие и понимание пожелания. Поэтому существенно умение подбирать подходящие слова и выразительные средства для передачи своих пожеланий в соответствии с текущей ситуацией общения.

Также важным аспектом исследования является анализ реакции получателя на оптатив-желания, и как она может влиять на дальнейшее общение между собеседниками. Важно учитывать, что изучение дискурсивной прагматики оптатива-пожелания позволяет лучше понять социокультурные особенности общения и взаимодействия в различных контекстах. Исследования данных аспектов поможет улучшить коммуникативные навыки и повысить эффективность общения в различных ситуациях. С учетом названных параметров, оптативы-пожелания в разговорном обыденном дискурсе могут быть разделены на несколько подтипов в зависимости от их функций и структуры. В основном, такие оптативы-пожелания используются для выражения добрых пожеланий и позитивных эмоций. Одним из наиболее распространенных типов оптативов-пожеланий в

разговорном обыденном дискурсе являются пожелания здоровья, счастья и успехов. Например, «пусть тебе всегда сопутствует удача» или «желаю тебе крепкого здоровья». Такие выражения часто употребляются при разговорах с друзьями, коллегами или близкими людьми.

Другим типов оптативов-пожеланий в разговорном обыденном дискурсе могут быть пожелания приятного времяпровождения или удачного проведения какого-либо мероприятия. Например, «приятного отдыха» или «удачи на экзамене». Данные изречения чаще всего используются в повседневной речи в различных ситуациях. Из проведенного анализа мы выделили следующие дискурсивно-прагматические типы оптативов-пожеланий: 1) оптативы-пожелания в разговорном обыденном дискурсе, 2) оптативы-пожелания в застольном-торжественном и праздничном дискурсе, 3) оптативы-пожелания в религиозно-ритуальном дискурсе. В данной статье более подробно будут рассмотрены оптативы-пожелания в разговорном обыденном дискурсе.

Разговорный дискурс обычно характеризуется неформальным языком, использованием разговорных оборотов, выражений и фраз, а также присутствием элементов невербальной коммуникации, таких как жесты, мимика и интонация. Также в разговорном дискурсе часто используются повседневные темы и ситуации. Особенностью разговорного дискурса является то, что он может быть более спонтанным, неструктурированным и непредсказуемым, чем, например, письменный дискурс. В разговорном часто присутствует элемент взаимодействия, так как общение происходит в реальном времени, и участники могут реагировать на высказывания друг друга непосредственно

Важно отметить, что разговорный дискурс может варьироваться в зависимости от контекста и ситуации. Например, разговорный стиль общения с друзьями может отличаться от общения с коллегами или незнакомыми людьми. Тем не менее, в целом разговорный дискурс представляет собой естественную форму общения, которую мы используем в повседневной жизни.

Несмотря на принадлежность к наименее кодифицированному типу дискурса, пожелания, о которых идет речь в своем употреблении жестко обусловлены внеязыковыми факторами. Так, по признаку внеязыковой обусловленности оптативы-пожелания обыденного дискурса можно разделить на две разновидности: пожелания, обусловленные релевантными неязыковыми событиями и пожелания, обусловленные аффективными состояниями говорящего.

Остановимся на пожеланиях, обусловленных релевантными неязыковыми событиями. К данной группе можно отнести наиболее частые неязыковые события, формирующие ситуацию общения, например: 1) расставание (проводы в дальнюю дорогу, на охоту и т.д.); 2) начало трапезы; 3) чихание; 4) отход ко сну; 5) прием гостей. Такие события представляют собой своего рода общепринятые ритуалы, которые помогают поддерживать и укреплять связи между людьми. Пожелания, выражаемые в эти моменты часто имеют форму благословения, удачи, здоровья, успеха, они служат не только обычным проявлением вежливости, но и способом передать свою заботу, уважение и добрые пожелания другому человеку.

Прежде всего стоит упомянуть, что у всех оптативов-пожеланий, принадлежащие разговорно-обыденному дискурсу имеют единую перлокутивную прагматику без каких-либо специфических коннотаций. Все пожелания представляют собой инвариантные конструкции, которые не подлежат какой-либо другой интерпретации, то есть, если некто услышит конвенционально употребленное пожелание «Ни пуха ни пера», то у адресата не возникнет мысль искать скрытый смысл или исчислять семантическую связь пропозиции данного речевого акта.

1) В ситуации «расставание» употребляются такие оптативы-пожелания:

Собственно расставание может сопровождаться высказываниями «До свидания» или «Прощай», а также пожеланиями, например: *...Будь здоров, Макс. - Они попрощались* [2, с. 56];

Проводы в дорогу: *«Доброго (счастливого) пути»*; пожелание *«скатертью дорога»* тоже является ситуативно обусловленным, но данное выражение имеет явную отрицательную коннотации. Если перлокутивная прагматика пожелания *«доброе (счастливого) пути»* имеет смысл *«ты знаешь, что я благорасположен к тебе»*, то перлокутивно-прагматическое значение пожелания *«скатертью дорога»* можно представить как *«ты знаешь, что мне безразличен твой уход / что я рад от тебя (вас) избавиться»*. Близким пожеланию *«скатертью дорога»* можно отнести и выражение *«катись колбаской по Малой Спасской»* (из кинофильма «Мимино»), принадлежащее детской разновидности разговорного дискурса.

Проводы на охоту: к данной разновидности можно отнести пожелание *«ни пуха ни пера»*.

В ситуации «начало трапезы» употребляется пожелание «приятного аппетита», в ситуации «после чихания» - «будь здоров», в ситуации «отход ко сну» - пожелание «спокойной (доброй) ночи», а в ситуации «прием гостей» - пожелание «будьте как дома».

Отметим, что оптативы-пожелания застольной-торжественного и праздничного дискурса по своей коммуникативной цели выполняют экспрессивную функцию, но их экспрессивность, в первую очередь, обусловлена ситуацией общения, то есть лицом, которое произносит поздравление или тост, обязано включать в них пожелания. Именно произнесение таких оптативов есть признак социокультурной адекватности, вне зависимости от того, действительно ли говорящий искренне желает того, что говорит в пропозиции пожелания. Пожелания, которые обусловлены аффективным состоянием говорящего, в отличие от застольно-торжественного и праздничного дискурса, не имеют обязательного характера: совершенно недопустимо в социокультурном и конвенциональном отношении говорить кому-либо *«чтоб ты провалился»*.

Кроме того, важно отметить, что в отличие от пожеланий, связанных с актуальными событиями, пожелания, обусловленные эмоциональным состоянием говорящего, имеют более широкий диапазон содержания.

Пожелания, выраженные субъективными эмоциональными состояниями говорящего, можно классифицировать на две группы: 1) пожелания с положительной окраской и 2) пожелания с негативной окраской. Важно отметить, что нейтральных пожеланий в данном контексте не существует.

Употребление оптативов-пожеланий с положительной экспрессией определяется намерением говорящего выразить свои положительные эмоции по отношению к адресату, например:

« - Дай вам бог здоровья, долголетия и богатства» [1, с. 99] (в данном примере пожелание выражено посредством высказывания с императивной формой глагола).

Употребление оптативов-пожеланий с отрицательной окраской определяется намерением говорящего выразить свои отрицательные эмоции по отношению к себе, к адресату речи или к третьему лицу. Стоит отметить, что оптативы-пожелания этого типа могут представлять собой устойчивые обороты, например:

« - Пускай возьмут тебя черти! - сказала она торжественно. - И сам ты, старый черт, помни и знай: я тебе не пара» [9, с. 38] (здесь адресат высказывания совпадает с объектом в пропозиции пожелания с отрицательной экспрессией. Такого вида оптативы принято называть проклятиями).

Следующая разновидность оптативов-пожеланий с отрицательной окраской - пожелание всяческих несчастий третьему лицу:

«Тимофей понимал притворство Ермолая, но все равно жаловался: - Судьба-сучка... - И дальше сложно: - Чтоб у него голова не качалась... Чтоб сухари в сумке не мялись...» [12, с. 155]. В данном отрывке говорящий выражает свои жалобы на судьбу,

обращаясь к собеседнику. Примечательно, что метакомментарий рассказчика о том, что Тимофей жаловался, помогает читателю понять, что данная ситуация относится к прагматическому типу «жалоба». Пожелания здесь представлены в виде устойчивых выражений, принадлежащих определенному социальному или локальному диалекту. Оптативы-пожелания, где говорящий выступает в роли субъекта, обычно не содержат отрицательных эмоций по отношению к себе. Посредством таких высказываний говорящий может транслировать адресату речи свои эмоции по отношению к окружающему миру, например:

« - Чудеса, - первым констатировал Адам. - Чтоб я так жил! - воскликнул Лейбович» [7, с. 15]. Очевидно, что говорящий не желает себе ничего плохого, но высказанное им изречение не может быть отнесено к пожеланию с положительной коннотацией: охранник в тюрьме выражает зависть к пилоту вертолета, у которого, по его мнению, прекрасная работа и возможность попасть в любую нужную точку. Пожелания, адресованные непосредственно говорящему, чаще всего являются устойчивыми выражениями.

1. Аварченко А. Робинзон // Избранное: рассказы. М., 2000. 448 с.
2. Аксенов В. Скажи изюм. Рига, 1991. 336 с.
3. Албатаева Е.В. Категория оптативности в современном русском языке. М., 2003. 35 с.
4. Арутюнова Н.Д. Истоки, проблемы, категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике: лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 3-43.
5. Ворожбитова А.А. Комплексное исследование дисперсных процессов в российском социокультурно-образовательном пространстве XIX-XXI вв.: программные установки лингвориторической парадигмы. М., 2012. С. 182-185.
6. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: лингвистическая прагматика. М., 185. С. 217-237.
7. Довлатов С. Зона. Записки надзирателя. М., 1991. 364 с.
8. Зубарева Н.А. Оптативный предложения со значением ограниченности желаемого. М., 2007. С. 83-85.
9. Каверин В. Два капитана. М., 1973. 656 с.
10. Корди Е.Е. Оптатив как синтаксическое наклонение в современном французском языке // Единство и многообразие романского мира. СПб., 1999. С. 25-27.
11. Милевская Т.В. Семантика и функционирование единиц речевого этикета тематической группы «пожелание» (на материале русской драматургии). СПб., 2002. 18 с.
12. Шукшин В. Билетик на второй сеанс // Рассказы. М., 1986. 224 с.

Богомазова В.В., Гришина И.В., Ионова Т.А.

Лингвостилистические средства создания образов персонажей в тексте романа «Благие знамения» и его экранизации: сопоставительный анализ

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
(Россия, Волгоград)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-190

Аннотация

В настоящей статье выявлены и проанализированы основные средства создания персонажа в исходном тексте, который представляет собой монокодовый текст и реализуется с помощью только средств английского языка, и в его экранизации, являющейся вторичным поликодовым текстом.

Ключевые слова: образ персонажа, стилистические средства, кинотекст.

Abstract

This article attempts to identify and analyze the main means of creating a character image in the original text, which is a monocode text and is implemented using only the means of the English language, and in its film adaptation, which is a secondary polycode text.

Keywords: character image, stylistic means, film text.

С того момента, как в мир вошел кинематограф люди получили возможность увидеть воплощение всех красок литературного произведения на экране. Воображаемое ранее воплотилось в реальности художественного замысла режиссера. История развития кинематографа тесно связана с многочисленными попытками перенести в реальный мир персонажей как классический и всеми любимых бестселлеров, так и героев современных книг. Неослабевающий интерес кинематографистов к различного рода экранизациям, вызывает оживленные дискуссии и среди зрителей, и среди критиков. И одним из главных вопросов обсуждения, пожалуй, является вопрос о соответствии образов, созданных писателем, а затем интерпретированных на экране. Создание экранного образа героя, который хорошо известен и любим публикой – это трудная задача для многих специалистов – режиссера, актера, костюмеров и гримеров и многих других. И в художественном тексте романа, и в экранизации персонаж обладает не только внешностью, манерами, но и своим характером, мировоззрением и духовными ценностями, исходя из которых он и совершает поступки. По сути, герой – это живая, самостоятельная личность, вызывающая эмоции и заставляющая задуматься. Но, если писатель ограничен в описании только текстом, то задача кинематографистов, с одной стороны, упрощается – в их арсенале есть видеоряд, голос, жесты, спецэффекты а, с другой стороны, усложняется – необходимо не только сохранить авторское видение персонажа, но и максимально точно воссоздать авторский замысел, вызвать у зрителя те же эмоции и чувства. В настоящем исследовании мы ставили перед собой цель проанализировать лингвостилистические средства создания персонажей протагониста и антагониста в романе «Good Omens» и его одноименной экранизации через призму трех аспектов: портрета персонажа, его речевой партии и авторского видения (реализуемого в тексте романа через авторские ремарки, а в фильме через закадровый голос).

Во вселенной, созданной Н. Гейманом и Т. Пратчеттом, главными персонажами являются “приятели по несчастью” ангел Азирафель и демон Кроули.

1. Портрет персонажа

По сюжету Кроули – демон, чья основная “миссия” со времен сотворения Земли состояла в том, чтобы “учинить небольшие проблемы”. В романе его описывают так, как читатель вероятнее всего и представлял себе демона – черные волосы, острые черты лица. А так как одной из его ипостасей на ранних этапах формирования Земли была роль змея-искусителя, то и во внешнем виде это нашло отражение в привычке шипеть и “змеиных” зрачках, которые он привык скрывать за очками (“*Crowley had dark hair and good cheekbones and he was wearing snakeskin shoes, or at least presumably he was wearing shoes, and he could do really weird things with his tongue. And, whenever he forgot himself, he had a tendency to hiss*”[4, С.6]). В сериале создатели использовали возможности современных технологий буквально демонстрируя превращение из змеиной ипостаси в человеческий облик.

Вопреки устойчивым штампам, в романе подчеркивается, что Кроули не был ни рогат, ни крылат (“*Nothing about him looked particularly demonic, at least by classical standards. No horns, no wings*”[4, С.6]). Однако, в начальных сценах фильма и ангел, и демон обладают крыльями, которые в последствии не демонстрируют людям, лишней раз подчеркивая их близость к человеческому миру.

В данном примере для описания внешности Кроули авторы использовали ряд стилистических приемов:

“...*he was wearing snakeskin shoes, or at least presumably he was wearing shoes...*” (ретардация делает фразу комичной, смешной, чем и привлекает внимание читателя); “...*he could do really weird things with his tongue*” (перифраз); “...*he had a tendency to hiss*” (ономатопея представлена в виде глагола для передачи звука издаваемого змеей, чтобы подчеркнуть “змеиное” начало персонажа); “*No horns, no wings.*” (эллипс).

Помимо облика, еще одной важной составляющей портрета персонажа является его одежда и аксессуары. В романе нет детального описания одежды, но упоминаются аксессуары, которые тоже участвуют в создании неповторимого стиля персонажа. Так, книжный Кроули является обладателем часов ручной работы и раритетного Бентли, за которым он «трепетно ухаживает» уже почти век: *“The car he was driving was a 1923 black Bentley, one owner from new, and that owner had been Crowley. He'd looked after it”* [4, С.7]. *“It was custom-made for Crowley. Getting just one chip custom-made is incredibly expensive but he could afford it. This watch gave the time in twenty world capitals and in a capital city in Another Place, where it was always one time, and that was Too Late”* [4, С.7].

Что касается личностных характеристик демона Кроули, то он умен, шагает в ногу со временем, он открыт всему новому и очень быстро адаптируется к изменениям, происходящим в мире людей. Очевидно, что ему нравится его положение и возможность откровенно манкировать своей непосредственной миссией – искушать души. Авторы широко используют идиомы для того, чтобы показать хитрость и изворотливость Кроули, а также мягкость, не соответствующую статусу (*Thousands and thousands of souls all got a faint patina of tarnish, and you hardly had to lift a finger*).

Грядущий Армагеддона не входит в планы демона, за время, проведенное на земле, он привык к мелким радостям и комфорту человеческого мира, обрел друга в лице ангела и разрушение его уютного мира никак не соответствует желаниям Кроули (*“Everything had been going so well, he'd had it really under his thumb these few centuries”* [4, С.11]).

Роль демона в одноименном мини-сериале исполнил британский актер Дэвид Теннант. “Экранный” Кроули худощав, имеет острые черты лица. Цвет волос персонажа рыжий, что расходится с первоисточником, его глаза похожи на глаза змеи, что тоже соответствует описанию, представленному в оригинальном произведении.

Что касается одежды персонажа, то здесь воображение режиссера и художника по костюмам не было ограничено рамками первоисточника. Поэтому они создали для персонажа образ в соответствии с модой 20 века, который так обожает Кроули. Поэтому в экранизации демон носит одежду темных оттенков и конечно же солнечные очки. Создатели сериала также не забыли об уникальных часах ручной работы. Стоит отметить, что все это в совокупности подчеркивает брутальность демона: походка вразвалку, активное использование мимики и жестов, быстрая и эмоциональная речь, манера вождения автомобиля на высоких скоростях – все это выглядит естественно, говорит об уверенности персонажа, транслирует зрителю бунтарский дух Кроули.

Азирафаэль – ангел, он занимает в ангельской иерархии чин Начал и со времен сотворения земли его миссия была противостоять злу и охранять ворота в райский сад. Внешность персонажа в романе не описывается напрямую, авторы предлагают воображению читателя создать образ самостоятельно, но указывают информацию о некоторых чертах Азирафаэля, а именно о том, что внешним видом он напоминал англичанина, был умен и весел. Уважал правила этикета и следовал им. Азирафаэль имеет слабость к хорошей музыке и кроссвордам в Дейли Телеграф, обожает яичницу и маленькие уютные ресторанчики. Так же, как и Кроули, любит человеческий мир (*“Many people, meeting Aziraphale for the first time, formed three impressions: that he was English, that he was intelligent, and that he was gayer than a tree full of monkeys on nitrous oxide... (параллельные конструкции). But he was intelligent. And it was an angelic intelligence which, while not being particularly higher than human intelligence, is much broader and has the advantage of having thousands of years of practice (обособление)...Aziraphale spread his elegantly manicured hands (эпитет)”* [4, С.90]).

Он владелец букинистического магазина, который для него является скорее хранилищем для книжной коллекции нежели бизнесом, поэтому он делал все чтобы посетители не покупали книги. Об этом говорится в следующем отрывке: *“Aziraphale*

collected books.<...>In order to maintain his cover as a typical second-hand book seller, he used every means short of actual physical violence to prevent customers from making a purchase. Unpleasant damp smells, glowering looks, erratic opening hours-he was incredibly good at it”[4, С.27]

В данном отрывке авторы используют: инверсию, чтобы сделать акцент именно на способах воздействия Азирафаэля на покупателей («*Unpleasant damp smells, glowering looks, erratic opening hours - he was incredibly good at it*” [4, С.23]); эпитет, который представлен в форме наречия, чтобы подчеркнуть его мастерство в этом деле (“...*he was incredibly good at it*”).

Внешний вид персонажа не был продиктован первоисточником, создатели сериала имели свободу выбора. Стоило принять во внимание тот факт, что изначально оба персонажа являются противоположностями, поэтому в противовес тонким и острым чертам лица демона, которого исполняет Дэвид Теннант, создатели решили воплотить персонажа Азирафаэля пригласив на роль Майкла Шина, актера валлийского происхождения, который обладает более мягкими чертами лица. Что касается одежды персонажа, то здесь воображение режиссера и художника по костюмам тоже не было ограничено рамками первоисточника. Поэтому чтобы подчеркнуть небесное начало и противопоставить ангела демону, создатели выбрали для персонажа элегантный костюм двойку, белый плащ и галстук бабочку. Все его одежда подобрана в светлых тонах. Таким образом, Азирафаэль в экранизации выглядит как английский интеллигент. У Азирафаэля прямая осанка, светлая походка, медленная речь, а также он часто разминает пальцы – все это свидетельствует о неуверенности персонажа, его зажатости и скованности.

Таким образом, яркий и самобытный язык авторов романа, многообразие лингвистических средств, использованных для описания героев, нашли отражение в максимально ярком и точном воплощении образов на экране, что нашло подтверждение в оценках зрителей.

Рисунок 1. Портрет персонажей в кинотексте.

2. Речевая партия персонажа

Частью образа персонажа также является его речевое поведение. В литературных произведениях для передачи особенностей коммуникации персонажа автор часто прибегает к использованию специфической лексики, соответствующей характеристикам персонажа, на которые автор хочет сделать акцент; междометий, знаков пунктуации – чтобы передать интонацию, а также описывает манеру произнесения реплики при помощи ремарки в словах автора. У кинодискурса в данном аспекте наблюдается явное преимущество, так как речевое поведение передается не только при помощи специфической лексики, но и подкрепляется просодическими средствами, воплощенными в игре актера (интонация, паузы, логическое ударение, акценты), а также невербальными сигналами, такими как мимика, жесты.

При изучении эмпирического материала в речевой партии Кроули были выделены следующие особенности, выраженные в использовании: лексики, определяющей саму его суть: *bloody normal, helly hound, for Satan's sake, to tempt*; междометий, в особенности “eh”, для того, чтобы побудить человека ответить на то, что было сказано (“*Funny if we both got it wrong, eh? Funny if I did the good thing and you did the bad one, eh*” [4, C.1]? “...*how many musicians do you think your side have got, eh? First grade, I mean*” [4, C.25]); фразеологических оборотов (идиом) (“*For my money it was just an ordinary cock-up*” [s01e02] “*This is something else, for if it all goes pear-shaped*” [s01e03]. “*Right. It'd be a real feather in your wing*” [4, C.32]. “*That's a bit holier-than-thou, isn't it*” [s01e03]? “*I don't like it. There's something wrong. I just can't put my finger on it*” [4, C.38]); иронии (“*Well, have you found the missing Antichrist's name, address and shoe size yet*” [s01e03]? “*But it won't be as interesting. Look, you know I'm right. You'd be as happy with a harp as I'd be with a pitchfork*” [4, C.24]. “*And then Game Over, Insert Coin*” [4, C.24]? “*Oh lord, heal this bike,*” he whispered sarcastically” [4, C.50]); разговорных лексических единиц (“*Times are changing. So what's up*” [s01e01]? “*So I'll be popping along*” [4, C.10]... “*For my money it was just an ordinary cock-up*” [s01e02]. “*Catch you soon, huh*” [4, C.42]? “*Not exactly. Fair's fair*” [4, C.57]).

При изучении эмпирического материала в речевом поведении ангела Азирафаэля были выделены следующие особенности, реализованные в употреблении: устаревших слов, таких как: *thee, thou, velocipede*; эвфемизмов (“*Sometimes I find your methods of expression a little difficult to follow*” [4, C.24]. “*God is a bit tetchy*” [s01e02]); инверсии (“*Up you get, young lady,*” said the angel, hauling Anathema out of the bracken” [4, C.49]. “*And off we go, then*” [4, C.178]. “*May you be forgiven*” [s01e03]); обособления с совокупности с инверсией (“*Doing a spot of astronomy, were we?*” said Aziraphale, setting the bike upright” [4, C.49]. “*Amazingly resilient, these old machines*” [s01e02]); повелительного наклонения с усилительными конструкциями (“*You don't listen to that woman, You listen to me*” [s01e01]. “*Do get in, my dear*” [s01e02]); междометия “er”, который передает неуверенность, сомнение говорящего (“*Er,*” said the angel <...> “*Er, well-*” [4, C.1]. “*Er,*” said Aziraphale. “*Er. Yes. Perhaps we'd just better wait a bit, what do you think*” [4, C.199]?).

Таким образом, сопоставив речевые партии персонажей, можно сделать вывод, что речь Кроули дополняет его внешний вид при создании полного образа персонажа, идущего в ногу со временем, в его репликах много сленга, идиомы и сарказм свидетельствуют о его мудрости и остроумии. Кроме этого, экранный Кроули имеет живую мимику, выражение его лица часто демонстрирует пренебрежение к миру и скуку, а в купе с манерой речи и стильной одеждой явное превосходство над всеми. В то же время речь Азирафаэля, которая содержит архаизмы, эвфемизмы, сложные конструкции в предложениях, отражает его интеллигентность, аристократичность и некоторую консервативность. На экране лицо ангела часто выражает недоумение и нерешительность, мягкие черты лица, брови «домиком» демонстрирует его наивность и некий инфантилизм.

3. Авторское отношение

Категория авторского отношения одна из основных категорий создания образа персонажа. Важным средством выражения авторского отношения к персонажам служит авторская оценка, что выражается в том использует ли автор в своих ремарках оценочные прилагательные для характеристики персонажей, противопоставляются ли прилагательные, содержащие позитивные коннотации, прилагательным, имеющим негативные коннотации, в описаниях, соответственно, любимых и нелюбимых автором персонажей.

Определение отношения автора к его персонажам в рамках кинотекста представляет некоторую трудность, однако в сериале присутствует важная часть

сюжета – закадровый голос Бога. Поэтому категория авторского отношения может быть выражена посредством реплик рассказчика. Обратимся к эмпирическому материалу нашего исследования. Основываясь на словах автора в романе, можно сделать вывод, что Кроули – любимчик авторов. Так для описания его достижений в работе авторами часто использовались лексические единицы с позитивной окраской, в следующих отрывках можно заметить употребление сравнительной и превосходной форм прилагательного и идиомы (“*It was one of Crowley's better achievements. It had taken years to achieve, and had involved three computer hacks, two break-ins, one minor bribery and, on one wet night when all else had failed, two hours in a squelchy field shifting the marker pegs a few but occultly incredibly significant meters*” [4, С.6]).

Авторы также очень часто подчеркивают превосходство Кроули над его коллегами. Они акцентируют внимание на современности демона, тем самым вызывая уважение читателя и проявляя свое (“*Thousands and thousands of souls all got a faint patina of tarnish, and you hardly had to lift a finger*” [4, С.8]. “*You are obviously highly favored*” [4, С.9]).

Более того, Кроули редко сталкивается с проблемными ситуациями, ему везет даже в работе, так как люди сами справлялись с тем, чтобы портить себе жизнь. В одной из поездок в Испанию Кроули получил благодарность за создание испанской инквизиции, которой отношения не имел: “*Crowley had got a commendation for the Spanish Inquisition. He had been in Spain then, mainly hanging around cantinas in the nicer parts, and hadn't even known about it until the commendation arrived*” [4, С.19].

Авторы также часто указывают на то, что Кроули, по их мнению, добр, милосерден и оптимистичен, а причина, по которой он попал в ад просто случайность и что роль демона, в традиционном понимании, ему не очень подходит. В следующих отрывках авторы пытаются оправдать Кроули (“*He'd been an angel once. He hadn't meant to Fall. He'd just hung around with the wrong people*” [4, С.11]. “*Because he rather liked people. It was a major failing in a demon*” [4, С.19]). Стоит также заметить, что только у Кроули есть описание внешности и его образ проработан более детально, нежели образ ангела.

Что касается Азирафаэля, то авторы выражают небольшую антипатию и испытывают скорее жалость к нему, считают его легкомысленным, нежным, наивным. Такой вывод можно сделать, основываясь на эпитетах и выражениях, которые авторы используют для описания персонажа Азирафаэля (“*Even Aziraphale does not possess a copy, but would go weak at the knees at the thought of actually getting his exquisitely manicured hands on one*” [4, С.28]).

Авторы часто высмеивают ангела, например вот таким предложением (“*Technically Aziraphale was a Principality, but people made jokes about that these days*” [4, С.21]). Здесь авторами использован прием ретардации, чтобы преуменьшить достижения ангела и показать, насколько малозначимо его положение для окружающих. Авторы также не скупятся на количество неприятностей и неловких моментов, в которые попадает Азирафаэль. Следующие цитаты описывают эпизод из книги, в котором Азирафаэль на дне рождения сына американского посла выступает в качестве фокусника (“*The children watched him in blank, disdainful incomprehension. Behind the buffet Crowley, in his white waiter's coat, cringed with contact embarrassment*” [4, С.40]. “*Piping infant voices were raised in cynical merriment as Aziraphale dropped three linked metal rings*” [4, С.40]).

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что Нил Гейман и Терри Пратчетт испытывают большую эмпатию к демону Кроули, чем к ангелу Азирафаэлю, который часто выглядит нелепо, а саркастичный и ироничный демон способен убедить его в том, что ему нужно. Их отношение в тексте романа и сериале выражено посредством соответствующих лексических единиц, которые они используют для комментирования действий или внешнего вида персонажей, а также через выбор лексикостилистических средств в речи персонажа.

1. Жданович, М. А. Лингвистические средства создания образа персонажа в художественном диалоге: на материале современной англоязычной прозы и драматургии // дис. ...кан-та филол. наук /М.А.Жданович. Самара, 2009.С.195
2. Котович, М.И Языковые средства создания персонажа в художественном произведении // Идеи. Поиски. Решения: сборник статей и тезисов IX Междунар. науч. практ. конф. 2015. С.64-68 20)
3. Слышкин, Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). — М.: Водолей Publishers, 2004. — 153 с.
4. Gaiman N., Pratchett T. GOOD OMENS. - 1999. - 226 с.
5. <https://good-omens-lostfilm.net/238-subtitles/1-season?ysclid=m3u6hxgufx577433209>

Варуха И.В., Давлетбаева А.Ф.

Анализ медиатекста

*Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-191

Аннотация

Статья рассматривает проблему анализа современного медиатекста, как одного из самых эффективных средств влияния на массовую аудиторию. Авторы описывают принципы первичного анализа содержания современных медиа, а также предлагают критерии для анализа языкового материала, такие как дихотомия «свой-чужие», отношения «адресат-адресант», соответствие постулатам Грайса и речевая стратегия.

Ключевые слова: новые медиа, медиатекст, речевая стратегия, постулаты Грайса.

Abstract

The article considers the problem of analyzing modern media text as one of the most effective means of influencing a mass audience. The authors describe the principles of primary analysis of the content of modern media, and also propose criteria for analyzing linguistic material, such as the "friend-foe" dichotomy, the "addressee-addressee" relationship, compliance with the postulates of Grice and speech strategy.

Keywords: new media, media text, speech strategy, postulates of Grice.

В современном мире информация становится одним из ключевых ресурсов, следовательно изучение содержания текстов средств массовой информации приобретает особую значимость. Современные медиа развиваются со стремительной скоростью, генерируя новые форматы, приспосабливаясь к запросам потребителей информации, используя возможности современных технологий. Основополагающими являются термины «современные медиа» и «новые медиа». «Новые медиа» чаще остальных используется для противопоставления с традиционными формами, при этом стоит отметить, что единого перечня новых медиа на данный момент не существует [2, с. 39], однако в обобщенном виде можно отметить следующие виды: 1) интернет-СМИ (e-media): сетевые и онлайн-версии традиционных СМИ; 2) социальные сети, в том числе

блогосфера; 3) форумы; 4) подкасты; 5) государственные информационные системы; 6) видеохостинги; 7) мессенджеры.

На основе классификации типов новых медиа можно выделить критерии для первичного анализа языковой информации: способ подачи информации, объем, дополнительная языковая информация, платформа размещения. Адресант, наличие явного адресата. Анализ данных критериев обозначается в качестве этапа первичного анализа, потому что это тот материал, который можно выделить при первичном воздействии языкового материала на исследователя, при этом данные либо вовсе не имеют, либо имеют относительную связь с анализом языковым компонентом.

Более подробное описание уже происходит во время основного анализа языкового материала. Авторы статьи предлагают рассмотреть следующие критерии основного анализа медиа текста: дихотомия «свой-чужие», отношения «адресат-адресант», соответствие постулатам Грайса и речевая стратегия.

В рамках коммуникации зачастую важно определять, какую роль играют «объединяющие» местоимения: «мы», «они», «вы» и др., потому что подобным образом реализуется дихотомия «свой-чужой», способная оказывать воздействие на аудиторию в разных целях: как для чувства единения нации в периоды праздников, так и расчеловечивания врагов в сознании населения в период военных конфликтов.

В таком случае важно понять цель коммуникации, а исходя из нее и цель использования местоимения – не всегда «чужие» представляют собой угрозу, против которой нужно бороться.

Дихотомию свой – чужой считают базовой для человеческого сознания, фундаментальной для развития этноса и национальной культуры. Эта дихотомия лежит в основе формирования национальной и социальной идентичности.

«Поскольку разграничение свой и чужой культурно обусловлено, постольку оно варьирует в различных национальных культурах. Чужим оказывается представитель иного этноса, носитель иной культурной традиции (Байбурин 1993). По мере развития национальная культура утрачивает свою однородность, параллельно развиваются «низкая» и «высокая» субкультуры, фольклор и литературная традиция (Бахтин 1990). В индустриальную эпоху соотношение субкультур усложняется: помимо традиционной и элитарной формируется городская и профессиональная субкультуры (Толстой 1995). Неоднородность национальной культуры усложняет самоидентификацию и снижает ценность простой классификации на основе перцептивно выделенных признаков. В конечном итоге, разграничение на своих и чужих по этническому признаку, по принадлежности к одной культурной традиции и использованию одного языка, утрачивает базовую ценность» [1].

Здесь обратимся к трехсторонней классификации коммуникации (общественно-институциональная коммуникация, коммуникация между институтом и гражданином и коммуникация между агентами в институтах). Определив изначально, кто является адресантом, а кто адресатом, мы можем понять, к какому типу коммуникации относится данный языковой материал.

Говоря подробнее об общественно-институциональной коммуникации, необходимо обозначить, что здесь существует взаимодействие по линии «институт-общество» и «общество-институт». «Коммуникация «институт общество» может осуществляться через жанры, представляющие собой обезличенные «высказывания институтов» (постановления правительства, декреты, законы, призывы, лозунги, плакаты), либо через высказывания политических лидеров, т.е. отдельных личностей как представителей институтов (такие жанры, как публичная речь, радиообращение, указ президента)» [3].

Коммуникация между агентами в институтах осуществляется на внутреннем (служебная переписка, закрытое заседание и др.) и публичном (открытые заседания, встреча президента с министрами) уровнях.

Также на основе «адресант-адресатных» отношений выделяют адресатные дискурсы, направленные на обозначенного интерпретатора, и безадресатные

(квазиадресатные, общеадресатные), направленные на адресата вообще, а не на конкретную личность.

Для успешной коммуникации необходимо соблюдать соответствие языкового материала постулатам речевого общения Грайса: постулат количества («Говори столько, сколько требуется»), постулат качества («Утверждай то, что считаешь истинным, не ври»), постулат релевантности («Говори то, что имеет отношение к делу, не уклоняйся от темы»), постулат способа («Выражайся ясно, коротко и однозначно») [4, с. 52].

Иными словами, необходимо проанализировать текст по аспектам достаточного количества информации, соответствие фактам и теме, а также, насколько понятно и однозначно донесена информация, не допускает ли она двойного трактования.

Немаловажным представляется анализ речевой стратегии. Установка на кооперацию либо ее отсутствие является одним из важных параметров речевых стратегий. В данном аспекте речевые стратегии традиционно подразделяются на кооперативные и конфронтационные. Под конфронтационной мы понимаем стратегию, предполагающую установку на определение позиций одного из коммуникантов как единственно верную, неприятие позиции второго коммуниканта, характеризующуюся дисгармоничными отношениями между коммуникантами, позиционно-смысловой дистанцией, несогласием, выраженном в споре, полемике.

Кроме того, стратегии подразделяются на основные и вспомогательные. К основным относятся семантические (или когнитивные): дискредитация, подчинение и т.п.

Вспомогательные речевые стратегии подразделяются на: прагматические (построение имиджа, формирование эмоционального настроения и т.п.); диалоговые (контроль над темой, контроль над инициативой и т.п.); риторические (привлечение внимания, драматизация и т.п.)

В заключении необходимо отметить, что существуют различные критерии анализа современного медиатекста, благодаря уровню разработанности лингвистических подходов. Исследователю необходимо ознакомиться с многообразием методов и выбрать способы анализа, которые наиболее полно соответствуют задачам исследования.

1. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики (модели мира в литературе). М.: Тривола, 2000. 248 с.
2. Варуха И.В., Давлетбаева А.Ф. Новые интернет-медиа как уникальное явление современной коммуникации // Рецензируемый научный журнал «Тенденции развития науки и образования». Апрель 2023 г. № 96, Часть 3 Изд. НИЦ «ЛЖурнал», 2023. – С. 39-41. DOI: 10.18411/trnio-04-2023-125.
3. Варуха И.В., Загидуллина М.Р. Нарратив как средство дискурсивного воздействия СМИ на формирование оценки событий (на материале корпуса англоязычных текстов, посвященных делу ЮКОСа) // Лингвистическая семантика в пространственном измерении: Словарь. Дискурс. Корпус: [монография] / под общ. Ред. Проф. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый.
4. Grice H. P. Logic and conversation. In: «Syntax and semantics», v. 3, ed. by P. Cole and J. L. Morgan, N. Y., Academic Press, 1975, p. 41-58.

Гареева Г.Н., Байназарова А.А.

Жанровые особенности лирических повестей Фарита Исянгулова

*Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-192

Аннотация

Проза Фарита Исянгулова притягивает к себе внимание своей проблематикой, многоаспектным раскрытием темы семьи и любви. Сложные взаимоотношения между мужчиной и женщиной отражаются во многих его повестях, среди которых лирические по своей жанровой структуре произведения «Фания», «Алтынбике», «Лебедушка моя», «Все остается на земле» занимают особое место.

Ключевые слова: Фарит Исянгулов, жанровые особенности, повесть, лиризм, романтический мотив, герой.

Abstract

Farit Isyangulov's prose attracts attention with its complexity, multidimensional disclosure of the theme of family and love. The complex relationship between a man and a woman is reflected in many of his novels, among which the lyrical works "Fania", "Altynbike", "My Swan", "Everything remains on earth" occupy a special place in their genre structure.

Keywords: Farit Isyangulov, genre features, novel, lyricism, romantic motive, hero.

Следует отметить, что «лирическая повесть – это сложный и многогранный жанр художественной литературы, сочетающий в себе черты эпического повествования и лирического переживания. В отличие от классической повести, акцент в лирической повести смещается от внешнего действия и сюжета к внутреннему миру героя и его эмоциональному состоянию» [4, с. 126].

В этих произведениях прекрасный мир любви мужчины и женщины противопоставляется суровым реалиям современной действительности и, в конечном итоге, возникает своеобразное художественное воплощение сюжета, присущее лирическому подтексту [1, с. 185].

Примечательно, что свое достойное место в этой серии повестей заняло и произведение «Фания», которое также имеет мощный лирический подтекст. Ф. Исянгулов проявил себя мастером-творцом, хорошо знающим женский мир, психологию женщин. В данной повести Ф. Исянгулова и в ряде других повестей писателя психологически очень точно, глубоко раскрывается женский характер.

Как и в других повестях, в этом произведении главной героиней выступает яркий женский образ. Героиня Фания играет решающую роль и в развитии сюжетной линии, и в раскрытии характера Рауфа, в воспитании в нем гражданского духа, который с первых же неудачных шагов в личной жизни потерял доверие к людям и встал на скользкий путь.

В центре повествования – не просто литературный персонаж, а лирический герой, чьи переживания и чувства становятся основой повествования. Автор словно сливается воедино с героем, передавая его внутренний мир, мысли, эмоции и ощущения.

Повесть начинается с эпизода романтической любви, с минуты безмолвия – молчания обоих персонажей, в дальнейшем писатель рассказывает волнующую всех людей историю, полную любви и грусти – момент прощания парня с девушкой. Здесь писатель настолько искусно описывает эпизод любви, что с помощью разных тонких деталей наглядно представляет перед читателем полную драматизма картину, показывает, как парень и девушка близки друг к другу и как им обоим тяжело расставаться. Психологически глубокое изображение данного эпизода демонстрирует лирические мотивы в повести.

Дух молодости, романтические мотивы в лирическом подтексте повести переплетены с основной сюжетной канвой повести. Фаритом Исянгуловым последовательно и ярко раскрывается характер главного героя.

Фарит Исянгулов в сюжетосложении придерживается распространенного художественного приема – контрастного плана, когда между двумя героинями рождается антитеза, противопоставляется их духовно-нравственное состояние, моральные ценности, человеческое лицо. Фания начинает бороться за сердце Рауфа, и между ними рождается искренняя дружба. Они вместе обсуждают общую комсомольскую работу, в процесс общения, душевных разговоров Фания, как истинный психолог, вылечивает душевные раны Рауфа, вновь пробуждает в нем веру в людей, веру в большую и чистую любовь, в преданность взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Рауф под влиянием второй Фании постепенно избавляется от своих душевных терзаний, отказывается от своих безнравственных походов по женщинам. Девушка с активными жизненными позициями благотворно влияет на процесс духовного оздоровления героя.

Начало и конец повести схожи по своей сюжетной структуре. Рауза узнала, как она была обманута Рауфом, вернее, была введена в заблуждение. Когда Фания, по просьбе

Рауфа, рассказывает Раузе о его жизни, о его неудачной женитьбе и разводе, юная девушка не может простить Рауфу, что он скрыл от нее свою жизнь. В последний момент, когда Рауф едет в поезде провожать ее, любовь все-таки побеждает все препятствия, обиды. Так они находят друг друга сквозь сложные перипетии судьбы.

В целом, лирические повести Фарита Исянгулова раскрывают мир глубоких и тонких человеческих переживаний. Эти произведения позволяют читателю окунуться в сложный, богатый своими красками мир эмоций и чувств, понять и прочувствовать внутренний мир героя, воспитывают у читателя эстетический вкус, способствуют расширению собственного эмоционального восприятия, духовно очищают и возвышают. Автор ставит перед читателем философские вопросы, заставляя его задуматься о смысле жизни, о природе любви, о роли человека в мире.

Повесть Ф. Исянгулова «Все остается на земле» отличают глубокие размышления о жизни, о смысле бытия, о предназначении человека на земле, тончайшее воспроизведение лирического духа, накал драматического пафоса. Источником такого грустного тона является то обстоятельство, что Акрам Амантаев возвращается с войны тяжело раненным и с неизлечимым заболеванием. «У меня считанные дни остались. Не хочу сделать тебя несчастной... – из-за своей любви... – отвечает он на желание Наиля быть вместе с ним. – Молодых, овдовевших, и без того много» [3, с. 125].

Тем не менее, близкое отношение Наиля к Акраму основывается не на чувстве сострадания, жалости. Любовь между ними искренна и крепка. Писатель изображает в образе Наиля верную женщину с большим сердцем, умеющую по-настоящему любить. Именно по этим человеческим качествам образ Наиля перекликается с образом Алтынбике – трактористкой, которая вновь зажгла в своем муже-инвалиде огонь любви и надежду на жизнь в повести «Алтынбике» Ф. Исянгулова.

Акрам и Наиль – люди сильные духом, искренние. Амантаев был отважным воином на фронте. И в последующем, даже когда его подозревают и обвиняют в несправедности в его деяниях из-за цепи случайных, непредвиденных событий, он не теряет надежды на людей, на торжество справедливости. Несмотря на тяжелую болезнь, он оказывает односельчанам всю необходимую помощь – мастерит всякую инвентарь, орудия труда, в которых нуждаются односельчане: делает топоры, пилу, кладет печь в школе и т.д. До конца своих дней он делает людям только добро, сеет добро.

Автор, как невидимый рассказчик, присутствует в повести в образе Гафара – ученика Наиля-апа. Вот так в своих размышлениях представляет сильный духом образ женщины Гафар: «В деревне все понимали, что молодая и неопытная Наиль-апай взвалила на себя непосильный груз. Да и сама она, видимо, сознавая, что помощи ждать неоткуда, приходила в отчаяние. Пятиклассница Шарифа, вездесущая девчонка, живущая по соседству, уже успела шепнуть мне, что видела, как Наиль-апай плакала в укромном месте. Вообще, в науках Шарифа обычно плавала, а на такое глаз у нее был острый.

Я очень жалел Наиль-апай и старался хоть чем-нибудь ей помочь. Под любым предлогом прибегал к нашей соседке Магузе, одинокой солдатке, у которой она поселилась, чтобы наколоть дров или расчистить от снега двор. Да и в школе не нарушал дисциплины и добросовестно выполнял все поручения, желая понравиться директору. И если она обращалась ко мне на уроках не по фамилии, а по имени «Гафар!», я был на седьмом небе.

Нет, я не преувеличиваю: ради Наиль-апай мне хотелось совершать подвиги, идти в огонь и в воду. Но ей-то нужен был не герой, а толковый помощник в школьных делах.

Если бы я был ее ровесником! Или она была бы младше» [3, с. 131].

Наряду с лирической составляющей, повести Ф. Исянгулова содержат глубокие философские идеи. Писатель размышляет о судьбе человека, о смысле жизни, о связи времен и поколений. Герои его произведений часто находятся в состоянии внутреннего поиска, сталкиваются с экзистенциальными вопросами и ищут ответы на них.

В целом, Фарит Исянгулов в лирических повестях остается неисправным романтиком. Герои его произведений - женщины и мужчины, проходя испытания любовью, проходя жизненные трудности, сквозь горечи судьбы обретают новый жизненный опыт, ощущают новое восприятие окружающего миропорядка. Лирические повести Фарита Исянгулова, глубоко психологичные, полные лиризма, романтизма, философской внесли значительный вклад в золотой фонд башкирской литературы. Они высоко ценятся и сегодня, сохраняют актуальность для читателей разных поколений. Эти произведения продолжают вдохновлять и трогать сердца современников, побуждая их к размышлениям о вечных темах человеческого бытия.

1. Гареева, Г.Н. Башкирские прозаики: монография. – Уфа: БашГУ, 2012. – 512 с.
2. Гареева Г. Н. Башкирская литература XX-XXI веков: учебник для высших учебных заведений. Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – 256 с.
3. Исянгулов Ф.Х. Все остается на земле: повести и рассказы. – М.: Современник, 1986. – 289 с.
4. Хусаинов Г.Б. Теория литературы. – Уфа: Китап, 2007. – 258 с.

Гареева Г.Н., Тимирзянов А.В.
Медиаобраз «современности» и проблема диалога культур

*Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-193

Аннотация

Современные медиа играют ключевую роль в формировании культурных образов и мировоззрения, влияют на восприятие культурных различий и их осмысление. В данной статье анализируется концепт медиаобраза «современности» как инструмента репрезентации и трансформации культурных ценностей, а также исследуются вызовы, связанные с диалогом культур в условиях глобализации и цифровизации. Особое внимание уделено критическому анализу влияния медиа на интеркультурное взаимодействие.

Ключевые слова: медиаобраз, диалог, культура, медийный формат, дискурс, глобализация медиасреды.

Abstract

Modern media plays a key role in shaping cultural images and worldviews, influencing the perception of cultural differences and their understanding. This article analyzes the concept of the media image of "modernity" as a tool for the representation and transformation of cultural values, and also examines the challenges associated with the dialogue of cultures in the context of globalization and digitalization. Special attention is paid to the critical analysis of the influence of media on intercultural interaction.

Keywords: media image, dialogue, culture, media format, discourse, globalization of the media environment.

Глобализация и цифровизация изменили подходы к восприятию культурных различий и пониманию «современности». В медийной среде создаются и транслируются универсальные образы, которые определяют представление о культуре, ценностях и идентичности. Однако формирование таких образов нередко сопровождается стереотипизацией и культурным доминированием. Проблема диалога культур в данном контексте обостряется из-за конфликта универсализации и локализации, а также различий в интерпретации «современности».

Медиаобраз «современности» можно рассматривать как символическую конструкцию, отражающую доминирующие представления о прогрессе, инновациях и социальных изменениях в глобальном обществе. Этот образ формируется с помощью различных медийных форматов – от новостных сообщений до рекламных кампаний, от визуальных символов в социальных сетях до кинематографа. Он не является статичным, а постоянно обновляется, адаптируясь к изменениям общественных ожиданий, технологических достижений и культурных дискурсов.

Проблема диалога культур в контексте медиаобраза «современности» заключается в том, что медиапространство, стремясь к универсализации, часто игнорирует разнообразие культурных перспектив. Универсальный медиаобраз ориентирован на создание узнаваемого во всём мире стандарта, что влечёт за собой определённые последствия. С одной стороны, он облегчает коммуникацию и взаимопонимание, но с другой – способствует гомогенизации культур и нивелированию их уникальных черт.

Глобализация медиасреды обострила противоречие между универсализмом и локализмом. Медиа не только транслируют культурные коды, но и служат платформой для борьбы за доминирование этих кодов. Культура «современности» в представлении медиа зачастую отражает западоцентричную модель развития, основанную на технологическом прогрессе, индивидуализме и потреблении. Такие образы редко включают альтернативные взгляды, что ограничивает полноценное взаимодействие между культурами.

В условиях цифровой эпохи формирование медиаобраза «современности» осложняется влиянием алгоритмов, которые усиливают распространение уже доминирующих представлений. Например, платформы социальных сетей, используя персонализированные алгоритмы, создают эффект «информационного пузыря», усиливая локальные и глобальные диспропорции в культурных нарративах.

Несмотря на негативные аспекты универсализации, медиаобраз «современности» может стать мощным инструментом трансформации культур и платформой для межкультурного диалога. Медиа обладают уникальной способностью трансформировать культурные нормы и практики, предоставляя новые способы репрезентации идентичности и обновляя традиционные ценности.

Например, включение локальных культурных элементов в глобальные медиаформаты позволяет создавать гибридные образы, сочетающие в себе черты «современности» и локальной идентичности. Такие гибридные образы способны разрушать стереотипы, предоставляя пространство для культурного разнообразия. Однако для достижения этого эффекта необходимо учитывать риски «поверхностной адаптации», когда локальные особенности используются исключительно для повышения привлекательности медиаобраза, а не для углубления понимания культуры.

Медиа также способны инициировать процессы культурной рефлексии. Например, документальные фильмы или социальные медиапроекты, акцентирующие внимание на проблемах маргинализированных сообществ, способствуют осознанию их роли в глобальном культурном пространстве. Это позволяет не только пересмотреть традиционные представления о «современности», но и расширить их содержание, включив голоса, ранее исключённые из общественного дискурса.

Исследование медиаобраза «современности» и его влияния на диалог культур основывалось на сочетании качественных и количественных методов анализа. Такой подход позволил не только выявить основные тенденции в создании и восприятии медиаобразов, но и оценить их влияние на культурное взаимодействие.

Контент-анализ применялся для изучения визуального и текстового контента, создаваемого в рамках глобальных медийных платформ, таких как социальные сети (Facebook, Instagram (деятельность организации Meta Platforms Inc., ее продуктов Instagram и Facebook запрещена на территории Российской Федерации), TikTok),

новостные порталы (BBC, CNN, Al Jazeera) и рекламные кампании крупных брендов (Nike, Coca-Cola, Samsung).

Для анализа использовались визуальные кампании глобальных брендов, в которых отражаются образы «современности». Например, рекламная кампания Nike «You Can't Stop Us» (2020) представляет медиаобраз современной личности как активной, инклюзивной и связанной с глобальными проблемами. В рамках исследования визуальный ряд был проанализирован с точки зрения включения культурного многообразия, акцента на инклюзию и символы прогресса.

Кроме того, анализировались изображения в новостных порталах, посвященные развитию технологий. Например, в статьях о высокоскоростных поездах или возобновляемых источниках энергии проверялось, какие культурные контексты (западные или азиатские) доминируют в визуальных и текстовых материалах.

Семиотический анализ использовался для интерпретации символов и знаков, присутствующих в медиаобразах. Этот метод позволил раскрыть скрытые смыслы и идеологические послы, которые формируют представления о «современности».

В визуальных материалах рекламной кампании Apple «Think Different» были выделены ключевые символы: минималистичный дизайн, технологические устройства как символы прогресса, образы исторических фигур (Ганди, Эйнштейн). Анализ показал, что такой образ «современности» акцентирует внимание на индивидуализме и инновациях, что соответствует западоцентричному мировоззрению.

Сравнительное исследование проводилось для выявления различий в восприятии медиаобразов «современности» в разных культурных контекстах. В рамках этого подхода анализировались как локальные, так и глобальные медиаформаты.

Исследование сравнивало медиаобраз «современности» в рекламных кампаниях Samsung для Южной Кореи и США. В корейской версии акцент делался на коллективных ценностях, инновациях для улучшения общества и связи с традициями. В американской версии – на индивидуальном успехе, инновациях как средстве личной свободы и престижа. Эти различия указывали на адаптацию глобального бренда к локальному культурному контексту.

Результаты проведенного исследования показывают, что образ «современности», транслируемый через медиа, имеет сложную и многослойную структуру, отражающую как глобальные тенденции, так и специфические локальные контексты. В частности, наблюдается явное преобладание западных моделей «современности», ориентированных на индивидуализм, технологический прогресс и экономическую свободу. Это становится особенно очевидным в контексте рекламных и новостных материалов, представленных крупнейшими глобальными брендами и медиаплатформами. Образы, транслируемые такими брендами как Nike, Apple, акцентируют внимание на технологических достижениях, инновационных подходах к повседневной жизни и стремлении к успеху через личное саморазвитие.

Таким образом, медиаобраз «современности» имеет потенциал стать инструментом культурной трансформации, если он будет создаваться с учетом принципов разнообразия, уважения к локальной идентичности и продвижения равноправного диалога между культурами.

1. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.
2. Castells M. *The Information Age: Economy, Society, and Culture*. – Oxford: Blackwell, 2000.
3. Couldry N., Hepp A. *The Mediated Construction of Reality*. – Cambridge: Polity Press, 2016.
4. Hall S. *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*. – London: SAGE, 1997.
5. Jenkins H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. – New York: NYU Press, 2006.
6. Бауман З. *Глобализация: Последствия для человека и общества*. – М.: Весь Мир, 2004.
7. Гудков Л.Д. *Стратегии культурной репрезентации в медиа*. – Москва: Логос, 2015.
8. Лотман Ю.М. *Семиосфера*. – СПб: Искусство-СПб, 2000.

Данилова А.Н.
Особенности передачи эпических имен в олонхо

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
(Россия, Якутск)

doi: 10.18411/trnio-12-2024-194

Аннотация

В данной статье анализируется семантика имен эпических персонажей. Цель исследования заключается в выявлении основных особенностей передачи имен в тексте олонхо А.Г. Местникова "Бардам Баабый". В олонхо формула имени выступает особым средством выражения и конкретизации образа эпических героев. В результате исследования выявили подтекстовые значения имен, раскрывающие свернутые рассказы из жизни персонажа.

Ключевые слова: якутский героический эпос олонхо, самозапись, фиксатор олонхо, сюжет, эпические персонажи, формула имени, семантика.

Abstract

The article analyses the semantics of epic characters' names. The study aims to identify the main features of conveying names in the Olonkho text by A.G. Mestnikov "Bardam Baabyi". The name formula in Olonkho serves as a special means of expression and particularisation of epic characters' images. The study revealed sub-textual meanings of names exposing implied stories from the characters' lives.

Keywords: yakut heroic epic Olonkho, self-recording, Olonkho recorder, plot, epic characters, name formula, semantics.

Актуальность работы обусловлена прежде всего растущим интересом к раскрытию семантики эпических имен в текстах олонхо, которые выступают особым средством выражения и конкретизации образа эпических героев. Вопросы изучения эпических имен в текстах якутских олонхо были затронуты в работах якутских исследователей Н.В. Емельянова [3], Н.И. Филипповой [5], П.Н. Дмитриева [2], А.Н. Даниловой [1]. Функционирование собственных имен в тексте имеет свою специфику, так как они являются элементами формы эпического произведения. В текстах олонхо все имена значимые. Выбор имени зачастую зависит от функции эпического персонажа.

Материалом исследования выступил самозапись олонхо А.Г. Местникова "Бардам Баабый" [4]. Олонхо было зафиксировано носителем устной эпической традиции Андреем Гаврильевичем Местниковым в 1946 г. Олонхо хранится в рукописном отделе Архива ЯНЦ СО РАН [Местников, 52 л.]. Андрей Гаврильевич был внештатным корреспондентом Научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Объем олонхо составляет 4590 стихотворных строк. Это самозапись олонхо является одним из 14 самозаписей, хранящиеся в Рукописном Фонде. Как знаток устного эпоса к записи своего олонхо А.Г. Местников относился очень серьезно, основательно.

В данном олонхо персонажи могут быть распределены следующим образом: богатыри *айыы* / *абаасы* – женщины *айыы* / *абаасы* – родоначальники *айыы* / *абаасы* – божества – духи – рабы *айыы* – кузнецы. Всего участвуют 50 эпических персонажей. Все они наделены собственными именами.

Анализ структурной модели именных формул эпических персонажей показывает, что они состоят из нескольких определительных рядов различного объема, которые указывают локальную принадлежность и отнесенность к определенной

стихии, цвету или объекту, родственный, индивидуальный, сословный статус, идущие в строгой последовательности по отношению к ядерному слову – имени собственному.

Структура именной формулы главного героя данного олонхо выглядит следующим образом: *Бар хара тыяны / Баһынан көстөр, / Ахсым дьабыл аттаах, / Баай ыал / Маанылаах / Бастын оҕото / Бардам Баабый*. Собственное имя состоит из двух компонентов – "**Бардам Баабый**". Двухкомпонентное имя героя олонхо на первый взгляд, перекликается с пословицей "*Тот оҕото дохсун, баай оҕото бардам*" (досл. *Дитя сытого – наглый, дитя богатого – дерзкий*) [перев. наш] и в нем отражен социальный оттенок. Слово "Баабый" в соотношении с другими постоянными эпитетами имени героя представляет образ физически крепкого, уважаемого и почитаемого сына богатых родоначальников айыы с дерзким крутым нравом. В формуле имени героя имя его богатырского коня занимает значительное место. В имени коня использована **гипербола** для намеренного преувеличения огромного роста с целью создания яркого и впечатляющего образа богатыря.

В данном олонхо функцию верховного божества Үрүн Айыы Тойон выполняет небесный богатырь по имени Тойон Дьааһын. Именно он решает судьбы героев олонхо: заключает браки, отправляет в тюрьмы и т.п. Имя эпического героя соответствует его положению и миру, стране, где он живет: *Тоҕус халлаан / Сүрдээх дьүүлүн / Уон бабыа көмүс тарбагар / Туспутунан төрүөбүт / Тойон Дьааһын бухатыыр* (Девяти небес / Строгий суд / В десяти золотых пальцах / Рожденный держа / Тойон Джаасын богатырь) [перев. наш]. Семантика слов имен указывают на его основную функцию. Имя, выступая как микротекст, раскрывает его предназначение вершителя судеб жителей девяти небес.

Имя эпического персонажа может быть связано с развитием сюжета и . триада «имя - образ - сюжет» может стать основой эпического произведения. Так, именная формула другого богатыря айыы представлен следующим образом: *Түөрт халлааным, / Түмэн төрдүнэн, / Төгүрүйэн сылдьан, / Төлөрүйбэтэх бөҕө сүллүгэһин / Төлөрүтэргэ төлкөлөнөн төрүөбүт / Төрүөт Бэргэн, / Төбөт киһи* (Рожденный обходя до основания с четырех сторон небеса с целью выбить несрываемую крепкую дубину Төрүөт Бэргэн) [перев. наш]. Собственное имя "**Төрүөт**" досл. переводится как "причина, повод". Именно этот персонаж по сюжету олонхо становится поводом выезда героя из дома, начала богатырского похода. Участие имени в формировании образа персонажа и сюжета произведения - это функции, которые выполняет имя на уровне текста, обеспечивая его единство, цельность и смысловую связанность.

В текстах олонхо постоянным элементом имени героини олонхо служит слово «**куо**». В именах положительных образов женщин четко обозначает пол и в какой-то степени внешний облик эпической героини. В данном олонхо слово "куо" использовано в понятии "кыыс" (девушка): *"Куо балта"* (Сестра девушка); *"Куо балтын / Атын самытыгар ордон"* (Сестру девушку / Усадив на круп коня) [перев. наш]. В другом случае тоже используется в значении "девушка": *Соҕотох куо балтыкайа / Уот Кысыйдаан кыыс* (Единственная сестра девушка / Уот Кысыйдаан девушка). В структуре имени женщины абаасы Дьэгэ Бааба слово "куо" также использовано в значении "девушка": *Күүгэн айах, / Күөрчэх мэйии, / Түргэн тутуу, / Төгүрүк тэллэх, / Түрбүүкэйдэн куо. / Сэттэ сиринэн үүдэһиннээх, / Тимир лаһыр сынгахтаах, / Дьэгэ Бааба* (С пеной ртом, С перваливающимся мозгами / С быстрыми движениями / С круглыми нижними частями / Тюрбюкяйдяан девушка / Скрепленный с семи сторон / Имеющая железную челюсть / Дьэгэ Бааба) [перев. наш]. В данном контексте "Куо" использовано не в своем настоящем значении, а для усиления иронии, комизма над внешним видом женщины абаасы.

Собственное имя родоначальника племени абаасы Нижнего мира Арсан Дуолай представлено как имя нарицательное. Так, всех богатырей абаасы называют "Арсан Дуолай уола" (Сын Арсан Дуолай), хотя они не являются родными сыновьями данного

персонажа. "Абааһы дуолай аймаҕа" (Родственники племени абаасы). Слово "дуолай", являющийся элементом собственного имени родоначальника абаасы, в данном олонхо используется как эпитет, указывающий на принадлежность к племени абаасы. Имя Арсан Дуолай употребляется вместо настоящего имени богатыря абаасы (Тимир Бүгүлү). Имя Арсан Дуолай употреблено в значении "абааһы".

В данном олонхо обращает внимание образ посыльного по имени Эриллэ-Бурулла. Как мы узнаем из диалога восточных богатырей Верхнего мира, он является полуайыы, полуабаасы ("сиэнчэр" - происходящий от смешанных кровей (СТБУТ т.8. стр. 478) (1650-1807). Раньше он назывался Тимир Дьигистэй. Во время собрания небесные богатыри во главе с богатырем Тойон Дьааһын, из двух богатырей – Тимир Дьилбэктэй (первое имя Эриллэ-Бурулла) и Мүгүлү Бөбө, решают выявить лучшего борца. В ходе борьбы побеждает Тимир Дьилбэктэй и от радости он перепрыгивает через побежденного богатыря. Оскорбленные небесные богатыри решают связать его на каменном столбе на три года. Тимир Дьилбэктэй сильно гневается и посылает миру бедствия в виде различных болезней, напастей. И повторно решают его разделить. Здесь его разделявают семеро кузнецов и его тело уродливо срастается. Здесь он проходит второе перерождение. В результате чего изменяется его имя собственное и статус. В олонхо мифологические персонажи не активны. Их имена использованы при обращении или же в описании.

Таким образом, имя персонажа выступает как одна из ключевых единиц эпического текста, как важнейший знак, который, наряду с заглавием, актуализируется по мере прочтения эпоса. Семантический анализ собственных имен персонажей олонхо "Бардам Баабый" несут в себе подтекстовые значения или сакральные функции. В формуле имени может быть в сжатом виде храниться возможные сюжеты из жизни персонажа.

1. Данилова А.Н. Именные формулы в олонхо «Кулун Куллустуур» // Молодые ученые и гуманитарная наука. Якутск, 2002. С.54-72.
2. Дмитриев П.Н. Эпические формулы в олонхо //Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока. – Якутск, 1978. -С.118-120.
3. Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. М.: 1980. 375 с.
4. Местников А.Г. Бардам Баабый. Олонхо, предания, алгысы. Якутск, 2023. С.44-188.
5. Филиппова Н.И. Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: структура и семантика. Якутск, 2016. 104 с.

Казаченкова Н.В.

Лингвоаксиологические аспекты новостных пропозиций в медиатексте

*Дальневосточный федеральный университет
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-195

Аннотация

Работа посвящена комплексному теоретическому исследованию, направленному на уточнение некоторых категорий, определяющих стратегии поведения индивидуума, социальной группы и общества в целом, подпадая в сферу концептов, вокруг которых формируется дискурс, в том числе массмедийный.

Ключевые слова: лингвоаксиология, языковое ядро культуры, культурная матрица, аксиологические доминанты.

Abstract

The work is devoted to a comprehensive theoretical study aimed at clarifying some categories that determine the behavioral strategies of an individual, social group and society as a

whole, falling within the sphere of concepts around which discourse, including mass media discourse, is formed.

Keywords: linguoaxiology, linguistic core of culture, cultural matrix, axiological dominants.

Введение

Аксиологическим осмыслением окружающей действительности и глубоким изучением ценностных ориентиров занимается философская дисциплина, получившая название аксиология. В исследовательское поле аксиологии входят изучение понятия «ценность» и ее многообразие: способы, с помощью которых человек и общество делает ценности объективными, структуры оценок и способы их обоснования, а также проблема восприятия и понимания социально значимых смыслов, которыми руководствуется человек. Аксиология выясняет «отношение между сущим и должным, проясняет условия повышения объективности суждений о ценностях, исследует те мыслительные операции, которые <...> неразрывно связаны с ценностями». [1, с. 3-4]

Понятие ценности было введено в философию во второй половине XIX века, как универсальная категория жизни социума. Эта категория вызвала исследовательский интерес со времен античности и была отражена в работах Аристотеля и Платона. В период Средневековья общество было скованно исключительно теологическими ценностями, к любым другим философы не обращались. Новый импульс был дан с утверждением более открытого общества, когда стало очевидным, что человек активно участвует в преобразовании мира, а знать нужно не только истину, но и добро, и прекрасное. И. Кант, М. Вебер и др. начали относить ценности к знаниям. Категория ценности получила наиболее динамичное развитие в современных гуманитарных исследованиях, в том числе в лингвистических.

Лингвоаксиология — это новое направление языкознания, которое изучает формы существования языка в их аксиологической обусловленности, функции и связи языка с процессами формирования ценностной картины мира, зависимость языка от нее и отражение этой картины в его структуре. Специалисты по лингвоаксиологии отмечают, что оценка и ценность осознаются в настоящее время как фундаментальные характеристики бытия человека и общества. [2, 3, 4] Такой подход обусловлен антропоцентричным пониманием языка как инструмента коммуникативной деятельности. Ценностные смыслы становятся ориентирами деятельности для представителей той или иной культуры, которые конвенционально признают некий набор ценностей значимыми для этнической общности. Тогда ценности обладают потенциалом для конструирования дискурса, так как способны выполнять функцию триггера, возбуждая ассоциации, воспоминания и эмоционально-оценочное осмысление действительности. [5]

В лингвоаксиологической парадигме наблюдается недостаточная сформированность категориального аппарата, что значительно затрудняет проведение исследований. Теоретический анализ данной работы направлен на устранение категориальной амбивалентности и лакунарности, что определяет ее актуальность. Новизна обусловлена тем фактом, что на фоне большого объема исследований по вопросу ценностно-оценочной актуализации в различных дискурсах, релевантный категориальный аппарат до конца остается неразработанным.

Цель нашего исследования заключается в уточнении ряда терминов лингвоаксиологии, как самостоятельного направления в современном языкознании. В качестве ведущих методов работы выступили общенаучные методы сопоставительного контент-анализа и сравнительной систематизации, что позволило раскрыть существующую терминологическую амбивалентность и предложить вариант ее устранения.

Результаты и дискуссия

В центре внимания лингвоаксиологии находятся языковые средства, с помощью которых происходит речевая объективация оценок, ценностей и основанных на них суждений. Уровень ценностей является самым абстрактным уровнем, благодаря которым люди предпочитают одни состояния другим безотносительно к способам достижения этих состояний. [6, с. 428-430]. Это обусловлено тем, что живые существа, образуя сообщества, вынуждены взаимно координировать свои действия. «Уникальность человека заключается исключительно в социальной структурной сопряженности, которая осуществляется через оязычивание». [7, с. 217] Подобная реализация происходит по средствам внутриязыковых перифраз через предложения, формируя так называемые пропозиции, которые относятся к семантической константе, необходимой в логических операциях для образования предложений. [8, с. 137] «Оценка добавляет к пропозиционному содержанию высказывания особый компонент ... и подразумевает существование ценностной «картины мира»». [9, с. 204]

В процессе общения, имеющего так называемый разноформатный характер, механизмы реализации ценностных значений затруднены их «релятивным характером» [10, с. 54], так как этот характер в первую очередь определяется субъектно-объектными отношениями и степенью включенности в определенную языковую картину мира. Получается, что все участники процесса общения должны владеть «поведенческими паттернами, закреплёнными в культуре» [11, с. 18]. Каждый язык создает свою «сематическую вселенную» [12] – «иные вещи на ином языке не мыслятся», если описывать словами М. Цветаевой. Е.В. Падучева развивает эту идею, утверждая, что не только мысли могут быть «подуманы» на одном языке, но и чувства могут быть испытаны в рамках одного языкового сознания, но не другого. [12, с. 22-23] Глубокое понимание языковой картины мира, как отражения культуры того или иного народа, при условии изучения ее через призму аксиологии, позволит «слову раскрыть свой новый смысл», говоря словами А. Тарковского.

Под культурой, вслед за Н.А. Сидоровой, акцентировавшей аксиологическую значимость этого явления, понимается «особое изменение духовной жизни, включающее в себя ценности, психические установки, стереотипы, образцы действий, ментальные программы, отличающие одну культуру от другой, реализуемые в деятельности субъекта и наследуемые внутри группы». [13, с. 12] Получается, что в ядре любой культуры в обязательном порядке фиксируются ценности. Представители западной философской мысли Крейбиг и Х. Эренфельс доказывают взаимосвязь ценности со значением объектов: «ценность — это значение, которое имеет для субъекта содержание ощущения или мысли благодаря связанным с ним непосредственно или ассоциационно чувствам, действительным или хотя бы существующим в виде расположения её». [14, с. 12] Получается, что все ценности приобретают субъективный характер и имеют исключительно психологическое происхождение, следовательно, отрицаются абсолютные ценности. В этом случае не поддаются объяснению преломление семантического поля тождественно кодируемых в языке понятий. Естественность взаимопроникновения цивилизационных форм ограничена, что подтверждается фактом трансформаций вступающих во взаимодействие феноменов. [15]

В целом возможность восприятия и границы распространения оказываются обусловленными культурными ментальными доминантами воспринимающей культуры. Это доказывает ставший хрестоматийным пример о трансформации принципов управления экономическими структурами, привнесенные в японскую экономику американцами, которые изменились в соответствии с японским коллективизмом, потребностью в самоуважении и другими ментальными доминантами. На уровне языка можно привести в качестве доказательства переосмысление знаменитого афоризма Бенджамина Франклина «time is money» (время – деньги), означающий «не тратьте зря время, за которое можно заработать деньги, важна каждая секунда». Оно было

заимствовано в другие языки, в том числе в корейский. Как известно, корейская культура ценит трудолюбие, усердие и настойчивость. Корейцы стремятся максимально эффективно использовать своё время, чтобы добиться успеха и процветания. Они могут работать долго и упорно, чтобы достичь своих целей. Поэтому фраза *시간은 돈입니다* (время деньги) получила дополнительную коннотацию: если упорно трудиться над достижением своей цели, даже если для этого потребуется большой промежуток времени, наградой станет финансовое благополучие.

Такое явление можно объяснить вслед за Д.М. Володихиным существованием «внематериального ядра, которое для удобства можно назвать сверхценностью. Это набор ключевых истин, которых придерживается социум» [16, с. 7]. Ключевые истины отражаются в традициях, нормах поведения, ценностях и символах, которые формируют культурную идентичность и способствуют социальной сплочённости. Элементы культуры, объединяющие людей и обеспечивающие целостность общества, называются скрепами. В настоящей работе под скрепами будем понимать сверхценности, константные (неизменные и неизменяемые) начала, скрепляющие социальный механизм и служащие национальной самоидентификации, позволяющие сохранить существование социума, культуры во времени. Лингвоаксиологические скрепы – базовые ценности, составляющие аксиологическую матрицу носителей материнского языка. На наш взгляд, данный термин более точно отражает характер такого вида ценностей, поскольку не содержит в себе сему «оценивания, определения цены» и исключает субъективность при определении и сравнении разных языковых картин мира. Например, в слове «смерть» для носителей русской культуры прослеживается сема с анти-ценностным компонентом, так как наша культура, как справедливо заметила К.А. Геворгян, аксиологически «мотивирована на жизнь» [17]. Для американской культуры явно прослеживается анти-ценностный компонент в слове *poverty* (бедность), как признак проигрыша в конкурентной борьбе. [18].

В научной литературе принято выделять понятие ценностных или аксиологических доминант, как ориентиров поведения, тактики и стратегии деятельности индивида, социальных групп и социумов в целом, которые превалируют в бытийном пространстве. Ценностные доминанты подробно описаны в работах Н.Д. Арутюновой, В.И. Карасика, Ю.С. Старостиной, Макса Вебера, Толкотта Парсонса, Эриха Фромма и множества других. Ю.С. Старостина определяет ценностные доминанты как «фундаментальные ценностные ориентиры социально-культурного сообщества, которые согласуются с общей концептуальной системой, не дублируя ее». [19, с. 65] Спорным является фундаментальный характер ценностных доминант, учитывая их релевантный характер.

Ценностные доминанты определяют основные принципы и нормы поведения людей, но со временем могут меняться под влиянием различных факторов, таких как исторические события, экономические условия или технологические изменения, хотя эти изменения происходят постепенно и отражают эволюцию ценностей в обществе, в отличие от аксиологических скреп. Например, в 80-ые годы впервые был зафиксирован неологизм *McMansion* с анти-ценностным компонентом. Частотность его употребления увеличивается в последнее время. *McMansion* (от сложения *McDonald* и *mansion* (большой дом, особняк, дворец)) - это уничижительное название для больших, но безвкусных домов, построенных в пригородной зоне. Такие дома стали востребованными на фоне распространения массовой культуры в США, которая может оказывать влияние на людей, побуждая их стремиться к роскоши и престижу, в том числе и в строительстве больших и дорогих домов. Он описывает дома, которые построены по типовым проектам с использованием дешевых материалов, но при этом выглядят претенциозно и роскошно. *McMansion* обычно имеют большие размеры, симметричную планировку, многоэтажные конструкции, а также украшены различными архитектурными элементами, такими как колонны, балконы или эркеры. Они часто строятся на небольших участках земли и могут

создавать ощущение тесноты и перегруженности пространства. Анти-ценностный компонент связан с критикой безвкусного дизайна и претенциозности таких домов.

All across the country, huge houses are being built on plots of land originally meant to accommodate smaller dwellings, sparking a heated debate over what's best for the community. The post 'Help, a McMansion Is Going Up Next Door!' appeared first on Real Estate News and Advice. (Foxnews)

По всей стране на участках земли, изначально предназначенных для строительства небольших домов, возводятся огромные, ужасные коттеджи, вызывая жаркие споры о том, что лучше для общества. Сообщение «Помогите, по соседству строят очередной громадный особняк!» появилось сначала на новостном ресурсе для риелторов «Real Estate News and Advice».

Аксиологические скрепы формируют языковое ядро культуры, то есть центральный, смысловой элемент, который характеризуется семантической стабильностью и конвенциональным характером, воспринимаемым одинаково всеми носителями материнского языка. П.А. Флоренский считал, что культура — это совокупность духовных и материальных ценностей, созданных человеком. Она является результатом его творческой деятельности и отражает его мировоззрение. Культура объединяет людей, формирует их идентичность и обеспечивает преемственность поколений. [20] Концепты из языкового ядра культуры активизируются в нашем сознании, мы не задумываемся о составляющих элементах его структуры, и лишь выделяем его конкретные характеристики. [21, с. 92]

Лексема *freedom* является ярким примером фундаментальной семиотической оппозиции «свой – чужой». В рамках исследования слово *freedom* было введено в поисковик по ключевым словам статей, размещенных на новостном сайте *Foxnews.com* за период с 1 января 2024 года по 30 апреля 2024 года. За указанное время это слово встречалось в 68 статьях в следующих разделах *politics* (политика), *media* (медиа), *fox-news video* (видео fox-news), *world* (мировые новости), *US* (новости США), *lifestyle* (уклад жизни). Всего на сайте 8 разделов. За указанный период слово не упоминалось в разделе спорт и развлечения. Получается, что это слово повторяется в среднем через день.

Слово *freedom* образовалась путем присоединения суффикса *dom* из древнеанглийского *dom* «статус, решение» к слову «*free*», которое этимологически восходит к древнеанглийскому *frīþ*, когда в языке доминировала англосаксонская картина мира. Понятие *free* (свободный) для англосаксов было неотделимо от представления о принадлежности к особой группе людей, имеющих наибольшие права в пользовании землей [22, с. 151-152], и, как следствие, пользующихся наибольшей свободой. О.Г. Чупрына доказывает, что слово *frīþ* означало включение в круг «своих», что влекло за собой некие социально-экономические права, и как следствие использовалось для описания мира с враждебными англосаксонскими племенами. [23] Когда же речь шла о мирном течении событий в англосаксонских королевствах использовались производные от другого слова *sib*, отсылавшего «в область родства... охватывало все его степени, начиная от общесемейной общины и доходя до дальних родичей». [22]

Том Пейн в своей книге «Здравый смысл» описал американскую картину мира следующим образом: вера в справедливость высшей силы, религию свободы и равенства. [24, с. 106] Лингвоаксиологический потенциал *freedom* активно использовалось кандидатами в президенты в своих предвыборных выступлениях. Не исключением стали и последние выборы. На семиотической оппозиции «свой-чужой» выстроила свое выступление на Эллипсе у Южной лужайки Белого дома вице-президент США Камала Харрис, говоря о выборе между ней и Трампом в зашедшем в тупик президентском состязании. Иллокутивная функция противопоставления *freedom* (свобода) анти-ценностным *chaos* (хаос) и *division* (раскол) в пропозициях в предвыборной речи заключается в том, чтобы донести до реципиентов сообщения, что Дональд Трамп сеет страх и раскол. Большую часть выступления Камала Харрис провела, рисуя страшную и

мрачную картину будущего Америки с Трампом в Белом доме, эксплуатируя аксиологическую скрепу, выражаемую лексемой *freedom*, входящую в американское культурное ядро.

It is a choice whether we have a country rooted in freedom for every American or ruled by chaos and division. One week from today, you will have the chance to make a decision that directly impacts your life, the life of your family, and the future of this country we love. And it will probably be the most important vote you ever cast. And this election is more than just a choice between two parties and two different candidates. (Theguardian.com)

Это выбор того, будет ли наша страна основана на свободе для каждого американца или в ней будет царить хаос и раскол. Через неделю у вас будет шанс принять решение, которое напрямую повлияет на вашу жизнь, жизнь вашей семьи и будущее страны, которую мы любим. И, возможно, это будет самый важный голос в вашей жизни. И эти выборы - нечто большее, чем просто выбор между двумя партиями и двумя разными кандидатами.

Языковое ядро культуры вместе с аксиологическими скрепами и аксиологическими доминантами, последние имеют релевантный характер, формируют языковую культурную матрицу. Понятие «культурная матрица» было введено П.А. Флоренским, который определял это явление, как совокупность основных ценностей, норм, убеждений и установок, отражающих характер и особенности культуры. [20] Бывший редактор журнала «Власть» Александр Лапшин, рассуждая об особенностях российского общества, определил культурную матрицу как культурно-исторический код, который был и является экзистенциальной основой идентичности народа, определяющей течение его истории. [25, с. 16] Одним из элементов культурной матрицы является язык, который является основой для формирования культурной идентичности людей и обеспечивает преемственность поколений.

Ярким примером трансформации культурной языковой матрицы может стать концепт *privacy* в американской культуре. Первыми европейскими переселенцами на Североамериканский континент были, как известно, англичане, переехавшие в поисках хорошей жизни, оставив дом, родную страну, друзей, родных. Ехали они со своей английской мечтой о Хорошей Жизни, переродившейся в Американскую Мечту о свободе, независимости, стремлении к индивидуализму. Понятие *privacy* (уединение, частная жизнь) сопровождала переселенцев, стала всепоглощающим настолько, что «они переезжали на новое место, если они могли увидеть дым из трубы своего соседа». Неудивительно, что в современной Америке самое дорогое и престижное жилище – это то, которое дает иллюзию удаленности от других, их как бы полного отсутствия. [26]

Концепт *privacy* в американской культуре — это дело каждой отдельной личности, это сфера, в которую можно входить лишь с разрешения самого индивида. Ни правительство, ни средства массовой информации, никто извне не имеют права вторгаться в частную жизнь. В США *privacy* воспринимается как положительное явление и рассматривается как требование, которое все люди считают одинаково необходимым, желательным и удовлетворительным. В качестве сильных ассоциативных признаков концепта *privacy* в американском лингвокультурной матрице выступают такие ключевые концепты ценностного характера, как *individualism* (индивидуализм), *freedom* (свобода), а также тесно связанный с концепцией патриотизма как чувства гордости за свою страну концепт «*American dream*» (американская мечта). Концепт *privacy* в американской культуре рассматривается как феномен, типичный и традиционный в гораздо большей степени, чем для всего остального мира. [27] Поэтому в американских СМИ можно встретить следующую пропозицию:

The boundaries of privacy are in dispute, and its future is in doubt. (Nytimes.com)

Границы частной жизни оспариваются, а ее будущее находится под вопросом.

Выводы

В целом, можно говорить, что накоплен обширный материал исследований, составляющий фундамент лингвоаксиологии, что позволяет говорить о новой научной парадигме лингвистики, обладающей актуальной исследовательской базой.

В лингвоаксиологических исследованиях обоснованно оперировать категориями «аксиологические скрепы», «языковое ядро культуры», «языковая матрица культуры» и «аксиологические доминанты».

1. Ивин, А. А. Аксиология : науч. изд. / А. А. Ивин. [Текст]– М.: Высш. шк. (ВШ), 2006. – 389 с.
2. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. / Н.Д. Арутюнова. [Текст] – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
3. Карасик В.И. Языковые ключи. /В.И. Карасик [Текст] – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
4. Уфимцева, Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. / Н.В. Уфимцева [Текст] – М.: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.
5. Казыдуб, Н.Н. Аксиологическая перспективизация как инструмент дискурсивного конструирования / Н.Н. Казыдуб [Текст] // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. - 2020. - №4 (54). – С. 143-152.
6. Луман, Никлас. Социальные системы. Очерк общей теории / Никлас Луман ; под ред. Н. А. Головина ; пер. с нем. И. Д. Газиева [Текст] - Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 641 с.
7. Матурана, Умберто Р. Древо познания : биологические корни человеческого понимания / У. Матурана, Ф. Варела ; перевод Ю. А. Данилова [Текст] – М. : URSS : ЛЕНАНД, 2019. - 316 с.
8. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; Под общ. ред. Е. С. Кубряковой [Текст] – М. : Филол. фак. МГУ, 1996. - 245 с.
9. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф [Текст] - М.: Едитория УРСС, 2002. - 208 с.
10. Чекулай, И.В. Стабильность как категориальная область аксиологической стороны лингвистической семантики / И.В. Чекулай, О.Н. Прохорова [Текст] // Язык: мультидисциплинарность научного знания: научный альманах Алтайского гос педагогической академии. – Барнаул: Алтайская гос. пед. академия, 2013 – С. 52-58.
11. Карасик, В.И. Языковые ключи / – В.И. Карасик [Текст] - М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
12. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. / Анна Вежбицкая ; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз ; вступ. ст. Е. В. Падучевой [Текст] – М. : Рус. слов., 1996. - 411 с.
13. Сидорова, Н.А. Основы лингвоаксиологической концепции речевой коммуникации : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Сидорова Наталья Анатольевна; [Место защиты: Воен. ун-т]. [Текст] - Москва, 2011. - 47 с.
14. Крейбиг, Й. К. Пять чувств человека : Общедоступ. лекции / И.К. Крейбих; под ред. И.А. Шапиро [Текст] - Санкт-Петербург : С.-Петербур. электропеч., 1903. - 150 с.
15. Кокаревич, М. Н. К проблеме построения мультикультурного общества / М.Н. Кокаревич [Текст] //Вестник Томского государственного университета. – 2013. - Вып. 9 (137). - С. 207-210.
16. Володихин, Д.М. Традиция и русская цивилизация / Д. Володихин [Текст]- М. : АСТ, 2006. - 282 с.
17. Геворгян, К.А. МЭФ-2023: Переходная эпоха российской культуры // <https://rutube.ru/video/1212eea3a3e85abd4d66b71f42a335c4> (дата обращения: 03.11.2024 г.)
18. Киселева, С.В. Семантическое наполнение концепта competition (конкуренция) / С.В. Киселева, Т.С. Росянова [Текст] // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов.- 2013. № 1(79). - С. 56-64.
19. Старостина, Ю.С. К вопросу о категориальном аппарате лингвоаксиологического исследования дискурса / Ю.С. Старостина [Текст] // Russian Linguistic Bulletin. – 2021. №2 (26). – С. 64-70.
20. Флоренский, П.А. У водоразделов мысли: (черты конкретной метафизики) / Павел Флоренский. [Текст] – М. : Академический проект, 2013.- 607 с.
21. Воркачёв, С. Г. Концепт «оскорбление» и его этимологическая память [Текст] // Теоретическая и прикладная лингвистика. Сер. Язык и социальная среда. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – Вып. 2. – С. 90 – 102.
22. Шервуд, Е.А. От англосаксов к англичанам (к проблеме формирования английского народа) / Е. А. Шервуд; Отв. ред. С. А. Арутюнов [Текст] – М. : Наука, 1988. - 237с.
23. Чупрына, О.Г. «Мир» И «родство» в англосаксонской языковой картине мира [Текст] // Филологические науки. Теория и практика общественного развития. -2011, № 7.- С. 337-339.
24. Цитируется по: Перкинс, Джон. Исповедь экономического убийцы / Джон Перкинс; авт. предисл. и ред. рус. изд. Л. Л. Фитуни. [Текст] – М. : Pretext, 2005. - 319 с.
25. Лапшин, А. Русская матрица: мифы и реальность [Текст] // Власть. - 2014, №2. - С. 16.

26. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация : Учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности "Лингвистика и межкультур. коммуникация" / С. Г. Тер-Минасова. [Текст] – М. : Слово/Slovo, 2000. - 261 с.
27. Пашутина, Т.А. Ключевые концепты американской культуры "PRIVACY" и "PATRIOTISM" и особенности их языковой репрезентации в различных типах дискурса : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Пашутина Т. А.; [Место защиты: Белгород. гос. ун-т]. [Текст] - Белгород, 2009. - 23 с.

Калманова А.Э.

Функционально-семантическая категория упрека в современном русском языке

*Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова
(Россия, Владикавказ)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-196

Аннотация

Постоянный интерес лингвистов к изучению модальности обусловлен тем, что данное явление является одной из центральных категорий языкознания, категориями, выражающей отношение говорящего к содержанию высказывания и отношение содержания высказывания к действительности. Среди модальных значений для исследования нами был выбран упрек. Разнообразие речевой реализации упрека определяется тем, что данное явление связано, во-первых, с коммуникацией; во-вторых, с прагматической ситуацией речи – различными видами отрицательных оценочных суждений; в-третьих, с экспрессивно-эмоциональным содержанием. Во многих исследованиях, посвященных данному явлению, авторы не ставили перед собой задачу представить функционально-семантическое поле упрека, состоящее из ядра и периферии с разграничением лексических, синтаксических, фонетических, морфологических, словообразовательных средств выражения семантики упрека, поэтому эта область малоизучена, что определяет необходимость ее изучения. Целью данной работы является выявление и описание формальных средств выражения функционально-семантической категории упрека в современном русском языке.

Ключевые слова: субъективная модальность, упрек, функционально-семантическая категория, функционально-семантическое поле, формальные средства выражения.

Abstract

The constant interest of linguists in the study of modality is due to the fact that this phenomenon is one of the central categories of linguistics, a category expressing the speaker's attitude to the content of the utterance and the attitude of the content of the utterance to reality. Among the modal meanings for the study, we chose reproach. The diversity of speech implementation of reproach is determined by the fact that this phenomenon is associated, firstly, with communication; secondly, with the pragmatic situation of speech - various types of negative evaluative judgments; thirdly, with expressive-emotional content. In many studies devoted to this phenomenon, the authors did not set themselves the task of presenting the functional-semantic field of reproach, consisting of a core and periphery with the distinction between lexical, syntactic, phonetic, morphological means of expressing the semantics of reproach, therefore this area is poorly studied, which determines the need for its study. The purpose of this work is to identify and describe the formal means of expressing the functional-semantic category of reproach in the modern Russian language.

Keywords: subjective modality, reproach, functional-semantic category, functional-semantic field, formal means of expression.

Упрек как модальное значение относится к сфере субъективной модальности, так как её смысловую основу образует понятие оценки в широком смысле слова, включая не

только логическую квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной реакции. Субъективная модальность охватывает всю гамму существующих в естественном языке разноаспектных и разнохарактерных способов квалификации сообщаемого.

Н.Ю. Шведова вычленяет из всех многообразных групп субъективно-модальных значений первичную группировку, основанную на противопоставлении значений оценочно-характеризующих и собственно оценочных. Последние заключают в себе личное отношение говорящего к содержанию сообщения: положительная или отрицательная оценка (предпочтение, одобрение или неодобрение, порицание, осуждение, упрек и т.д.), согласие или несогласие, удивления, виды волеизъявления, желания уяснить что-либо, определение чего-либо как подлинного или неподлинного, соответствующего или несоответствующего действительности [9: 216]. Упрек предполагает отрицательную оценку, поэтому в работах Н.Ю. Шведовой относится к лексическому классу «осудительная речь», куда входит также неодобрение, угроза, обвинение, осуждение, критическая оценка и т.п. [Шведова 8: 522].

Во многих исследованиях упрек рассматривается как частное значение неодобрения. Так, Т.К. Соловьёва, изучая семантическое поле неодобрения в русском языке, установила, что в языковой системе функцию номинаций речевой интенции неодобрения выполняют глаголы, девербативы, а также глагольно-именные словосочетания (всего выделила 47 единиц ЛСГ). Неодобрение, по мнению исследователя, – «это указание на то, что говорящий признаёт что-то плохим, относится к кому-либо/чему-либо с осуждением, отрицательно оценивает, подвергает критике, порицает кого-либо» [Соловьёва 6: 12]. Общее значение неодобрения подразделяется на частные: осуждать и обвинять, относящиеся к мотивированному выражению неодобрения; упрекать и порицать, которые исследователь относит к немотивированному выражению неодобрения [Там же]. М.В. Петрушина, исследуя модальное значение неодобрения, выделяет систему смыслов модальной семантики неодобрения, представляющую собой прагматический диапазон экспрессивных оттенков эмоционально-оценочного отношения: презрения, пренебрежения, уничижения (зависящих от свойств объекта оценки) коммуникативных разновидностей: порицание, осуждение, упрек, угроз (зависящих от свойств субъекта оценки) [5:11].

Определение модального значения и того или иного модального оттенка во многом обусловлено синтаксическим контекстом, речевой ситуацией, поскольку модальное значение сопряжено с другими значениями, предопределенными различными типами связей и пересечений модальных полей с аспектуальными и темпоральными. Так, в «Теории функциональной грамматики» упрек упоминается при разборе поля желательности и поля возможности. В первом случае акцентируется внимание на том, что значение нереального желания, относящегося к прошлому, обычно выражается предложениями с именем лица в позиции подлежащего и с интенциональным глаголом в позиции сказуемого. Это связано с тем, что прошедшая ситуация эмоционально переосмысливается говорящим и в соответствующих, оптативных по форме, предложениях выражается упрек. Во втором случае рассматривается ситуация совета – при отнесенности ее к плану прошедшего времени высказывание выражает неодобрение говорящим прошлых действий адресата, вследствие чего оно приобретает модальный оттенок упрека [7].

Т.А. Давыдова, исследуя категорию упрека в английском языке, акцентирует внимание на формальной стороне явления, в частности, анализируются синтаксические и семантические особенности упрека. Синтаксические особенности характеризуются на основе средств выражения структурных вариантов упрека (повествовательные предложения, вопросительные предложения, оптативные предложения и т.п.). Так, например, использование повествовательных предложений, по мнению Т.А. Давыдовой, имеет определенную связь с условием успешности упрека, сообщением о положении дел

в действительности, вызвавшем неодобрение или разочарование. Семантические же особенности выражения упрека обусловлены тем, что оценочные лексемы с инвертированным знаком оценки и лексика с отрицательной оценочной семантикой, служащая средством усиления эмоционального воздействия на упрекаемого, определяют иллюкутивную силу данного речевого акта [2: 117].

На сегодняшний день в отечественной лингвистике в изучении упрека наблюдается уклон в сторону содержательной стороны явления. Однако без анализа его формальных характеристик невозможно полностью представить специфику данного значения. Одной из значимых работ в этом направлении является корпусное исследование В.И. Шмурака, направленное на доказательство существования в языке «интегральных» упреков, которые способны без привлечения контекста реализовать семантику упрека с помощью определенных формальных средств выражения. Лингвистом выделены специальные маркеры упрека – фрагменты высказывания, позволяющие «заподозрить» наличие упрека в анализируемом языковом материале. В исследовании они подразделяются на маркеры 1-го и 2-го приближения, которые разграничиваются по субъективности и специфичности: чем ниже субъективность и выше специфичность, тем больше «приближение» маркера упрека [10]. В.И. Шмурак внес значительный вклад в формировании системного взгляда на природу упрека как языкового феномена.

В данной работе семантика упрека будет рассматриваться в качестве функционально-семантической категории упрека. При функциональном подходе основой выделения единиц становится функциональное тождество, основывающееся на общности выполняемой коммуникативной функции. Языковые явления, таким образом, рассматриваются с точки зрения их значения и функционирования в речи.

Функционально-семантической категории упрека включает в себя лексические единицы, обозначающие процесс выражения разочарования, осуждения, недовольства, претензий к кому-либо за отказ, ошибки, неправильные поступки, недосмотры и т.д. Примеры лексических единиц, относящихся к этому полю, могут включать следующие слова: упрек, порицание, обвинение, осуждение, недовольство, предупреждение, жалоба, претензия. Слова из этого поля помогают выразить негативное отношение к человеку или его поступкам, а также попытаться установить правильное поведение в будущем.

В центре рассматриваемого поля находятся лексические средства. Круг лексических средств выражения семантики упрека разнообразен. Среди них нами выявлены:

1. Глаголы, образующие синонимические ряды с глаголом «упрекать» и способные выражать семантику упрека: *обвинять, корить, отчитывать, попрекать, стыдить, ругать, бранить, рывкать, судить, укорять, сокрушаться, порицать, совестить, осуждать, распекать, срамить, возмутиться, пенять; клеймить, рывкать, лаять, грызть, напасть («Ругаю себя: да отсыпайся ты, есть же возможность – нет, никак.» [В.М. Шукшин «Генерал Малафейкин»]).*
2. Существительные: *обвинение, осуждение, нападки, попрек, критика, неодобрение, порицание, укоризна, поношение, укор, замечание, нарекание, нагоняй, разнос («И на каждой краткой остановке молниеносный, пламенно бешеный разнос: Почему стучать приклады? Сказано, опускать приклады на землю беззвучно. Беззвучно опускать вам приказано» [А.И. Куприн «Юнкера»]).*
3. Фразеологизмы – одно из самых ярких экспрессивных средств интенсификации. Исследователи отмечают их большое разнообразие и способность выражать значения эмоциональности и оценочности. Фразеологические единицы, представляющие собой словосочетание или предложение, в которых заранее задана не только модель, но и конкретный лексический состав всего словосочетания. Фразеологизмы

способны выражать различные чувства, эмоции, волевые побуждения говорящего (*тыкать в нос, вгонить в гроб, считать ворон, головы морочить, водите за нос, валять дурака* и т.д.) («Только и знаешь – **языком чесать**») [В.С. Высоцкий «Роман о девочках»].

4. Пейоративная лексика. Пейоративы представляют собой слова или словосочетания, обладающие отрицательной экспрессивно-оценочной коннотацией, т.е. способные реализовывать семантику неодобрения, критики, презрения и порицания. Лингвист В.И. Карасик подразделила данную лексику на пейоративы общего инвективного значения, семантика которых скрыта из-за отсутствия указания на определенное действие или качество, вызвавшее отрицательную оценку (*негодяй, бесстыдник, мерзавец* и т.д.); специальные пейоративы (*глупец, трус, неряха, лентяй, нахал* и т.д.). Последние автор членит на объективные и субъективные. К первой группе относятся слова, обозначающие пороки людей – глупость, лень, распушенность и т.д., ко второй – слова, которые обозначают людей иного круга, расовые, национальные и прочие ярлыки [Карасик 1992: 330] («Шел сюда — хотя бы ноги вытер! Явился, наследил нам тут, нагрязнил... До чего же ты **неряха**, братец») [М.А. Шолохов «Тихий Дон»].

В центре рассматриваемого поля также находятся морфологические средства выражения упрека, среди которых нами выделены:

1. Междометия. Представляя собой класс неизменяемых слов, служащих для выражения эмоциональных реакции на действительность, междометия по семантическим функциям делятся на следующие разряды: эмоциональные междометия, которые обслуживают сферу эмоций и эмоциональных оценок; императивные междометия, обслуживающие сферу волеизъявления, и этикетные междометия, обслуживающие сферу этикета.

Н.Ю. Шведова представила список междометий со специализированными семантическими функциями, большая часть из которых обслуживает сферу отрицательных эмоций: упрек, презрение, пренебрежение, насмешку, отвращение, досаду, укор, порицание: *ай-ай-ай, ба, боже сохрани, бог с тобой, браво, бррр, вона (прост.), цыц, ну и ну, вот, тьфу, вот те христос, вот тебе на, вот тебе раз, вот так так, гм, господь с тобой, да ну, дьявол, ей, ей-богу, ей-же-ей, ей право (устар.), еще чего, и-и-и (и-и полно), как бы не так, как же* и т.д. [9: 732] («**Ну и ну!** Стыдно друзей забывать!») [Рид Грачев «Некоторое время»];

Упрек может быть выражен также с помощью этикетных междометий (*спасибо, извините, пожалуйста* и т.д.), употребленных в противоположных значениях, в ироническом смысле. Здесь отрицательное отношение к тем или иным явлениям действительности выражается косвенным, опосредованным путем («**Ну, спасибо тебе. Умеешь ты высказываться деликатно...**») [А. Вампилов «Прошлым летом в Чулимске»].

2. Формообразующие и модальные частицы. Различные виды частиц имеют разную специфичность: модальные – более частоты в функции выражения упрека по сравнению с формообразующими, исключением является частица *бы*, являющаяся показателем сослагательного наклонения. Модальные частицы также различаются по группам. Нас интересуют частицы, вносящие эмоциональные и другие оценки, выражающие непосредственные реакции говорящего. Исключительна роль усилительных частиц, интенсифицирующих упрек («**Разве вы не знали, что мне это неприятно?**») [А.П. Чехов «Свадьба»].
3. Среди групп наречий, используемых для выражения упрека, следует выделить обстоятельственные наречия, обозначающие признак, внешний

по отношению к его носителю, т. е. характеризующие действие по месту, времени, условию и другим обстоятельствам. Особую роль в упреке играют наречия времени, обозначающие локализацию ситуации во времени. Сюда входят наречия *каждый раз, опять, теперь, тогда, всегда, вечно*, относящиеся к группе длительного и регулярного времени («**Вечно ты сама себе придумываешь всякие беспокойства!**» [Валентина Осеева «Динка»]);

Особую роль в синтаксических конструкциях играют наречия *зря, напрасно*, выражающие идею безуспешности в достижении цели, результата. Здесь эти синонимы указывают на то, что говорящий считает, что не достигается никакого полезного результата, или упрекает за несовершенное действие («**Напрасно ты не говорила про это мне! — упрекаю я её**» [Максим Горький «Лето»]);

Морфологическим средством выражения упрека также является сослагательное наклонение, которое обозначает ситуации, не существующие в реальном мире. В переносном значении сослагательное наклонение может использоваться в прагматических целях, для того, чтобы смягчить сообщение о коммуникативных намерениях говорящего. Часто сослагательное наклонение при выражении упрека приобретает желательное значение («*Ведь если бы ты учился хорошо, мать бы не сходила с ума, не волновалась за твою судьбу*» [В.С. Розанов «В добрый час»]).

Среди синтаксических средств выражения упрека, в первую очередь, следует выделить особые синтаксические конструкции, которые обладают фиксированной схемой, включающей определенный порядок слов с соответствующими грамматическими формами. Например:

1. Сам + смысловая частица «*небось*» + личная форма глагола («**А сам небось здорово поворовываешь. Знаю я вас!**» [Л.Н. Андреев «Нет прощения»]).
2. Тебе + выделительно-ограничительная частица «*только бы*» + инфинитив («**Тебе только бы спорить**» [Ф.М. Достоевский «Бесы»]).
3. Я + усилительная частица «*же*» + предупредительный (а) («**Я же предупредил: не являться сюда, во всяком случае, в форме и на служебной машине!**» [В.Н. Доценко «Срок для Бешеного»]).
4. Наречие времени «*вечно*» + личное местоимение (2 л.; им. п.) + личная форма глагола («**Всегда с тобой так!.. Вечно ты все испортишь!**» [Н.И. Ильина «Дороги и судьбы»]).
5. Наречие времени «*опять*» + личное местоимение (2 л.; им. п.) + личная форма глагола («**Опять ты поступил нехорошо, Иуда. Зачем ты крадешь?**» [Л.Н. Андреев «Иуда Искариот»]).

К синтаксическим средствам выражения упрека можно отнести также сравнение. Сравнение выявляет любое – постоянное или преходящее – сходство (или его отсутствие). Сравнения являются средством, способным передавать психологическое состояние человека, давать положительную или отрицательную характеристику лицу, предмету. Для упрека также характерны «зоосравнения» [1: 109], в большинстве случаев метафорическое сравнение с наименованием животных («**А со мной он поступил, как свинья**» [И.Н. Потапенко «Не герой»]).

Следующие в списке средств – противительные предложения. Их частотное употребление обусловлено спецификой упрека – высказывания упрека всегда двухпропозитивны: название соглашения и название нарушения соглашения («**Вчера ты съел четыре порции мороженого, а с младшей сестрой не поделился**» [А. Гайдар «Тимур и его команда»]).

Для выражения упрека используются придаточные условия, выражающие гипотезу говорящего о возможных следствиях воображаемой ситуации, описываемой в условном придаточном. Особенность их употребления как средств выражения упрека заключается в

том, что возможно использование придаточной части предложения без главной («*А если бы догадались посмотреть в мою душу!*») [В.Х. Даватц «На Москву»].

Главным фонетическим средством выражения упрека является интонация – различные соотношения количественных изменений тона, тембра, интенсивности, длительности звуков, служащие для выражения смысловых и эмоциональных различий высказываний. Интонация передает субъективное отношение к высказываемому. Тембр звуков может меняться в зависимости от эмоционального состояния говорящего. Таким образом, интонация служит средством выражения не только смысловых, но и эмоциональных значений высказываний («*Но ведь я читал вам вчерашнее письмо жены? – с тоном упрека промолвил Неволин*») [К.М. Станюкович «Дождался»].

Интонация придает вокативным предложениям дополнительное модальное значение, в данном случае – значение упрека. Модальные значения таких единиц целиком определяются различием их экспрессивных интонаций. Характер интонации, выражающей сложное содержание вокативных предложений, в художественной литературе определяется авторскими ремарками или ситуацией («*Лиза!.. – тоном упрека остановил ее Дмитрий Павлович*») [Н.Э. Гейнце «Самозванец»].

Средствами интонации организуется – обычно в сочетании с частицами – риторический вопрос, который представляет собой вопрос, не побуждающий к ответу, а содержащий, в случае упрека, скрытое негативное утверждение. («*Молодая яркая женщина, стоявшая за ним, сказала с упреком: – Неужели нельзя потише?.. Что за манера!*») [В.М. Шукшин «Игнаха приехал»].

Словообразовательные средства выражения упрека представлены суффиксами негативной оценки, указывающими на категорию лица, многие из которых имеют разговорную окраску. Среди них выделим:

1. Суффикс *-ак(а)/-як(а)*. Существительные с данным суффиксом называют лицо, производящее действие, названное мотивирующим словом, с оттенком неодобрения (*гуляка, слабак, чужак* и т.д.) («*Гуляка ты беспутный, совести-то у тебя нет*») [С.Т. Семенов «Васька»].
2. Суффикс *-ш(а)/-уш(а)*. Существительные с данным суффиксом называют лицо, производящее действие, названное мотивирующим словом, с оттенком неодобрения («*Я их подгоняю, а они не могут быстрее идти! Копуши несчастные!*») [Э.Ю. Шим «Когда погаснет»]. В данном примере также присутствует синтаксическое средство выражения упрека, представленное противительным предложением (Я их подгоняю, а они не могут быстрее идти!).
3. Суффикс *-л(а)* Существительные с суффиксом *-л*, обозначающие лицо, названное по характерному, обычному действию, с экспрессией неодобрения (*доставала, зубрила, мазила, ловчила* и др.) («*Мотовилов злорадно расхохотался. – Ха! ха! ха! Расстрелять! Ловчила какой нашелся. Дураков ищешь? На пушку взять хочешь? Не на таких напал*») [В.Я. Зазубрин «Два мира»].
4. Суффикс *-х(а)*. Существительные общего и женского рода с данным суффиксом называют лицо, производящее действие, названное мотивирующим словом (с оттенком неодобрения) («*Такой растеряха, что и сказать нельзя...*») [П.А. Каратыгин «Вицмундир»].

При формальном выражении упрека можно также выделить следующие суффиксальные и префиксальные образования:

1. Суффикс *-щин(а)/-чин(а)*. Существительные с данным суффиксом имеют значение признака, названного мотивирующим прилагательным, как бытовое или общественное явление, идейное или политическое течение, обычно с оттенком неодобрения (*бестолковщина, вкусовщина, военщина, дедовщина* и др.) («*То есть как это обменяться? – недоумевает*

- Береговой. – Ах, что за бестолковщина, право... Ну, фраками обменяйтесь, – раздражается Боря» [Л.А. Чарская «Мой принц»]);*
2. Суффикс *-нича-*. Глаголы с суффиксом *-нича*, мотивированные существительными или прилагательными, обозначают занятия, поступки, имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим существительным (в данном случае с оттенком неодобрения) («*Не наивничайте, любезнейший!*») [А.П. Чехов «Драма на охоте»]);
 3. Приставки *в-/вы-*, *раз-/рас-*. Значение глаголов с данными приставками – «действия, названное мотивирующим глаголом, совершить с большой интенсивностью» (с оттенком неодобрения) (*выругаться, вырядиться, разбазарить, разболтать* и др.) («*Я просила тебя не касаться отношений Марьи Львовны к моему брату, а ты разболтал всем...*») [Максим Горький «Дачники»]).

Анализ языкового материала позволил выявить разнообразные языковые средства выражения упрека в современном русском языке. Выделены они в соответствии с двумя критериями: эксплицитности выражения семантики упрека и регулярности функционирования того или иного средства в этом значении. В результате исследования было выявлено полицентрическое ФСП упрека с трехкомпонентным ядром, в которое входят: лексические средства (глаголы и существительные, выражающие семантику упрека; пейоративная лексика; фразеологизмы), морфологические средства (модальные частицы; междометия, обслуживающие сферу отрицательных оценок; формы сослагательного наклонения), синтаксические средства выражения упрека (ряд синтаксических конструкции; сравнение; противительные предложения; придаточные условия).

На периферии изучаемого поля находятся фонетические, выраженные главным образом интонацией, и словообразовательные средства, среди которых были выделены суффиксы субъективной оценки – в данном случае с уничижительно-пренебрежительным значением; суффиксы негативной оценки, указывающие на категорию лица, многие из которых имеют разговорную окраску; префиксы, выражающие оттенок неодобрения. Данная система представляет собой некую парадигму, используемую в соответствии с целями и условиями речевого общения. В качестве перспектив дальнейшего исследования можно предложить сопоставительное изучение средств выражения упрека в разных языках, что позволит выявить культурные и языковые особенности использования семантической категории.

1. Гулакова И.И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения. Орел, 2004. – 151 с.
2. Давыдова Т.А. Речевой акт упрека в английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2003. – 161 с.
3. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 495 с.
4. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.11.2024).
5. Петрушина М. В. Модальное значение неодобрения и его речевая реализация. М., 2005. – 257 с.
6. Соловьёва Т.К. Речевая интенция неодобрения в русском языке: номинативный и коммуникативно-прагматический аспекты: Дисс... канд. филол. наук. Тверь, 2005. – 145 с.
7. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / под ред. А.В. Бондарко. Л., 1990. – 487 с.
8. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2007. – 1175 с.
9. Шведова Н.Ю. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. – 783 с.
10. Шмурак Роман Ильич. Формальные средства выражения упрека в русском языке: корпусное исследование: Дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2021. – 239 с.

Касымова О.П.
Термины в лексической системе языка

*Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-197

Аннотация

В статье рассмотрены термины русского языка с позиции общелексической системности. Автор выделяет синонимичные, антонимичные, гипо-гиперонимические и др. отношения между терминами разных областей знания. Автор доказывает на примерах возможность изменения значения терминов и наличие в терминосистеме функционально-стилистического расслоения слов. Изменения в терминосистеме вызваны как совершенствованием научных знаний, так и расширением коммуникационного пространства языка науки и техники.

Ключевые слова: терминосистема, термины, профессиональная лексика.

Abstract

The article examines the terms of the Russian language from the standpoint of general lexical consistency. The author identifies synonymous, antonymous, hypo-hyponymic, and other relationships between terms of different fields of knowledge. The author proves by examples the possibility of changing the meaning of terms and the presence of a functional and stylistic stratification of words in the terminological system. Changes in the terminology system are caused by both the improvement of scientific knowledge and the expansion of the communication space of the language of science and technology.

Keywords: terminology system, terms, professional vocabulary.

Лексика любого языка характеризуется системностью, соответствующей логичности мышления и системности самой окружающей действительности. В теории систем к важным свойствам любой системы относят такие ее качества, как «системообразующий параметр (критерий качества), элемент (единица) системы, отношения между элементами (связь), позиция элемента (место в системе), понятия микро- и макросистемы, дискретность и непрерывность, часть и целое, сложность, инвариантность, изменчивость, иерархия и некоторые другие» [2, с. 7]. При исследовании разных уровней языковой системы принято опираться на те системные признаки, которые больше всего соответствуют качественной характеристике выбранного уровня.

Лексика русского языка и терминосистема, как часть общей лексической системы, обладают основными из перечисленных свойств. Их элементы (слова и фразеологические единицы) связаны друг с другом, что дает возможность рассматривать однотипные группы лексических единиц, обладающих общими свойствами. Системные свойства лексики русского языка проявляются в различных способах группировки слов, в основе которых лежат их семантические и функциональные признаки. На этих основаниях классифицируют однозначные и многозначные слова, тематические группы слов, синонимы, антонимы, стилистически закрепленные слова и выражения и др.

Терминосистема представляет собой особый пласт лексики. Это слова ограниченного употребления, которые используются в разных дискурсивных областях науки, общественной жизни и производства. Они имеют четкие, фиксированные значения и часто закреплены за определенными контекстами употребления. Основная функция терминов – информативная (наряду с номинативной, дефинитивной и сигнификативной), они призваны точно передавать понятия, что позволяет избежать неясности в профессиональном общении. Такая функционально-семантическая специфика определенным образом сказывается на системных свойствах терминов.

По мнению Н. П. Тимофеевой, в каждом дискурсе термины образуют систему: «Как особая лексическая единица термин непосредственно связан с понятием определенной отрасли знания и вхождением его в определенное терминологическое поле, в котором все термины данной отрасли знания взаимокоррелируют между собой» [4, с. 48]. Эта взаимная корреляция соответствует связям общеязыковой лексики, что позволяет выделять традиционные лексические группы внутри терминосистем. Терминам разных дискурсивных областей присущи общие свойства, что позволяет говорить о терминосистеме и ее свойствах как об общеязыковом явлении. Вместе с тем, системность разных подсистем терминологической лексики требует уточнения. Мы рассмотрели шесть групп терминологических объединений на примере медицинского и спортивного дискурсов, но выводы можно экстраполировать и на другие дискурсивные области.

Во-первых, общность семантики позволяет включать часть терминов в одну тематическую группу, представляющую собой один из типов парадигматических объединений единиц языка. Так, в спортивной терминологии в сфере хоккея выделяются такие группы, как игровая ситуация (*айс-тайм, большинство, выход один на один, два в одного, дубль, замена игроков и др.*); спортивные снаряды (*клюшка, крюк, шайба*); экипировка хоккеиста (*шлем, нагрудник, краги, налокотники, щитки, шорты, коньки, раковина и др.*) и некоторые другие. В области медицины, например, это термины косметологии (*акне, кератома, дерматоз и пр.*) или хирургии (*скальпель, зажим и пр.*). Такого рода группы слов основаны на связи явлений, названных терминами, и на соотносимости контекстов. Тематические группы слов имеются в любом научном дискурсе, что является лингвистическим отражением существующего деления отдельных областей знания на научные специальности, а внутри каждой специальности на присущие ей подвиды.

Во-вторых, некоторые термины образуют синонимические ряды. Синонимия в области терминологии представлена ограничено, в основном это соответствие русских и английских слов. В хоккее на льду это *арбитр – судья – рефери; блокер – блин; буллит – штрафной*; в медицине: *пейсмейкер – электрокардиостимулятор; Джонсон-эффект – тепловой эффект* и пр. Синонимия может выглядеть также как полный и краткий варианты наименования (*лимфатический узел – лимфоузел; верхняя полая вена – ВПВ, мезотерапия – мезо*). Такие термины являются абсолютными синонимами в соответствии с их информативной функцией, но само их наличие в научном дискурсе может привести к разному их пониманию. В то же время термины-синонимы помогают избежать назойливого повторения, тавтологии в научном тексте.

В-третьих, можно выделить термины-антонимы. Это, например, приставки *гипо-* и *гипер-*, которые служат в медицине определениями для низкого кровяного давления – *гипотонии* – и высокого кровяного давления – *гипертонии*, а также, например, *злокачественное образование* и *доброкачественное образование*. По мнению А.К. Федотовой, «большинство терминов в научном языке имеют антонимическую пару: явления, понятия, процессы противопоставлены другим явлениям, понятиям, процессам» [5, с. 77].

В-четвертых, выделяется группа терминов с гипо-гиперонимическими отношениями, при которых лексемы конкретного значения соотносятся с лексемами, имеющими более общее значение, т.е. их объединяет универсальная логическая категория, основанная на родо-видовых отношениях. Например, в спортивной терминологии это группа слов *бросок → кистевой бросок, проброс, сэйв, щелчок (слэпшот), бросок в одно касание (ван-таймер), бросок с неудобной руки, бросок в девятку, буллит*. В медицине это, например, *агнозия → акустическая, вкусовая, оптическая, обонятельная, осязательная*. Такого рода группы терминов выделяются на экстралингвистических основаниях, их иерархия неразрывно связана с разработанностью понятий в определенной области знания.

В-пятых, наряду с терминами внутри одного и того же дискурса выделяют профессионализмы, являющиеся разговорными вариантами терминов, которые рассматривают (например, И. А. Гроховская) как субстандартное семантическое поле [1]. Профессионализмы употребляются в устной речи в процессе разнообразной деятельности. В косметологии это такие примеры, как *умывалка* – средство для умывания, *тоналка* – тональное средство, *санскрин* – средство для защиты от солнца и др. Для образования профессионализмов в спорте часто используется перенос значения общеупотребительных слов (*бабочка*, *банан*, *домосед*, *зацепиться за линию*, *печенье*, *рыбка* и др). Например: *бабочка* – передача шайбы партнеру по воздуху; *банан* – большой загиб клюшки; *домосед* – защитник, который редко подключается в атакующие действия команды и пр. Профессионализмы, как правило, не включаются в терминологические словари и считаются фактом профессиональной речи, а не языка, а также их часто рассматривают в ряду профессиональных жаргонизмов и сленгизмов, которые отличаются от терминов и профессионализмов высокой степенью экспрессивности.

В-шестых, некоторые термины, как и слова, принадлежащие к нормированному, литературному языку, способны модифицировать свое значение. Изменения в семантике слова – один из способов обогащения словарного состава языка. Термины в этом отношении менее подвижны, так как их номинативная функция предполагает устойчивость значения.

Изменение значения присуще не каждому термину. Так, отмечена семантическая деривация у спортивных терминов. По мнению А. С. Рылова, «предметно-понятийная отнесенность хоккейных наименований с течением времени не остается неизменной» [3, с. 298]. В значении названий таких спортивных снарядов, как *клюшка* и *шайба* часто наблюдается сдвиг в сторону антропоморфизма: *клюшка по инерции пошла, меня подвела клюшка*, *юркая шайба*, *шайба отказывалась идти в ворота* и пр. В числе семантических преобразований можно отметить опустошение значения. В примере *А дворяжка Шайба лежала в это время под фурой и размышляла, кого бы ей укусить* (Происшествия // «Столица», 1997.08.12) слово «шайба» не имеет общих сем с названием спортивного снаряда. В названии мультфильма «Пилуля» (Союзмультфильм 1983) наименование лекарственной формы, хотя оно на протяжении фильма звучит всего четыре раза, приобретает символическое значение.

Можно утверждать, что семантика некоторых терминов является многоуровневой, это позволяет рассматривать ее как подвижное образование. Она имеет базовое значение, которое содержит профессионально значимую информацию, и периферию, которая формируется в процессе функционирования слова в речи.

Таким образом, термины обладают всеми системными свойствами общенародной лексики. Среди них исследователи выделяют парадигматические группы слов: тематические группы, синонимы, антонимы, термины с гипо-гиперонимическими отношениями, – а также семантическую и функционально-стилистическую подвижность. Функции термина, выделяемые лингвистами (номинативная, дефинитивная, сигнификативная) [6], не предполагают их многозначности и функционально-стилистического разнообразия. Термины должны быть однозначными и лишены экспрессивности, что служит способом разграничения обычных слов и терминологической лексики. Тем не менее, во всех дискурсивных областях науки терминология обнаруживает семантическую подвижность. Специфика терминосферы в том, что такие системные свойства имеются не у каждого термина и в целом представлены ограниченно.

Функциональные рамки использования терминов значительно расширились за последние десятилетия за счет использования медиапространства. Это сближает разные профессионально-коммуникативные направления общения. Традиционно это научное, производственное и учебное коммуницирование. В новых формах общения – электронной переписке, блогах и чатах – получают возможность вести научный диалог и полилог как

профессионал с профессионалом (общение по горизонтали), так и профессионал с непрофессионалом (общение по вертикали). Это способствует сближению письменной, более регламентированной, формы общения с устной, допускающей неточность использования термина, модификацию его значения и даже экспрессивность.

Таким образом, терминосистема русского языка заметно изменяется, она совершенствует свою системную организацию за счет более детальной классификации парадигматических групп, вызванной общим развитием и интенсификацией науки, а также за счет расширения сферы функционирования терминов.

1. Гроховская И. А. Классификация субстандартной лексики англоязычного и русскоязычного семантического поля «Medicine»/«Медицина» в сравнительно-сопоставительном аспекте// Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 24, № 4. С. 52-63.
2. Касымова О. П. Позиционные свойства языковых единиц. М.: Изд-во МГОУ, 2007. 180 с.
3. Рылов А. С. Специфика русской хоккейной терминологии// Вестник Нижегородского университета Н. И. Лобачевского. 2012. № 5 (1). С. 297-299.
4. Тимофеева Н. П. Когнитивный аспект семантики отраслевых терминов// Проблемы современной лингвистики в контексте антропоцентризма. Колл. монография. /под ред. Зарайского А. А. Саратов, 2016. С. 47-84.
5. Федотова А. К. Антонимия в терминологии (по материалам «Словаря русского языка XXI века» под ред. Г. Н. Складневской)// Journal of Applied Linguistics and Lexicography, 2020, vol. 2, no. 1. С.76-84.
6. Чистюхина С. Н. О некоторых особенностях и функциях термина// Теория и практика общественного развития (2011, № 1). С. 287-289.

Кириллова Л.Е.

Диалектологическая работа как ономастический источник

*Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН
(Россия, Ижевск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-198

Аннотация

В статье рассматривается работа «Заметка по верхнеижским удмуртским говорам» известного лингвиста, специалиста по удмуртскому и финно-угорским языкам Т. И. Тепляшиной. Хотя этот труд посвящен исследованию диалектных особенностей удмуртских говоров, он является хорошим источником по ономастике. Здесь зафиксированы собственные имена различного типа: ойконимы, антропонимы, микропонимы, семейно-родовые названия. Часть этих названий уже забыта, поэтому данная работа представляет несомненный интерес и может иметь практическое применение.

Ключевые слова: удмуртский язык, собственные имена, ономастика, ойконимы, антропонимы, микропонимы, семейно-родовые названия, термины родства и свойства.

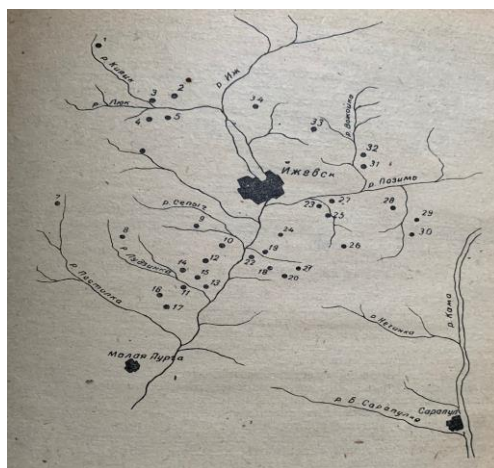
Abstract

The article deals with the work “A note on the Upper Volga Udmurt dialects” by the famous linguist, specialist in Udmurt and Finno-Ugric languages T. I. Teplyashina. Although this work is devoted to the study of dialect features of Udmurt speeches, it is a good source on onomastics. Proper names of various types are recorded here: oikonoms, anthroponoms, microtoponyms, family and generic names. Some of these names have already been forgotten, so this work is of undoubted interest and may have practical application.

Keywords: the Udmurt language, proper names, onomastics, oikonoms, anthroponoms, microtoponyms, family and clan names, kinship and properties terms.

Народно-разговорная речь удмуртов, проживающих в центральной части Удмуртии, до сих пор не нашла должного отражения в научной литературе и до конца не прослежено их территориальное распространение. Говоры, распространенные на данной территории, являются промежуточными между северным и южным наречиями удмуртского языка и называются срединными. Для изучения диалектных особенностей неисследованных говоров, распространенных в верхнем течении реки Иж, правого притока р. Камы, удмуртским лингвистом Тamarой Ивановной Тепляшиной было предпринято несколько экспедиций. Первая экспедиция, скорее, практика, состоялась в августе 1947 г. в деревнях Пычанки, Башур и с. Завьялово, когда Т. И. Тепляшина была еще студенткой финно-угорского отделения восточного факультета Ленинградского университета. Затем, будучи научным сотрудником Института языкознания Академии наук СССР, приезжала дважды: в июне 1967 г. обследовала с. Лудорвай и в январе 1970 г. – с. Завьялово и другие населенные пункты. Это деревни, села, починки, расположенные вокруг столицы Удмуртии г. Ижевска и относящиеся к Завьяловскому району. Она исследовала, главным образом, населенные пункты с проживанием удмуртского и русско-удмуртского населения. Позже материалы этих полевых изысканий она опубликовала в статье «Заметка по верхнеижским удмуртским говорам» [6], в которой подробно рассматриваются фонетические, морфологические и некоторые лексические особенности названных говоров, записаны интереснейшие образцы речи. Данная работа ученого представляет интерес и в ономастическом плане, поскольку она попутно зафиксировала немало ойконимов, антропонимов, микропонимов, семейно-родовые названия, а также термины родства и свойства. Они представляют хороший источник по ономастике бассейна Ижа. Фактический материал, этимологии названий и некоторые объяснения, взятые из статьи Т. И. Тепляшиной, представлены в нашей статье в таком же виде, в каком они даны у автора, сохранены орфография и особенности транскрипции оригинала. В квадратных скобках отмечены наши уточнения и исправления. Рассмотрим подробнее эти наименования, распределив их по нескольким группам.

1. В работе Т. И. Тепляшиной даны русские официальные и параллельно народные названия населенных пунктов, последние из которых являются либо наименованиями удмуртского происхождения, либо удмуртизированными: с. Завьялово (удм. *Дэри*), Новая Казмаска (удм. *Вил' Казмас*) [точнее *Вил' Каз'мас* – Л. К.], Ст. Мартьяново (удм. *Т'ама*), Мещеряки (удм. *Мэшиэр*), Сизёво (удм. *Сиз'гурт*) [точнее нужно *С'из'гурт* – Л. К.], Пычанки (удм. *Пы'чанка*), Ст. Чультем (удм. *Вуж Чул'тэм*), Новый Чультем (удм. *Вил' Чул'тэм*), Беты (удм. *Бета*). Населенные пункты показаны на схематической карте, что дает отчетливое представление об их расположении:

Схематическая карта. Ареалы распространения говоров среднего течения бассейна р. Иж.

К карте дана легенда с указанием населенных пунктов:

1. Б. Кияик	3. Новый Сентег
2. Люкиудья	4. Ст. Сентег
5. Шабердино	20. Сизёво (Сизьгурт удм.)
6. Чужьялово	21. Мецерьяки (Мэшэр)
7. Женвай	22. Ст. Чультем
8. Подшивалово	23. Новый Чультем (русск.)
9. Лудорвай	24. Люлли
10. Большая Венья	25. Завьялово (Дэри)
11. Новая Крестьянка (русск.)	26. Пычанки (Пычанка)
12. Непременная Лудзя	27. Ст. Мартьяново
13. с. Юськи	28. Новая Казмаска
14. Каравай-Норья	29. Беты
15. Волково	30. Ст. Казмаска
16. Рысово	31. Якиур
17. Шадан	32. пос. Семеновский
18. Ст. Кены	33. Ягул
19. Каменное	34. Ст. Игерман

В некоторых случаях автор отмечает национальный состав жителей деревень: *Новая Крестьянка* (русск.), *Сизёво* (Сизьгурт удм.), *Новый Чультем* (русск.). Исследователь отмечает, что «на территории распространения верхнеижских говоров вдвое больше расположено населенных пунктов с русским населением, чем с удмуртским. Кроме того, большое количество селений смешанного типа: удмуртско-русские, удмуртско-татарские и удмуртско-русско-татарские. В большинстве селений удмурты и русские совместно живут уже давно» [6, с. 198]. И далее перечисляются названия этих населенных пунктов: *Ленино*, *Курегово*, *Верхняя Лудзя*, *Пирогово*, *Лудзя-Норья*, *Кабаниха*, *Динтем-Бодья*, *Пазелы*, *Нижний Игерман* и т. д., они не обозначены на схематической карте [6, с. 197–198]. Среди удмуртско-русско-татарских названий селений указаны следующие: *ст. и п. Постол*, *Ударник*, *Можвай*, *Люкиудья*, *Воложка*, *торфопредприятие Позимь*, *Вожойский лесопункт* и др., при этом указано, что «все они представлены сравнительно недавно образованными пунктами лесоучастков, подсобных хозяйств, артелей, торфопредприятий, железнодорожных станций и т. п.» [6, с. 199–200].

2. В работе нашли отражение и гидронимы: *Иж* с притоками *Люк*, *Кияик* (левый приток р. Люк), *Сепыч*, *Лудзинка*, *Постолка*, *Позимь* и притоки р. *Позимь Казанка* и *Вожойка*. Отмечено и удмуртское название р. *Иж* – *Ой*: «Местные удмурты ее называют *Ой*, именуют себя *ойпальёс*, букв. ‘жители ижской стороны’ [6, с. 197]. Удмуртские наименования других рек не зафиксированы. Что касается гидронима *Казанка*, здесь он назван ошибочно, нет такого притока р. *Позимь*, возможно, здесь должно быть указано название реки *Казмаска*.
3. Т. И. Тепляшина в сноске к статье отмечает, что «фамилии и имена удмуртов Завьяловского района преимущественно русского происхождения: «Абсолютное большинство семейно-наследственных наименований образовано от христианских имен и лишь частично – от древнеродовых наименований и тюркских личных имен». И в качестве примеров называет такие фамилии: *Кельмачёвы* < *Кельмач* (д. Люлли); *Ураев* < *Урай*; *Танаев* < *Танай* (д. Новая Казмаска); *Усманов* < *Усман* (с. Завьялово) и др. [6, с. 197 (сноска внизу)].

Особенно много наименований представлено в образцах речи в конце статьи. Это также названия населенных пунктов Завьяловского района: *Иж* (нар. название г. Ижевска); *Шурдымка* (нар. удм. *Судиур починка*); *Подвай* (нар. удм. *Подвай*); *Федоски* (нар. удм. *Пэдос*); *Кашибеги* (нар. *Кашибэг*); *Чипаниха* [точнее *Чепаниха*] (нар. *Чипанка*); *Калмыки* (нар. *Калмык*); *Бахилы* (нар. *Бакило*); *Ильинка* (нар. *Розл'этай*); *Старый Казмас* (удм. *Вуж Казмас* [точнее *Вуж Каз'мас*]); *Новая Казмаска* (удм. *Вил'Казмас* [точнее *Вил'*

Каз'мас]); *Беты* (удм. *Бэ́та*); *Башур*; *Тукмачи* (удм. *Вуж Тукмачи* [точнее *Тукмач*]); *Тыкмач починка* [точнее *Тукмач починка*] (оф. название не указано); *Дэри почин'ка* (оф. название не указано [это *Новое Завьялово*]); *Старое Мартьяново* (удм. *Т'ама*); *Пычанки* (удм. *Пы́чанка*), *Сизёво* (удм. *С'из'гурт*), *Мещеряки* (удм. *Мэшэр*), *Люлли* (удм. *Л'ул'л'и*), *Ягул* (*Йагул*). Следует отметить, что некоторые из перечисленных селений уже не существуют, они исключены с учета в разные годы: Новое Завьялово (1962) [2, с. 287], Беты и Федоски (1983) [2, с. 292], Кашабеги и Калмыки (1986) [2, с. 293], Быдвайка (1990) [2, с. 294], Ильинка (2004) [3]. Что касается ойконима *Шурдымка*, нам во время экспедиций уже не удалось зафиксировать удмуртское название *Судишур почин'ка*, указанное Т. И. Тепляшиной, вместо этого нам назвали уже другое наименование: *Мешер починка* [3].

В окрестностях с. Завьялово научным сотрудником выявлены следующие микротопонимы:

- 1) гидронимы в окрестностях с. Завьялово: *Дэришур*; *Шурдым шур* (впадает в *Дэришур*); *Покон шур*; *Йюнишур* (букв. 'речка для питья') *Иванишур* (букв. 'Иванова речка'), *Изошур* (букв. 'каменистая речка');
- 2) названия лесов: *Иван тыло* ('Ивановский подлесок'), *Йачок сэрег*, *Покон шур нюлэс*;
- 3) названия логов: *Иванишур гоп*, *Чэжстийан гоп* (букв. 'место выведения утят'), *Йорсогоп* ('лог Йорсо'), *Изошур гоп*;
- 4) названия дорог: *Гол'йанской трак* (Гольянский тракт);
- 5) бытующие в народе и принятые в документах официальные названия улиц с. Завьялово: *Пугачевской ул'ча* (оф. Пугачевская улица) (когда-то здесь стоял штаб Пугачева); *Цэрковной ул'ча* (оф. Октябрьская улица); *Н'ук тупал* (оф. Садовая улица); *Кабак ул'ча* 'Кабацкая улица' (оф. Кооперативная улица) и новые улицы: *Прудовой ул'ча* (оф. Прудовая улица); *Пэрвомайской ул'ча* (оф. Первомайская улица); *Колхозной ул'ча* (оф. Колхозная улица).
- 6) семейно-родовые названия, бытующие в с. Завьялово, представлены по улицам, даны некоторые этимологии:
 - а) на Пугачевской улице: *Бэчок* (значение неясное); *род Тыпы* (букв. Дуба); *Окуни*; *Пугачевский род* – фамилии их Ивановы; *Баклянтиос* (бакля – значение непонятное) – их фамилия Шкляевы; *род Котомки*;
 - б) верхней стороны села: *род Офицерский* (кто-то служил в офицерах); *род Почо*; *род Королей*; *род Гирея*;
 - в) на Садовой улице: *род Бекас* (бекас – значение неясное); *род Йарас* (по-видимому, от личного имени Герасим); *род Александра*. В конце примеров сделано заключение, что «Названия родовых ячеек возникли давно. Дедушки их уже носили другие имена. ...Молодежь по названиям родов уже не называют. Уже забывают» [6, с. 216].

Вызывают интерес записанные Т. И. Тепляшиной термины родства и свойства жителей д. Подшивалово: *мэмэй* 'мать', *айи* 'отец (мой)', *чужмурт кэнак* 'тетя (по линии матери)', *вил' кэнак* 'молодая сноха (невестка)', *апай* 'старшая сестра', 'сестра мужа'; *н'ун'ай* 'старший брат мужа', *перес['] ноной* 'бабушка', *д'эдко* 'дедушка', *нэнэй* (д. Подшивалово) ~ *ноной* (с. Ягул) 'бабушка', *сват* 'сват', *у'зы* 'младшая сноха', *сузэр* 'сестра мужа', *эмэсти* 'зять', 'жених', *баба* 'свекровь', *айымурт* 'свекор', *пичи сузэр* 'младшая сестра', *т'ат'а* 'отец', *кырси* 'муж старшей сестры' [6, с. 218]. К этому списку слов добавим еще термин *эт'э* 'брат отца', зафиксированный Т. И. Тепляшиной в д.

В[ерхний] Женвай Завьяловского района [6, с. 220]. В настоящее время некоторые из этих терминов также утратили свое существование, их еще помнят только старые люди.

Таким образом, опубликованные Т. И. Тепляшиной материалы имеют немаловажное значение. Они с успехом могут быть использованы в научной работе, при написании курсовых и дипломных работ студентов, на уроках краеведения в школе, в школьной музейной работе, при написании рефератов для участия в олимпиадах школьников. В собственных именах заключен определенный смысл. В них отражается история и культура жителей, проживающих на той или иной территории, различные события и связанные с ними имена людей. И, как пишет известный русский писатель К. Паустовский в «Книге скитаний» (1963): «Названия – это народное поэтическое оформление страны. Они говорят о характере народа, его истории, его склонностях и особенностях быта» [4, с. 1029]. В собственных именах различного характера можно выявить особенности языка местного населения. С течением времени они изменяются, но зачастую они сохраняются в топонимах, антропонимах.

1. Атлас исчезнувших деревень Удмуртии. URL: <https://lostvillages.udsu.ru> (дата обращения: 22.11.2024).
2. Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии. 1917–1991 гг. Ижевск: Удмуртия, 1995. 744 с.
3. Кириллова Л. Е. Полевые материалы топонимической экспедиции в Завьяловский район в 2002 г.
4. Паустовский К. Г. Книга скитаний // Повесть о жизни. М.: Эксмо, 2024. С. 897–1037.
5. Тепляшина Т. И. Заметка по верхнеижским удмуртским говорам // Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 2. Ижевск, 1973. С. 196–223.

Лязгин П.Д.

Специфика баскетбольных жаргонизмов, идиоматических оборотов и баскетбольных речовок

(ф) ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского»
(Россия, Новозыбков)

doi: 10.18411/trnio-12-2024-199

Аннотация

Исследование, рассматривающее специфическое использование жаргонных выражений, идиоматических оборотов и речовок фанатами баскетбольных команд.

Ключевые слова: баскетбольные жаргонизмы, идиоматические обороты, баскетбольные речовки.

Abstract

A study examining the specific use of slang expressions, idiomatic phrases, and speeches by basketball team fans.

Keywords: basketball jargon, idiomatic phrases, basketball chants.

В наше время лексикон баскетбольных фанатов изобилует различными жаргонизмами выражениями, включая и те, которые содержат нецензурную лексику. В данной работе мы рассмотрели различные примеры баскетбольных жаргонизмов, речовок и идиоматических выражений.

Актуальность работы обусловлена широким многообразием жаргонных слов и идиоматических выражений.

Изучению баскетбольного фанатского жаргона посвящена книга «Энциклопедия баскетбола от Гомельского» Гомельского А. Я. [2], справочное пособие «Баскетбол. Словарь-справочник» Сыроева А. В., Соболева Д. В. и других [4], специальные учебно-методическое пособие по баскетболу «Методика обучения технике и тактике игры в

баскетбол» Газдиевой М. Б. [1], а также «Терминология баскетбола» Соколовского Б. И. и других [3].

На основе имеющихся материалов нами был произведен комплексный анализ фанатской лексики.

I. Баскетбольные жаргонизмы

1. Названия баскетбольных клубов и их болельщиков.

«Самородки», «Наггетсы» - Денвер Наггетс.

«Лесные волки», «Волки» - Миннесота Тимбервулвз.

«Громы», «Громобойцы», «Окла» - Оклахома-Сити Тандер.

«Пионеры», «Первопроходцы», «Блэйзеры» - Портленд ТрэйлБлэйзерс.

«Джазмены», «Музыканты» - Юта Джаз.

«Войны», «ГСВ» - Голден Стэйт Уорриорз.

«Парикмахеры», «Клиперы» - Лос-Анджелес Клипперс.

«Озёрные» - Лос-Анджелес Лейкерс.

«Короли» - Сакраменто Кингз.

«Солнышки», «Солнечные», «Финики» - Финикс Санз.

«Ковбои», «Мавс» - Даллас Маверикс.

«Гризли», «Мишки» - Мемфис Гриззлис.

«Пеликаны» - Нью-Орлеан Пеликанс.

«Шпоры» - Сан-Антонио Спёрс.

«Ракеты», «Космонавты» - Хьюстон Рокетс.

2. Слова, обозначающие баскетбольные явления и процессы.

Большой - высокорослый игрок, выступающий в амплуа мощного форварда или центрового. [3, с. 69]

В лоб - позиция атакующего игрока на площадке, когда он находится прямо напротив корзины. [3, с. 6]

Верх - область той или иной половины площадки, удаленная от лицевой линии, периметр. [3, с. 6]

Восьмерка - стандартное взаимодействие, часто применяющееся как на тренировках, так и в официальных матчах в качестве составляющей наигранных комбинаций. [3, с. 6]

Вынос - ввод мяча в игру из аута. [3, с. 6]

Горшок - блок-шот. Поставить горшок означает накрыть бросок противника. [3, с. 9]

Двойка - простая комбинация с участием двух игроков, один из которых, как правило, высокорослый, а второй - защитник. [3, с. 7]

День авиации - ситуация, когда сразу несколько соперников попадают на финт и - одновременно или по очереди - взмывают в воздух, пытаясь накрыть несуществующий бросок. [3, с. 12]

Доска - баскетбольный щит. [3, с. 7]

Дырка - кольцо. [3, с. 7]

Задний - защитник. Чаще употребляется по отношению к разыгрывающим, а не к атакующим защитникам. [3, с. 8]

Заслон - действие, которым игрок помогает партнеру освободиться от опекуна, заранее вставая на пути последнего. [3, с. 8]

Кирпич - неудачный бросок, при котором мяч выпущен слишком жестко и летит по недостаточно крутой траектории. [3, с. 22]

Кол - бросок сверху. [3, с. 22]

Коробка - игровой зал. Иногда употребляется по отношению к небольшим аренам, чтобы подчеркнуть их размеры. [3, с. 8]

Мухобойка - высокорослый игрок, как правило - центровый, специализирующийся в основном на блокировании бросков и не слишком хорошо владеющий другими приемами.[3, с. 10]

Навал - положение атакующего игрока, когда он во время броска в прыжке наклоняется в сторону своего опекуна и несильно сталкивается с ним. [3, с. 21]

Наведение - прием, сопутствующий заслону и помогающий освободиться от опеки. [3, с. 21]

Натяжка - деформация обороны, вызванная действиями атакующей команды, как правило - обыгрываем один на один кого-то из опекунов. [3, с. 21]

Низ - область той или иной половины площадки, противоположная верху, то есть вблизи щита. [3, с. 8]

Существует множество жаргонных названий баскетбольных клубов и их болельщиков в чемпионатах каждой страны мира. Помимо общепринятых, существуют и баскетбольные жаргонизмы с нецензурной лексикой.

II. Идиоматические обороты.

«Бросок крюком» - бросок мяча одной рукой над головой кругообразным движением руки.[4, с. 39]

«Быстрый прорыв» - быстрая атака. Быстрое продвижение нападающих к корзине противника в надежде создать численный перевес и забросить мяч в корзину.[4, с. 39]

«Двойное ведение» - возобновление ведения после того, как игрок остановился и взял мяч в руки. [4, с. 43]

«Живой» мяч - ситуация, при которой судья готов к розыгрышу спорного броска, готов передать мяч игроку, выполняющему штрафной бросок, или, когда мяч находится у игрока, который будет вбрасывать его в игру из-за пределов площадки.[4, с. 45]

«Личная защита» - защита, при которой каждый игрок защищающейся команды опекает определенного игрока противника.[4, с. 87]

«Мертвый» мяч - мяч, вышедший из игры. [4, с. 47]

«Многokrатный фол» - фол, совершенный примерно в одно и то же время двумя или более игроками одной команды по отношению к одному из соперников.[4, с. 88]

«Обоюдный фол» - фол, совершенный примерно в одно и то же время двумя игроками противоположных команд по отношению друг к другу.[4, с. 90]

«Первая передача» - передача после успешного овладения мячом в защите при отскоке от щита. [4, с. 63]

«Свободный мяч» - мяч в игре, но им не владеет ни одна из команд.[4, с. 64]

«Скрестный проход» - групповое взаимодействие нападающих, при котором два игрока проходят с разных сторон мимо партнера с мячом.[4, с. 67]

В обиходе баскетбольных фанатов присутствует множество идиоматических оборотов. Некоторые из них устарели и стали использоваться реже, либо не использоваться вовсе. Также как и жаргонизмы, баскетбольные идиомы периодически пополняются новыми выражениями.

III. Баскетбольные речовки.

1. «Оклахома-Сити Тандер»

Клуб, что зовётся «Ураган»
В подарок нам Всевышним дан!
Игры прекрасной держит нити
Команда «Оклахома-Сити»!

2. «Орlando Мэдджик»

Непобедимая команда
Наш супер «Мэдджик» из Орlando.
К победам нас всех приучила,
Поскольку «Мэдджик» - это сила!

3. «Чикаго Буллз»

Задор, решительность, отвага!
Вот добродетели «Чикаго».
Мы не скрываем своих чувств,
Ведь лучше всех – «Чикаго Буллз»!

Существует большое множестворечовок, относящихся к разным баскетбольным клубам. Также, как и идиоматические выражения некоторые из них устаревают, или появляются новые.

Рассмотрение и анализ лексических единиц, относящихся к каждой из представленных групп, позволил сделать вывод, что каждая из них достаточно обширна и постоянно пополняется новыми единицами. Использование баскетбольными фанатами специальных жаргонизмов и идиоматических оборотов является повсеместным, и имеет, как схожие черты, так и явные отличия.

1. Газдиева, М.Б. Методика обучения технике и тактике игры в баскетбол: учебно-методическое пособие / М.Б. Газдиева, Е.И. Гришина, М. Н. Нагорнова. – Тольятти: ТГУ, 2008. – 48 с. - Текст (визуальный): непосредственный.
2. Гомельский, А. Я. Энциклопедия баскетбола от Гомельского / А.Я. Гомельский. - Москва: Гранд, ФАИР-пресс, 2003. — 338 с. - ISBN 5-8183-0374-8. – Текст (визуальный): непосредственный.
3. Соколовский, Б. И. Терминология баскетбола / Б. И. Соколовский, Д. В. Киселев, А. М. Власов. – Самара, 2021. - Издание второе, дополненное. - 75 с. - Текст (визуальный): непосредственный.
4. Сысоев, А. В. Баскетбол. Словарь-справочник: справочное пособие / А. В. Сысоев, Д. В. Соболев, С. Н. Горлова, В. П. Брюховецкий В. П. – Воронеж: ВГИФК, 2018. - 183 с. - Текст (визуальный): непосредственный.

Махрова М.М.

Лексема воркшоп: особенности функционирования в современном русском языке

*ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
(Россия, Владимир)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-200

Аннотация

В статье рассматриваются происхождение и функционирование в современном русском языке лексемы *воркшоп*, которая в последние годы активно употребляется в разных типах дискурса, в том числе в образовательном, научном, деловом, рекламном, медиадискурсе. Автор анализирует некоторые контексты, встречающиеся в современных информационных источниках, рассматривает потенциал употребления лексической единицы.

Ключевые слова: лексема, воркшоп, медиадискурс, образовательный дискурс, деловой дискурс, информационно-коммуникационное пространство, значение, контекст.

Abstract

The article examines the origin and functioning of the lexeme *workshop* in modern Russian, which in recent years has been actively used in various types of discourse, including educational, scientific, business, advertising and media discourse. The author analyzes some contexts found in modern information sources and considers the potential for using the lexical unit.

Keywords: lexeme, workshop, media discourse, educational discourse, business discourse, information and communication space, meaning, context.

В первые десятилетия XXI века современный русский язык продолжает активно пополняться новыми словами, значительный объём которых составляют англицизмы. С

течением времени заимствованные лексические единицы осваиваются системой или утрачиваются как неактуальные. В этой связи представляется интересным рассмотреть происхождение и функционирование в русскоязычном пространстве лексемы *воркшоп*, получившей наиболее широкое распространение в деловом, образовательном, научном, рекламном, медиадискурсе. До настоящего времени отдельная лексема *воркшоп* не становилась объектом специального лингвистического рассмотрения с позиций функционирования в информационно-коммуникационном пространстве современного русского языка.

С английского языка *workshop* переводится как «мастерская» или «цех», «место или мероприятие, где люди собираются, чтобы делиться знаниями, приобретать новые навыки, обсуждать идеи, создавать произведения искусства или производить товары» [9]. Согласно классификации английских заимствований, предложенной Т.И. Арбековой, лексическая единица *воркшоп* образована фонетическим способом – транскрипцией, так как сохранена звуковая форма слова [1].

В одном из источников, относящихся к отечественной лексикографии первого десятилетия XXI века, находим следующее определение понятия *воркшоп*: «коллектив, группа работников, созданная для дискуссии по какой-либо теме или для её разработки» [4]. Специалисты в области образования и маркетинга отмечают [7], что *воркшоп* по содержательному наполнению представляет собой своеобразный формат или технологию проведения обучающего мероприятия [2]. При этом, в отличие от близких понятий мастер-класса, мозгового штурма, форсайт-сессии, *воркшоп* имеет ряд существенных особенностей и подразумевает: 1) активное вовлечение в креативный процесс и обмен опытом всех участников мероприятия, вне зависимости от уровня их экспертности; 2) акцент делается не на воспроизводящей, а на изобретательской работе; 3) теоретическая часть минимальна и неразрывно связана с практической; 4) для организаторов и участников очень важен результат работы (новая идея/продукт); 5) роль ведущего/модератора мероприятия второстепенна.

По статистическим данным одной из самых популярных поисковых систем России, общее число запросов понятия *воркшоп* в период с 18 октября по 18 ноября 2024 года составляет 47 491 [8], что свидетельствует, на наш взгляд, о существующем интересе к явлению среди пользователей. Кроме того, в десятке запросов, включающих слово *воркшоп* присутствует формулировка *воркшоп – это простыми словами*. Таким образом, понятие *воркшоп* не только остаётся актуальным для носителей русского языка, при этом в информационно-коммуникационном пространстве отражается проблема прояснения значения слова. Национальный корпус русского языка включает в настоящий момент шесть контекстов. Источники относятся к произведениям образовательного, научного, медиадискурса, датируются первым и вторым десятилетием XXI века. Ср., например, *идеи для итоговых проектов придумываем вместе с детьми на воркшопе в самом начале обучения* [6]; *организуя проект, общество, воркшоп, заяви целью интеграцию иностранцев — успех обеспечен*. [3]. *Помимо основной сессии, на конференции проводилось большое количество тематических семинаров (воркшопов)*. [5]. В приведённых контекстах встречается употребление слова *воркшоп* в единственном и множественном числе, представлены разные падежные формы, что свидетельствует об интеграции слова в лингвистическую систему современного русского языка. На одной из популярных платформ онлайн-образования в одной из статей выделяются некоторые распространённые типы *воркшопов* [10]. С лингвистической точки зрения классификация представляет интерес с позиций лексической сочетаемости единицы с адъективами. К существительному *воркшоп* предлагаются определения: *креативный, стратегический, инновационный, проблемно ориентированный*.

Лексема *воркшоп* активно используется в рекламном дискурсе. Интересной особенностью функционирования слова в контекстах, обнаруженных в электронных источниках, является частое смешение понятий *воркшоп* и *мастер-класс*. В качестве

примера можно привести рекламные объявления, размещённые в мессенджерах и соцсетях организаторами ряда популярных фестивалей творчества, где понятия *воркшоп* и *мастер-класс*, вероятно, воспринимаются организаторами как синонимы. Ср., например, *открыли запись на невероятные детские воркшопы. В этот раз вас будут ждать два очень красивых зала для мастер-классов и целых двенадцать увлекательных занятий* [12]. Возникает своеобразная смысловая коллизия: какой именно формат мероприятия ожидает участников? Разрешить вопрос позволяет расширение контекста. В содержании объявления приводится описание организуемых мероприятий: *ростись конфет на ёлку, новогодняя корона, домики-подсвечники*. Очевидно, в данном контексте имеются в виду именно мастер-классы, предполагающие, что участники под руководством эксперта с ведущей ролью, своими руками смогут создать какой-то желаемый продукт, не предполагающий при этом инновационности результата, создание чего-то принципиально нового. Аналогичную ситуацию можно встретить в рекламном объявлении ещё одного фестиваля, где в афише указаны *воркшопы*, а в подробной программе мероприятий, вместо этого слова встречается *мастер-классы* [11]. Понять суть анонсируемого мероприятия для потенциальных участников также становится возможным благодаря расширению контекста.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в современном русском языке лексема *воркшоп*: по-прежнему воспринимается носителями как иноязычная, получает определение в словаре иностранных слов, распространена лишь в определённых дискурсах. При этом слово является изменяемым, обладает лексической сочетаемостью, не было отторгнуто языковой системой с начала XXI века, а стало её частью, так как обозначаемое понятие не теряет актуальности и в наши дни. В современном русском языке встречаются случаи употребления слова *воркшоп* в качестве синонима слову *мастер-класс* и смешении понятий вне расширенного контекста, что свидетельствует о недостаточном понимании носителями языка существенных отличительных особенностей. В этой связи лексема *воркшоп* представляет интерес для дальнейшего лингвистического исследования функционирования лексемы и уточнения специфики содержания понятия.

1. Арбекова Т.И. Лексикология английского языка (Практический курс): учебное пособие для II–III курсов ин-тов и фак. ин. яз-в. – М.: Высшая школа, 1977. – 239 с.
2. Грицишина Н.А. Технология "воркшоп" (workshop) как одна из новых форм и методов обучения студентов иностранному языку Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2012. № 3. С. 49-51.
3. Гурова Л. В промежутке — жутко (2002) // «Неприкосновенный запас», 12.09.2002. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2002/5/v-promezhutke-zhutko.html> (дата обращения 11.11.2024)
4. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов, 2006. URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения 9.11.2024)
5. Майсак Т.А. 42-я ежегодная конференция Европейского лингвистического общества // «Вопросы языкознания», 2010. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2010-3/156-157> (дата обращения 12.11.2024)
6. Наумова М. Как у села Глазок появился красивый сайт, который местные подростки сделали сами // Афиша Daily, 2018. URL: <https://daily.afisha.ru/cities/8104-kak-u-sela-glazok-poyavilsya-krasivyyu-sayt-kotoryu-mestnye-podrostki-sdelali-sami/> (дата обращения 9.11.2024)
7. Ткачук Т. Воркшоп (workshop). URL: <https://www.unisender.com/ru/glossary/vorkshop-cto-eto-takoe-prostyimi-slovami/#anchor-1> (дата обращения 15.11.2024)
8. Яндекс.Вордстат: воркшоп. URL: <https://wordstat.yandex.ru/?=®ion=all&view=table&words=%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BA%D1%88%D0%BE%D0%BF> (дата обращения 18.11.2024)
9. English Language WordTools.ai BETA. URL: <https://wordtools.ai/definition/workshop> (дата обращения 18.11.2024)
10. Skillbox.ru Для чего нужны воркшопы и как их организовывать. URL: <https://skillbox.ru/media/marketing/dlya-chego-nuzhny-vorkshopy-i-kak-ikh-organizovyvat/> (дата обращения 3.11.2024)
11. Marketumorya.ru URL: <https://marketumorya.ru/30nov1dec> (дата обращения 27.11.2024)
12. Veterfest URL: <https://t.me/veterfest/560?single> (дата обращения 27.11.2024)

Ню С.

Проблемы и перспективы автоматического перевода с русского на другие языки

*Чаньчуньский политехнический университет
(Китай, Чанчунь)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-201

Аннотация

В условиях глобализации и стремительного развития технологий автоматический перевод с русского на другие языки приобретает всё большее значение. Данная статья рассматривает основные проблемы, с которыми сталкиваются современные системы машинного перевода, включая лексическую многозначность, синтаксические особенности и культурные различия. Кроме того, анализируются перспективы развития автоматического перевода, включая внедрение нейронных сетей и искусственного интеллекта, а также возможные пути преодоления существующих трудностей.

Ключевые слова: автоматический перевод, машинный перевод, русский язык, нейронные сети, искусственный интеллект, лексическая многозначность, синтаксические особенности, культурные различия.

Abstract

In the context of globalization and rapid technological advancement, automatic translation from Russian into other languages is gaining increasing importance. This article examines the main challenges faced by modern machine translation systems, including lexical ambiguity, syntactic peculiarities, and cultural differences. Additionally, it analyzes the prospects for the development of automatic translation, including the implementation of neural networks and artificial intelligence, as well as possible ways to overcome existing difficulties.

Keywords: automatic translation, machine translation, Russian language, neural networks, artificial intelligence, lexical ambiguity, syntactic peculiarities, cultural differences.

Одной из ключевых проблем автоматического перевода с русского языка является лексическая многозначность, когда одно слово имеет несколько значений. Например, слово "ключ" может означать как инструмент для открывания замков, так и источник воды. Эти значения различаются только в зависимости от контекста, что делает задачу перевода сложной для алгоритмов, которые пока не обладают человеческой способностью к интуитивному пониманию текста. Аналогичная проблема наблюдается с омонимией, когда разные слова имеют одинаковое написание или звучание.

Для машинного перевода эти различия не всегда очевидны, так как системы часто обрабатывают слова изолированно, не анализируя весь текст. Алгоритмы, которые работают на основе статистики или правил, часто не способны правильно интерпретировать сложные случаи, что приводит к искаженному смыслу перевода. Так, слово "ключ" в контексте "ключ к задаче" может быть переведено как "key to the task", что подходит для английского языка, но не для других языков, где такой смысл требует дополнительной адаптации.

Эта проблема усугубляется при переводе текстов, содержащих специализированную лексику, профессиональные термины или сленг. Например, слово "поток" в быденной речи может обозначать движение жидкости, но в программировании оно часто используется для обозначения потока данных. Без учета контекста переводчик может выбрать неверный вариант, что делает текст непонятным или даже бессмысленным. Для преодоления этих сложностей современные системы перевода, такие как Google Translate или Yandex.Translate, все чаще используют контекстуальный анализ и семантические модели. Однако даже эти продвинутое технологии пока далеки от идеала, так как требуют значительных вычислительных ресурсов и качественных обучающих данных. В будущем планируется внедрение более сложных алгоритмов,

способных глубже анализировать контекст, включая не только соседние слова, но и общий смысл текста.

Русский язык славится своей сложной грамматической структурой, что создает дополнительные трудности для автоматического перевода. Одной из главных особенностей русского языка является свободный порядок слов, при котором смысл предложения определяется не только расположением слов, но и грамматическими формами. Например, предложение "Мальчик дал книгу девочке" может быть перестроено как "Книгу девочке дал мальчик" или "Девочке мальчик дал книгу" без изменения смысла. Для машинных переводчиков это представляет значительную сложность, так как они часто опираются на фиксированный порядок слов в целевом языке.

Еще одна сложность связана с использованием падежей. В русском языке их шесть, и каждый из них изменяет форму слова в зависимости от его функции в предложении. Например, слово "книга" может принимать формы "книги", "книгу", "книгой" и другие, в зависимости от контекста. Для правильного перевода необходимо точно определить функцию слова в предложении, что требует продвинутого морфологического анализа. Современные технологии перевода пытаются справиться с этими трудностями с помощью нейронных сетей и моделей машинного обучения, таких как Transformer. Эти системы способны анализировать грамматические особенности русского языка и адаптировать их под целевой язык. Для решения этих проблем требуется дальнейшее совершенствование алгоритмов и расширение обучающих баз данных. Современные достижения в области нейронных сетей и искусственного интеллекта открывают новые горизонты для автоматического перевода. Нейронные машинные переводчики, такие как Google Neural Machine Translation (GNMT) и Yandex.Translate, способны анализировать большие объемы данных, обучаясь распознавать шаблоны и закономерности в текстах.

Одной из ключевых технологий является архитектура Transformer, которая лежит в основе многих современных систем машинного перевода. Она использует механизм внимания (attention), позволяющий алгоритму сосредотачиваться на наиболее важных частях текста при переводе. Например, если в предложении "Мальчик, который пришел вчера, принес книгу" необходимо определить подлежащее, модель Transformer способна сосредоточиться на словах "мальчик" и "принес", игнорируя второстепенные элементы. Кроме того, технологии искусственного интеллекта активно применяются для создания специализированных систем перевода. Например, переводчики для медицинской или юридической сферы разрабатываются с учетом специфической терминологии, что позволяет добиться высокой точности в этих областях. Однако такие системы требуют значительных объемов специализированных данных для обучения, что ограничивает их использование.

Культурные различия между странами и народами играют важную роль в процессе перевода. В русском языке, как и в любом другом, присутствует множество идиом, фразеологизмов и культурно-специфических реалий, которые не имеют прямых аналогов в других языках. Например, выражение "вешать лапшу на уши" в буквальном переводе на английский не имеет смысла, и его нужно заменить эквивалентным по значению выражением, например, "pull the wool over someone's eyes". Для успешного учета культурного контекста разрабатываются алгоритмы, способные интерпретировать идиомы и адаптировать их под целевую аудиторию. Это особенно важно для художественных текстов, где культура и эмоции играют ключевую роль. Например, при переводе произведений Достоевского или Толстого машинный переводчик должен учитывать не только смысл текста, но и его художественную ценность.

Автоматический перевод с русского на другие языки сталкивается с рядом серьезных вызовов, связанных с лексической многозначностью, синтаксическими особенностями и культурными различиями. Однако развитие технологий, таких как

нейронные сети и искусственный интеллект, позволяет преодолевать эти проблемы и улучшать качество перевода. Для достижения высоких стандартов требуется постоянное совершенствование алгоритмов, расширение обучающих баз данных и интеграция культурологических знаний в процесс перевода. В будущем автоматический перевод сможет стать не только точным, но и культурно адаптированным инструментом, способным успешно справляться с задачами любой сложности.

1. Иванов, П. А. Проблемы машинного перевода с русского языка на английский // Вестник лингвистики. 2019. № 3. С. 45-52.
2. Сидорова, Е. В. Влияние культурных факторов на автоматический перевод // Язык и культура. 2020. № 2. С. 33-40.
3. Петров, А. Н. Нейронные сети в машинном переводе: перспективы и вызовы // Информационные технологии. 2021. № 4. С. 12-19.
4. Кузнецова, Л. М. Синтаксические особенности русского языка и их влияние на машинный перевод // Филологические исследования. 2018. № 1. С. 27-34.

Ню С.

**Эволюция русского языка в условиях глобализации:
влияние иностранных заимствований**

*Чаньчуньский политехнический университет
(Китай, Чанчунь)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-202

Аннотация

В условиях глобализации русский язык подвергается значительным изменениям, обусловленным активным заимствованием лексики из иностранных языков, особенно из английского. Данная статья исследует процессы и последствия этих заимствований, анализирует их влияние на структуру и функционирование русского языка, а также рассматривает реакции общества на эти изменения.

Ключевые слова: глобализация, русский язык, иностранные заимствования, англицизмы, языковая эволюция.

Abstract

In the context of globalization, the Russian language undergoes significant changes due to the active borrowing of vocabulary from foreign languages, especially English. This article explores the processes and consequences of these borrowings, analyzes their impact on the structure and functioning of the Russian language, and examines societal reactions to these changes.

Keywords: globalization, Russian language, foreign borrowings, Anglicisms, language evolution.

Заимствования в языке представляют собой сложный и многогранный процесс, включающий интеграцию слов и выражений из других языков в лексическую систему принимающего языка. Это явление отражает взаимодействие культур, исторические изменения и развитие технологий. Заимствования выполняют важную роль в обогащении языка, расширяя его возможности для описания новых реалий и явлений. Они могут быть классифицированы по нескольким критериям, что позволяет более полно анализировать их влияние на язык.

По источнику происхождения заимствования делятся на англицизмы, германизмы, галлицизмы, латинизмы и другие. Англицизмы, например, преобладают в современном русском языке, что связано с глобализацией и доминированием английского языка в международной коммуникации. Германизмы были распространены в эпоху реформ Петра

I, а галлицизмы активно проникали в русский язык в XIX веке, когда французский язык стал языком высшего общества.

По степени освоения заимствования делятся на ассимилированные и неассимилированные. Ассимилированные слова полностью адаптируются к фонетическим, морфологическим и синтаксическим нормам русского языка, например, такие слова как "пальто" или "кафе". Неассимилированные слова, напротив, сохраняют свои оригинальные формы и особенности, что часто вызывает трудности в произношении и написании, например, "коуч", "хаус" или "брейнштурминг".

По сфере применения заимствования охватывают различные области: общественно-политическую, научно-техническую, бытовую, культурную и многие другие. В научно-технической сфере активно используются англицизмы, такие как "инновация", "нанотехнологии", "гаджет". В бытовой сфере заимствования также широко распространены, например, "шопинг", "тренд", "снэк".

На протяжении своей истории русский язык подвергался влиянию различных языков. Эти изменения связаны с культурными контактами, политическими событиями и техническим прогрессом. В древнерусский период греческий и старославянский языки оказали значительное влияние на развитие религиозной и литературной лексики. Это проявилось в заимствовании таких слов, как "ангел", "икона", "проповедь", которые стали неотъемлемой частью русского языка. Эпоха реформ Петра I принесла заимствования из немецкого и голландского языков, что отразилось на военной, технической и административной терминологии. Такие слова, как "шлюпка", "вахта", "адмирал", вошли в повседневную речь и стали отражением модернизации страны. XIX век ознаменовался сильным влиянием французского языка. Французская культура и язык доминировали в аристократической среде, что привело к появлению в русском языке множества галлицизмов, таких как "гардероб", "парад", "шарф". Эти слова стали не только заимствованиями, но и символом социальной принадлежности.

В советский период произошло активное заимствование из немецкого и английского языков. Это было связано с научно-техническими достижениями и развитием промышленности. Слова, такие как "радио", "телевизор", "лаборатория", проникли в повседневную речь, отражая стремление страны к модернизации. Современный этап глобализации значительно усилил влияние английского языка на русский. Англицизмы сегодня проникают практически во все сферы жизни. IT-сфера стала ключевым источником заимствований, так как технологический прогресс сопровождается созданием новых терминов. Слова "софт", "апгрейд", "хардвер" широко используются не только профессионалами, но и рядовыми пользователями. Мода, кино, музыка, интернет-культура — все это способствует массовому проникновению англицизмов. Такие слова, как "лук" (в значении "стиль одежды"), "тренд", "байер", становятся частью повседневной речи. В деловой сфере наблюдается тенденция к заимствованию английских терминов, таких как "тимбилдинг", "нетворкинг", "менеджмент". Это связано с международным характером бизнеса и необходимостью использования унифицированной терминологии.

Влияние заимствований вызывает противоречивые реакции в обществе. С одной стороны, заимствования способствуют обогащению языка, позволяя описывать новые реалии. Они делают язык более гибким и открытым для изменений, способствуют интеграции в глобальное сообщество. С другой стороны, чрезмерное использование англицизмов вызывает опасения по поводу утраты национальной идентичности. Особенно это касается старшего поколения, для которого многие новые слова остаются непонятными.

Частое использование заимствований приводит к появлению терминов, которые вполне можно заменить русскими аналогами. Например, вместо слова "перформанс" можно использовать "представление", а вместо "имидж" — "образ". Однако англицизмы часто выбираются за их лаконичность, емкость и глобальное признание, что делает их особенно привлекательными для молодежи и профессиональных кругов. Это явление

усиливается стремлением к международной интеграции, где использование заимствованных слов становится символом современности и прогрессивности. В то же время старшее поколение нередко сталкивается с трудностями в понимании этих новых заимствований, что усиливает разрыв между поколениями.

Глобализация оказывает значительное влияние на развитие русского языка, формируя его современный лексикон. Английский язык, как главный источник заимствований, открывает перед русским языком новые возможности, включая адаптацию к глобальным процессам и укрепление международного статуса. Однако чрезмерное увлечение англицизмами связано с риском утраты языковой самобытности и культурной идентичности, а также с засорением лексики избыточными иностранными элементами. Для сохранения баланса между развитием языка и его культурным наследием необходимо сознательное и бережное отношение к заимствованиям. Использование иностранных слов оправдано только в тех случаях, когда у них нет адекватных русских эквивалентов или их применение оправдано специфическим контекстом. Таким образом, русский язык сможет адаптироваться к вызовам времени, сохраняя свою уникальность, гибкость и богатство.

1. Баско, В. В. Развитие русского языка в условиях глобализации // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2014. № 2. С. 3-12.
2. Абдрахман, А. К. Межъязыковая интерференция и влияние процесса глобализации на русский язык // Материалы III Международной научной конференции «Актуальные проблемы филологии». Казань, 2018. С. 9-11.
3. Бурлакова, И. Влияние глобализации на русский язык // Язык и текст. 2017. Т. 4. № 4. С. 1-7.

Панченко Л.Н.

**Лексико-семантическая группа слов «тэнут / пища» в мансийском языке:
структурно-семантический анализ**

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
(Россия, Ханты-Мансийск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-203

Аннотация

Данная статья посвящена структурно-семантическому анализу лексико-семантической группы слов «тэнут / пища» в мансийском языке. В статье освещены некоторые теоретические вопросы, связанные с системным исследованием лексики; сформирована лексико-семантическая группа слов «тэнут / пища» в мансийском языке; анализируемая лексика распределена по группам; выявлены структурно-семантические закономерности описываемых групп лексики.

Ключевые слова: мансийский язык, лексика, лексико-семантическая группа, тематическая группа.

Abstract

This article is devoted to the structural and semantic analysis of the lexical-semantic group of words "tenut / food" in the Mansi language. The article highlights some theoretical issues related to the systemic study of vocabulary; the lexical-semantic group of words "tenut / food" in the Mansi language is formed; the analyzed vocabulary is divided into groups; structural and semantic patterns of the described groups of vocabulary are identified.

Keywords: mansi language, vocabulary, lexical-semantic group, thematic group.

Одним из самых важных и самых древних компонентов материальной культуры любого этноса является пища. Особого внимания заслуживают наименования пищи, принадлежащие к числу древнейших единиц, которые говорят о многом, так как

отражают хозяйственный уклад, культуру, исторические и современные связи, контакты с различными народами. В них ярко проявляются многовековые традиции населения [1]

Эта лексика пока не подверглась детальному анализу, хотя накопился значительный по объёму языковой материал, требующий своего описания и систематизации. Изучением названий продуктов в обско-угорских языках, ввиду своей актуальности и многоаспектности данная проблематика привлекла ряд исследователей, например, Т. А. Молданова рассмотрела особенности пищевых предпочтений различных этнических групп в сельском поселении Саранпауль Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [2]; М. А. Лапина рассказала об этике, связанная с пищей у народа ханты [3], Е. А. Пивневой [4]. М. В. Кумаева выделила лексику питания в мансийских сказках [5]. Теме пищи посвящено несколько статей Н. В. Лукиной [6, 7, 8, 9, 10], З. И. Рандымовой [11], Е. Г. Федоровой [12], Н. П. Бурдик [13] Взаимодействие различных культур и их влияние на традиции и питание рассмотрели Е. А. Оборотова [14] и Я. А. Яковлев [15].

В настоящем исследовании наименования пищи рассматриваются в пределах не одного локального региона, а всего этноса манси. Пищевые предпочтения манси базировались в основном на сочетании мясных и рыбных продуктов с незначительным добавлением растительной пищи, что продиктовано хозяйственно-экономическим укладом и их образом жизни. Манси преимущественно занимались таким видом деятельности как охота, рыбалка, оленеводство и собирательство дикоросов, то соответственно и их стол состоял в основном из продуктов этой деятельности. Исходя из вида их деятельности мы весь рацион разделили на шесть лексико-семантических групп: 1) названия блюд из мяса и субпродуктов; 2) название рыбных блюд; 3) названия мучных изделий и их составляющих; 4) названия напитков (безалкогольные, алкогольные); 5) названия молочных продуктов и блюд на их основе; 6) прочие названия блюд.

Сразу стоит отметить, что у народа манси не было деления на первые, вторые и третьи блюда. Однако в рационе имелись и жидкие горячие похлебки, и холодные, также разные напитки. Часть из них состояли из мяса, часть из рыб с добавлением муки, дикоросов, часть из сушёных продуктов. Но назвать *айнэтэл* ‘жидкую пищу’ первыми блюдами не целесообразно. Так как основной пищей считалось только мясо или рыба, а бульон пился «вприкуску» и только при желании.

Стоит отметить что у народа манси сформировалась своя оригинальная манера употребления соли при варке. Они не добавляли её в бульон, в уху, а ставили на стол в ёмкости и заливали бульоном. Затем в эту смесь макали пресные куски мяса или рыбы.

У народа манси практиковались следующие обработки пищи: сыроядение, варение, запекание, соление, вяление. О существовании разнообразных блюд свидетельствуют многочисленные источники по истории и этнографии манси. Но основным блюдом всегда считалось мясо и рыба, приготовленной традиционным способом, т. е. путем обычной варки в воде. Такое блюдо называлось *исмит* ‘суп, бульон мясной, уха’ или *колас* ‘похлёбка из мяса или рыбы с добавлением муки’. Блюда различались в зависимости от сезона, территориальной расположенности и хозяйственной деятельности народа. В рационе у южных и восточных групп манси (рр. Конда, Юконда и Тавда) чаще наблюдалось мука, крупы, овощи. Так как их хозяйственная деятельность дополнялась земледелием и огородничеством. А у северной и западной группы манси (рр. Сосьва, Ляпин, Лозьва и Пелым) преобладали мясные и рыбные блюда. Особо лакомым считался олень.

Во время забоя скота, у оленя практически всё шло в пищу. Его ели в разном виде: сырую замороженную, сырую парную, вяленую. Помимо мяса употребляли головной мозг, костный мозг, сердце, печень, почки, уши оленьи, пили свежую кровь.

- 1) названия блюд из мяса и субпродуктов: *нэввьель* «мясо», *нярнёввьель* ‘строганина из оленины’, *сальмайт* ‘строганина из печени оленя’, *сальысым* ‘строганина из сердца оленя’, *сальсынкваахвтаc* ‘строганина из

почки оленя’, *с̄альпаль* ‘строганина из ушей оленя’, *пункв̄алум* ‘мозги’, *лувв̄алум* ‘костный мозг’. Эти же продукты готовились и в варёном виде.

В рационе было также мясо боровой и водоплавающей птицы, мясо диких животных (белки, зайца, лося и иногда медведя). В отличие от оленя их мясо не употребляли в сыром виде, только в варённом, печёном или жарёном. Соответственно супы назывались также от названия животного или продукта посредством соединения слова *исмит* ‘суп, уха’ или *колас* ‘похлёбка’: *н̄евыль исмит* ‘мясной суп (любого животного)’, *в̄асисмит* ‘утинный суп’, *с̄ёпырисмит* ‘суп из глухаря’, *а̄ухаисмит* ‘суп из куропатки’, *л̄эныисмит* ‘суп из бельчатины’, *с̄обырисмит* ‘суп из зайчатины’, *мура* ‘отварные рога оленя’, *колас пут* ‘бульон из обработанных кишок животного, приправленный мукой’, *с̄ёрнах* ‘протушенная кишка животного (оленя, коровы, лошади, лося)’, *к̄элх̄урыг* ‘кровяная колбаса (кишка набитая кровью, кусочками жира)’, *с̄яку-в̄ой* ‘почки, обжаренные в жиру’, *асек* ‘кровь, жаренная с мукой’, *холото* или *полямисмит* ‘студень, холодец’. Деликатесом также считалась *пулуп* ‘кашица из кедровых орехов’ найденная в желудке белки. Её накалывали на палочку и обжаривали на огне. Жидкие блюда варились и из сушёного мяса. В таком случае они назывались *т̄бсам н̄евыль исмит*~ *т̄бсам н̄евыль колас* ‘суп из сушёного мяса~ похлёбка из сушёного мяса’. Отличалась она от блюд тем, что заправлялась мукой.

В рационе манси было мясо домашних животных (субпродукты этих животных не ели в сыром виде): *мисн̄евыль* ‘говядина’, *лувн̄евыль* ‘конина’, *полямв̄ой* ‘застывший топленый жир’, *мисв̄ой* ‘топлёный коровий жир’.

Некоторые названия представляют собой составные термины, включающие в себя способ его приготовления, скажем *пайтым н̄евыль* ‘отварное мясо’, *т̄бсам н̄евыль* ‘провяленное мясо’, *н̄яр н̄евыль* ‘сырое мясо’, *восытым н̄евыль* ‘прокопчённое мясо’. В этом случае слова пишутся раздельно.

- 2) название рыбных блюд: *ёхул* ‘юкола (костный способ вяления рыбы средней рыбы)’, *хор* ‘юкола (бескостный способ вяления большой рыбы)’, *урак* ‘юкола (бескостный способ вяления средней рыбы)’, *вантып* ~ *вантуп* ‘юкола (бескостный способ вяления щуки)’, *т̄бсамх̄ул* ‘вяленая рыба’, *солвалыңх̄ул* ‘солёная рыба’, *н̄ярх̄ул* ‘строганина из белой рыбы (нельмы, муксуна, щёкура, сырка, иногда из пыжьяна)’, *х̄улисмит* ‘уха’, *сорхс̄опах* ‘сырок запечённый на углях, в золе’, *п̄орвит* ‘уха из икры’, *х̄улв̄ой* ‘варка (рыбий жир)’, *н̄ялык* ‘селёдка сосьвинская’, *т̄урхулн̄ёлм* ‘язык карася’, *х̄ул колас* ‘уха из сушеной рыбы с добавлением муки’, *л̄ам исмит* ‘уха с размолотыми рыбьими косточками’, *сольх̄ул* ‘рыба, нанизанная на палочку или вяленая рыба из мелочи (чебаков, щучек, селёдки)’, *с̄она* ~ *п̄орсонат* ‘каша из икры’, *т̄бсам х̄улпуки* ‘суп из сушёных рыбных пузырей, с добавлением крупы или муки’, *сахв̄ой* ‘варка (вытапливаемый жир из жирных кишок рыбы или животного)’, *с̄яку-в̄ой* ‘варка (рыбий жир, приготовленный из жирных вкусных брюшков белой рыбы (сырка, нельмы, муксуна)’, *с̄якыль* ‘сушеная брюшина рыбы, обжаренная в жиру’.

Названия рыбных блюд представляют собой (также, как и мясные) составные термины, включающие в себя собственно название продукта и способ его приготовления, скажем *пайтым хул* «отварная рыба», *т̄бсам хул* ‘вяленая рыба’, *н̄яр хул* ‘сырая рыба’, *восытым хул* ‘прокопчённая рыба’.

Как видим из названия блюд, основу составляет слово *х̄ул* ‘рыба’ или отдельные части рыбы (язык, икра, кости, пузырь и т.д.) посредством присоединения к ним способа приготовления. Например, *солвалыңхул* (букв.: *солвалың* ‘солёная’, *х̄ул* ‘рыба’), *сорхс̄опах* (букв.: *сорх* ‘сырок’, *с̄опах* ‘зола’), *п̄орвит* (букв.: *п̄ор* ‘икра’, *вит* ‘вода’), *т̄урхулн̄ёлм* (букв.: *т̄урхул* ‘карась’ *н̄ёлм* ‘язык’)

- 3) названия мучных изделий и их составляющих: *нъянь* ‘хлеб’, *хулыу нъянь* ‘рыбный пирог’, *хулынянь* ‘рыбная лепёшка’, *кельтыуньянь* / *келпнянь* ‘кровяная лепешка’, *партнянь* / *партыуньянь* (сг.) ‘лепёшка, прикрепленная на доску и подсушиваемая в печи’, *лямыу нъянь* ‘черемуховый хлеб’, *лямянянь* ‘черемуховая лепёшка’, *поруу нъянь* ‘хлеб с икрой’, *порунянь* ‘икряная лепёшка’, *найнянь* / *найуньянь* ‘лепёшка, испеченная в золе’, *пантанянь* (сг.) ‘лепёшка’, *путпатнянь* / *путыуньянь* ‘лепёшка, испеченная в жиру на дне котла’, *солнянь* ‘хлеб, испеченный на кончике палочки’, *соных* / *сопахтянянь* ‘хлеб, печёный в золе’, *улянянь* ‘лепешка, приготовленная на костре, высушенная’, *путпатнянь* / *путыуньянь* ‘лепёшка, испеченная в жиру на дне котла’, *пилнянь* ‘лепёшка с толчёнными ягодами’, *пильу нъянь* ‘ягодный пирог’, *саянка* / *саянканянь* ‘шаньга’, *атыуньянь* ‘печенье’, *магнянь* ‘пряник’, *нярнянь* ‘блины, оладьи’, *калась* ‘калач’, *кульпакка* ‘пирог с рыбной начинкой’.

В данной группе следует выделить микрогруппу, которая на наш взгляд считается заимствованной с культуры другого народа: *саянка* / *саянканянь* ‘шаньга’, *атыуньянь* ‘печенье’, *магнянь* ‘пряник’, *нярнянь* ‘блины, оладьи’, *калась* ‘калач’, *кульпакка* ‘пирог с рыбной начинкой’.

Как мы видим из названий, посредством суффикса *-нянь*, восходящего к слову *нъянь* ‘хлеб’, образуются имена существительные, обозначающие хлебобулочные изделия.

Манси, как и любой народ, любили почаёвничать, пили его очень много. Горячий чай утолял жажду, давал силы, согревал в дороге. Поэтому его запасы чая были многочисленны. Летом сушили листья смородины, таволгу, кипрей. Заготавливали чагу, брусничный лист.

- 4) названия напитков: *пилвит* ‘сок из ягод (морс)’, *халь вит* ‘берёзовый сок’, *сйй* ‘чай’. Самым распространённым был *маньси сйй* ‘мансийский чай (настой из таволги)’. Наравне с ним употребляют настой из берёзового гриба (чаги) *сос сйй* ‘чай с чагой’. Кроме таволги употребляли чай из настоя иван-чая, листьев шиповника.

Относительно алкогольных напитков, то известны такие как *магвит* ‘медовая вода’ и *сур вит* ~ *сур* ‘брага’.

Молоко и различные продукты из него, пожалуй, не самая распространенная пища у манси. Молоко употреблялось по большей части с чаем или как отдельный вид напитка.

- 5) названия молочных продуктов и блюд на их основе: *сяквит* ‘молоко’, *пайтым сумум сяквит* ‘творог’, *сумум сяквит* «простокваша», *сяквит вёй* ‘сливочное масло’, *няр мисвёй* ‘сметана’.

- б) Прочие названия блюд.

В шестую группу мы соотнесли прочие названия блюд, куда вошли блюда из растительной пищи, блюда из муки и крупы, блюда из овощей.

Употребление растительной пищи и яиц среди манси носило спорадический характер. В пищевой набор манси в летне-осенний период входили дикоросы (яйца, ягоды, растения, корни).

В рацион народа манси в пищу шли почти все ягоды, растущие в лесу. Среди них: *сауквльтил* ‘клюква’, *мбрах* ‘морозка’, *суйтил* ‘брусника’, *савнитил* ‘черника’, *тахттил* ‘голубика’ и др. Из кустарниковых собирали чёрную смородину, черёмуху. Впрок заготавливали только клюкву, бруснику, морошку, так как она долго не портилась. Черёмуху толкли и смешивали с рыбьим жиром. Из толчённой черёмухи пекли лепёшки, остальные ягоды шли как добавки к блюду. Из кедровых орехов также делали заготовку.

Высушенные орехи толкли и делали из неё порошок и припускали в бульон. Или просто ели без всего.

Из растений употребляли *порыг* 'борщевик', *саюм пум* 'дикий лук', *хус* 'белокрыльник'.

Картофель (*картёпка*) и репа (*сюртни*) появились в рационе манси скорее всего в конце XIX в начале XX века. В этот же период стали употреблять в пищу и грибы (*лāхсыт*). Их ели отварными как дополнительное к основному блюду.

Еда из растений и круп назывались *колас* 'похлёбка'. В основном они готовились из сушеного мяса или сушёной рыбы (иногда вместо крупы, приправлялись мукой). В данную группу так же можно отнести похлебки из муки на мясном или постном бульоне, называлось она *сōламат* 'каша'.

Анализируемая ЛСГ нами условно была группирована по следующим группам: 1) название блюд из мяса и субпродуктов; 2) название рыбных блюд; 3) названия мучных изделий и их составляющих; 4) названия напитков; 5) названия молочных продуктов и блюд на их основе; 6) прочие названия блюд.

Наибольшее число наименований характерно для группы рыбных и мясных изделий, что говорит о том, что именно они являлись основой повседневной кухни. Следует отметить, что по своей структуре лексика составляющая анализируемую ЛСГ представлена как однокоренными словами, так и композитами, и составными терминами. Основу слов составляют название продуктов, из которых они приготовлены и способ их готовки.

Таким образом, ЛСГ «*тэнут* / пицца» в мансийском языке представляет собой довольно многочисленное и разнообразное лексическое объединение. Базовым словом группы является лексема *тэнут*.

1. Архипова, Н. Г. Лексика пищи как системное образование в говорах старообрядцев (семейских) амурской области // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2013. №10. С. 17-22.
2. Молданова, Т. А. Пицца как элемент этнической идентичности и межкультурного взаимодействия // Вестник угроведения. 2017. Т. 7. № 4. С. 131-143.
3. Лапина, М. А. Хантыйская этика, связанная с пищей // Народы Северо-Западной Сибири. Вып.2. Томск: изд-во Том. ун-та, 1995. С. 118-124.
4. Пивнева, Е. А. Пицца у манси // Мат-лы к сер. «Народы и культуры». Вып. XXIV: Народы Сибири. 1993. С. 125-134.
5. Кумаева, М. В. Лексика питания в народных сказках манси // ИСОМ. 2018. №. 3-1. С. 195-201.
6. Лукина, Н. В. Заметки о питании хантов // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1983 б. С. 168-179.
7. Лукина, Н. В. Традиции приготовления пищи у восточных хантов // Урало-алтаистика. Археология, этнография, язык. Новосибирск: Наука, 1985 в. С. 130-133.
8. Лукина Н. В. Пицца восточных хантов / Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 7 Обские угры (ханты и манси). М., 1991 С. 88-116.
9. Лукина, Н. В. Субстратные компоненты в пищевых традициях хантов // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986 б. С. 63-71.
10. Лукина, Н. В. Южные черты в пищевых традициях восточных хантов // Фольклор и этнография народов Севера. Л.: Наука, 1986. С. 115-132.
11. Рандымова, З. И. Пицца хантов-оленевонов // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 6. Томск: изд-во Том.ун-та, 1998. С. 37-41.
12. Федорова, Е. Г. Система питания манси: взаимодействие различных культурных традиций // Историческое познание: традиции и новации. Ч. I. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 1996. С. 106-113.
13. Бурдик Н. П. Пицца современных сосъвинских манси // Языки и культура народов ханты и манси: Мат-лы Междунар. конф., посвященной 10-летию НИИ обско-угорских народов. Ч. 1: Этнология, социология, экономика. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 32-37.
14. Оборотова, Е. А. От печки. Новосибирск: Наука-Центр, 2003. 224 с.
15. Яковлев, Я. А. На столе и вокруг него. Томск: изд-во Том. ун-та, 2011. 368 с.

Садовникова И.И.
Названия ягод в эвенском языке

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера, Сибирское отделение РАН
(Россия, Якутск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-204

Аннотация

В статье рассматриваются наименования ягод в эвенском языке. Произведено исследование лексем и системное описание наименований в лексической системе, а также вопросы изучения фитонимических отношений в лексике эвенского языка. Источниками послужили эвенские словари, а также экспедиционные материалы.

Ключевые слова: эвенский язык, наименования ягод, лексикология, лексические единицы.

Abstract

The article discusses the names of berries in the Even language. The study of lexemes and the systematic description of names in the lexical system, as well as the issues of studying phytonymic relations in the vocabulary of the Even language. The sources were Even dictionaries, as well as expedition materials.

Keywords: Even language, names of berries, lexicology, lexical units.

Ягоды эвены употребляли только в свежем виде, запасы на зиму не оставляли, так как некоторые ягоды сохранялись под снегом до весны, и сбор их осуществлялся по мере необходимости большую часть года. Ягодные растения содержат жизненно важные для человеческого организма витамины и минеральные соли. Недостаточное потребление их зимой и особенно ранней весной является одной из причин снижения сопротивляемости организма к различным заболеваниям. Ягодные растения когда-то были главным десертом человека, служили основным источником сахара и витаминов. Плоды и ягоды можно употреблять в свежем виде, можно готовить различные варенья, сушеные ягоды и плоды употребляются для приготовления чая. Дубильные вещества придают плодам терпкий, вяжущий вкус. Наименования ягод и ягодных растений относятся к наиболее стабильной части лексики эвенского языка. Они образуют небольшую подгруппу. Понятие ягода в эвенском языке передается лексемой *тэвтэ* 'ягоды', широко употребляется для обозначения всех видов ягод и других плодов. Для обозначения не спелости ягод используется лексема *икта* 'незрелый', 'неспелый (о ягодах)', а глагол *ирдэй* означает 'поспеть': *Дюганиду, боланиду-да мут төрэннэт гяки тэвтэ иррөттэн.* – Летом и осенью в нашем краю **попевают** разные ягоды. *Исагла унэт икта тэвтэ нокаттан.* – В лесу висят еще **не спелые** ягоды. Зафиксировано два синонимичных наименования, обозначающих сок ягод: *чус, зап. дилгос* 'сок растений, преимущественно ягод', 'заболонь'.

В эвенском языке употребляются следующие названия ягод:

гит Бер, Ох 'голубика' Ягоды используют для приготовления *хачан* 'внутреннего жира оленя' добавляли голубику и орешки кедрового стланица, ягоды голубики использовались для этих целей шире. При сборе ягод кусты встряхивали. Мы полагаем, что лексема *гит* образована от глагола *гивдэй* 'выбивать, встряхивать';

ичик 'шиповник'. В эвенском языке название шиповника передается сложной лексемой *ичик* (букв. 'кусачий'). Из шиповника и листьев готовили чай, которые были полезны при простуде.

Инңамта 'морозка'. Морозка известна своими противовоспалительными и противораковыми способностями. *Инңамта* букв. 'слеза', название ягоды связано с тем,

что во время дождя морошка вытекает как слеза (спелая ягода растворяется во время дождя).

мунрукан тэвтэн ‘красная смородина’, букв. ‘заячья ягода’. В эвенском языке в качестве первого компонента выступает зооним *мунрукан* ‘заяц’, вторая лексема *тэвтэ* ‘ягода’, букв. ‘заячья ягода’, в основе названия лежит свойство съедобности ягоды для животных;

ңин инңамтан ‘земляника лесная’ Пьют этот чай при рахите, сыпях, гастритах, геморрое, воспалении дыхательных путей. Из сушеных листьев приготавливают суррогат чая, который по цвету и аромату не уступает листовому чаю. В эвенском языке название земляники связано с зоонимом *ңин* ‘собака’ – *ңин инңамтан* букв. ‘собачья слеза’. В названии ягоды отражено использование растения в пищу животным, это любимая ягода собаки. Как и морошка, эта ягода во время дождя вытекает как слеза.

В эвенском диалекте встречаются две формы ‘черной смородины’, лексема *орбат* и *ңокли*.

орбат ‘черная смородина’. На наш взгляд происхождение слова *орбат* связано с лексемой *оракаг* ‘заросли травы (старой)’. Объяснение факта появления такого наименования связано со сравнением кустарника черной смородины с густыми темными зарослями травы.

ңокли ‘черная смородина’, происхождение ягоды связано с лексемой *ңо* ‘запах’, от *ңодай* ‘пахнуть’.

чөкчэңэ тэвтэңэн ‘клюква’, букв. ‘ягода кулика’. Клюкву употребляют в пищу как в свежем, так и в замороженном, моченном или сушеном виде, из нее готовят соки, морсы. Следует отметить, что наименование *чөкчэңэ тэвтэңэн* модель ‘зооним + фитоним’ ягода кулика связано с тем, что ягодами питается кулик;

умтичан ‘шикша’,

хутэмтэ ‘жимолость съедобная’ – листопадный кустарник семейства жимолостных рода Жимолость. Плоды употребляют в пищу свежем виде, название, в составе которых функционируют зооним *хутукас* ‘медведица, имеющая много медвежат’.

хемтэ ‘брусника обыкновенная’ В народной медицине бруснику использовали как жаропонижающее средство. Ягоды брусники употребляют при авитаминозах. В таких случаях едят свежие ягоды или пьют брусничный морс.

чикэнмэт ‘княженика’, так как княженику любит медведь, он ее поедает и мочится на кусты и саму ягоду, наименование растения связано с лексемой *чикэн* ‘моча’;

чоя ‘кислица (ягода)’.

Эрики курэн гөнни, он эррөчэн ичикэгду гайматчип, тар тэгэлэ өкрэ нябалран, тадук булдутидук гайматтавур. Лягушка говорит нарочно: ‘как мы в таких **зарослях шиповника** обменяемся одеждами, вон там дальше белеет поле, там на ровном месте и обменяемся’.

Таким образом в основу названий ягодных растений вошли исконно эвенские слова, названия, образованные по месту произрастания растения. Были выделены ягодные растения, растущие: в лесу, на болоте. Основная роль в названии некоторых ягодных растений принадлежит к пристрастию животных к ягодам, и, соответственно, возникновение зоонимического-фитонима, причем в наименовании могут играть роль два и более признака, например: *мунрукан тэвтэңэн* ‘заячья ягода’ и т.д.

1. Левин В.И. Краткий эвенско-русский словарь. - Научн.-исслед. ассоциация Ин-та Народов Севера им. П. Г. Смиловича Главсевморпути при СНК СССР. - Москва; Ленинград: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1936. - 224 с.
2. Новикова К.А., Гладкова Н.И., Роббек В.А. Эвенский язык: Учеб. для пед. уч-щ. – Л.: Просвещение., 1991.
3. Ришес Л.Д. Русско-эвенский (русско-ламутский) словарь: Для эвенской (ламутской) начальной школы. – Л.: Учпедгиз, 1950.

4. Роббек В.А., Роббек М.Е. Эвенско-русский словарь. –Н.: Наука, 2005.
5. В. А. Роббек, Х. И. Дуткин, А. А. Бурыкин Словарь эвенско-русский и русско-эвенский: Пособие для нач. шк. / – Л.: Просвещение, 1988.
6. Роббек В. А., Роббек М.Е., Саввинова С.Н. Эвенско-русский словарь для кочевых школ. – Якутск: Офсет 2006.
7. В. И. Цинциус Русско-эвенский словарь: Свыше 20 000 слов: С прил. грамMAT. очерка эвенск. яз. / Сост. проф. В. И. Цинциус и Л. Д. Ришес. - Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. – 779 с.

Слепцова С.В.¹, Свеженцева И.Б.², Безматная К.Е.³

Эвфемизмы, смягчающие реакцию читателей на негативные действия или высказывания политиков (на материале французской публицистики)

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет

²Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова

³Школа иностранных языков «Lingua Star»

(Россия, Белгород)

doi: 10.18411/trnio-12-2024-205

Аннотация

В статье рассматриваются эвфемизмы, направленные на смягчение реакции со стороны читателей на негативные действия или высказывания представителей государственной власти. Исследование проводится на материале современных французских письменных средств массовой информации. Дается определение понятию «эвфемизм», анализируются наиболее распространенные эвфемизмы и случаи замены прямого значения слов на эвфемистические обороты.

Ключевые слова: эвфемизм, власть, политика, публицистика, политические деятели.

Abstract

The article deals with euphemisms, the purpose of which is to mitigate readers' reactions to negative actions or statements of government representatives. The study is based on the material of modern French journalism. The definition of the "euphemism" concept is given. The most common euphemisms and cases of replacing the direct meaning of words with euphemistic phrases are analyzed.

Keywords: euphemism, power, politics, journalism, political figures.

Политическая жизнь любого государства оказывает огромное влияние как на общество в целом, проживающего в пределах данного государства, так и на каждого индивидуума. Важную роль в политической жизни общества играют представители власти, принимающие важные государственные решения. Все события, имеющие политический характер, сразу же попадают в поле зрения средств массовой информации. Интернет, радио, телевидение, печатная пресса первыми передают информацию реципиентам, оказывая влияние на общественное мнение, отношение к происходящему [6, с. 52]. Важное значение в таких ситуациях играет язык СМИ. Одним из самых значимых средств воздействия на сознание человека, на формирование стереотипов речевого поведения выступает эвфемизм [3, с. 24]. Исследования этого лингвистического феномена являются довольно актуальными среди лингвистов. Это явление изучается на материале разных языков. Семантические особенности эвфемизмов в русском языке анализировал М.Х. Саммани [5, с. 643]. На материале английского языка исследование проводила С.А. Логвинова. Она изучала особенности просодической организации некоторых понятийных элементов эвфемизма [2, с. 716]. А.С. Дружинин, Т.А. Фомина и О.Г. Поляков занимались проблемой полит(не)корректности в ее лингвистических коррелятах (эвфемизмах, дисфемизмах и ортофемизмах) в английском языке [1, с. 23]. На

материале китайского языка этот феномен изучала Н.С. Моховикова. Автор исследовала эвфемизмы тематической группы «Смерть» [4, с. 54].

Цель настоящей статьи – провести анализ эвфемизмов, функционирующих в языке СМИ, направленных на смягчение негативной реакции со стороны читательской аудитории на действия и высказывания политических деятелей. Эмпирический материал формировался на базе французских газет «Le Monde diplomatique», «Le Monde» и «Le Figaro» приемом произвольной выборки.

В данном исследовании, вслед за М.А. Морозовым, эвфемизм рассматривается как «слово или выражение, позволяющее говорящему избежать конфликтов и коммуникативных неудач, сделать свою речь более мягкой» [3, с. 25].

Опираясь на классификацию групп эвфемизмов, разработанную М.Х. Саммани [5, с. 646-649], исследование показало, что эвфемизмы, используемые для смягчения негативных действий политиков, анализируемые в данной статье, относятся к тематической группе «Власть и политика».

В ходе анализа исследуемого материала было выявлено, что довольно распространенным в языке французской письменной прессы является эвфемизм «*manœuvre politique*» – «политический маневр» или «*manœuvre politicienne*» – «политиканский маневр». Он имеет широкий спектр значений: «дискредитировать кого-то», «вмешаться в предвыборную гонку», «вмешиваться во внутренние дела другого государства», «захватить власть» и т.д. Ярким примером можно назвать события в Тунисе 2021 года, когда Каис Саид предпринял политический «силовой переворот», приостановив работу парламента и отправив в отставку главу правительства. Освещая данную ситуацию в прессе, журналисты использовали эвфемистический оборот:

- *Une chose est sûre, si Kaïs Saïed échoue dans sa **manœuvre politique**, la Tunisie sera littéralement livrée au chaos et à l'inconnu (Le Monde diplomatique, août, 2021).* – Одно можно сказать наверняка: если Каис Саид потерпит неудачу в своем **политическом маневре**, Тунис будет буквально ввергнут в хаос и неизвестность.

Еще одним примером может послужить высказывание в адрес Э. Макрона, избравшегося на пост президента Франции на второй срок:

- *Et les élections, qui se résument pour beaucoup à un choix par défaut, ne paraissent plus permettre de rien changer, avec un camp présidentiel discrédité, défait dans les urnes, mais qui s'accroche au pouvoir à coups de **manœuvres politiques** et de stratagèmes institutionnels (Le Monde diplomatique, août, 2024).* – Выборы, которые во многом сводятся к низким результатам, похоже, больше ничего не позволят изменить, поскольку потерпевший поражение в урнах для голосования и дискредитированный президентский лагерь цепляется за власть с помощью **политиканских маневров** и институциональных схем.

Нередко чиновники и их близкие оказываются в центре скандалов, связанных с коррупционной или преступной деятельностью. Такие события вызывают осуждение и недоверие со стороны общества к представителям власти. В подобных случаях публицистика предпочитает использовать эвфемизмы, чтобы не вызвать резкого негодования общественности. Например, чтобы написать о коррупционной деятельности секретаря Коммунистической партии в Китае Бо Силая, французские СМИ используют эвфемистическое выражение «*obscures affaires*» – «темные дела»:

- *La chute du secrétaire du Parti communiste chinois de la ville-province de Chongqing, M. Bo Xilai, a donné lieu à des révélations dans les médias chinois et internationaux sur les **obscures affaires** de son entourage familial en Chine et à l'étranger (Le Monde diplomatique, septembre, 2012).* – Отстранение от должности секретаря Коммунистической партии Китая в городе-провинции Чунцин Бо Силая послужило поводом огласки

в китайских и международных СМИ **темных дел** его семьи в Китае и за рубежом.

Проекты, принимаемые политическими чиновниками, часто негативно сказываются на социально-экономическом положении населения. Это могут быть решения по увеличению налогообложения, сокращению социальных выплат и т.д. В этом случае, чтобы избежать раздражения общественности по поводу принятых решений, СМИ стараются максимально деликатно донести информацию до аудитории, используя, например, эвфемизм «*mesures radicales*» – «радикальные меры»:

- *La restauration de l'économie et les mesures radicales qu'il conviendrait de prendre d'urgence pour éviter une véritable catastrophe sont devenues la préoccupation de tous les partenaires sociaux... (Le Monde diplomatique, octobre, 1980) – Восстановление экономики и радикальные меры, которые необходимо было бы принять в срочном порядке, чтобы предотвратить настоящую катастрофу, оказались в центре внимания всех социальных партнеров...*

Громкое заявление министра экономики Франции Брюно Ле Мэра в 2022 году «поставить российскую экономику на колени» с помощью санкций потерпело фиаско, а французская экономика сейчас переживает не лучший период. Для ее реабилитации необходимы жесткие меры, которые, без сомнения, негативно скажутся на финансовом положении населения страны. Чтобы проинформировать об этом общественность, не вызывая резкого возмущения, в языке французской публицистики были зафиксированы случаи использования эвфемизма «*pistes radicales*» – «радикальные способы», например:

- *Alors que leurs dépenses explosent cette année, un rapport propose des pistes radicales pour faire participer les collectivités « au redressement des finances publiques » (Le Figaro, octobre, 2024). – Так как в этом году расходы стремительно растут, в отчете предлагаются радикальные способы вовлечения административно-территориальных образований « в оздоровление государственных финансов ».*

Поскольку представители государственной власти являются людьми медийными, то и их поведение всегда находится в фокусе общественного внимания. В языке современной французской письменной прессы были отмечены случаи употребления эвфемизма «*insulter copieusement*» – «сильно оскорбить» в тех случаях, где чиновники используют грубые бранные слова в адрес друг друга. История знает случаи, когда возникшие недопонимания между политиками заканчивались дуэлью, например, в 1967 году мэр Марселя, социалист Гастон Деффер и депутат от голлистской партии Рене Рибьер сошлись в поединке после оскорбительной брани:

- *Le 21 avril 1967, après s'être copieusement insultés dans l'Hémicycle du Palais Bourbon, le député-maire de Marseille Gaston Defferre et le parlementaire gaulliste René Ribière règlent leur différend dans un duel «pour l'honneur»... (Le Figaro, juillet, 2023) – 21 апреля 1967 года, после сильных оскорблений друг друга в полуподвале Бурбонского Дворца, заместитель мэра Марселя Гастон Деффер и парламентарий-голлист Рене Рибьер разрешат свой конфликт с помощью «поединка чести»...*

Этот же эвфемизм был применен в языке публицистики, чтобы завуалировать оскорбительные слова президента Бразилии Ж. Болсонару в адрес супруги президента Франции Э. Макрона, например:

- *Une éclipse due pour l'essentiel au mandat tumultueux de Jair Bolsonaro (2019-2023), qui n'avait pas hésité à insulter copieusement Emmanuel Macron et son épouse ... (Le Monde, mars, 2024). – Накал отношений произошел главным образом из-за бурной речи Жаира Болсонару (2019-2023 гг.), который, без сомнений, сильно оскорбил Эммануэля Макрона и его жену ...*

Таким образом, исследованный материал языка французской публицистики позволил выявить и проанализировать эвфемизмы, направленные на смягчение реакции читателей в адрес негативных действий и высказываний со стороны политических деятелей. Чаще всего такие эвфемизмы используются в языке французской публицистики: 1) для освещения событий, связанных с предвыборной кампанией в стране или политическим переворотом; 2) для представления читателям информации о действиях чиновников, замешанных в коррупционных схемах; 3) для освещения новостей о принятии государственными чиновниками жестких мер, причиняющих убытки населению; 4) для сглаживания негативного отношения одного представителя власти к другому.

Анализ фактического материала, представленного в данной статье, может послужить дальнейшему исследованию эвфемизмов, вуалирующих негативные стороны опубликованной в СМИ информации, чтобы не вызвать резкого недовольства со стороны общества.

1. Дружинин А.С. Эвфемизмы, дисфемизмы, ортофемизмы и экспериенциальный контекст: холистический взгляд на лингвистическую проблему / А.С. Дружинин, Т.А. Фомина, О.Г. Поляков // Язык и культура. – 2020. – № 50. – С. 23-40.
2. Логвинова С.А. Особенности просодической организации некоторых понятийных элементов эвфемизма // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. – Т. 11. – № 4. – С. 716-732.
3. Морозов М. А. Политические эвфемизмы как средство манипуляции в современной публицистике // Мир русского слова. – 2015. – № 1. – С. 24-28.
4. Моховикова Н.С. Функционирование эвфемизмов китайского языка в зеркале русского языка (на материале тематической группы смерть) // Филология и культура. – 2015. – № 1 (39). – С. 54-59.
5. Саммани М.Х. Семантические особенности эвфемизмов в русском языке // Молодой ученый. – 2014. – № 6 (65). – С. 643-649.
6. Слепцова С.В. Эвфемизмы в языке французской публицистики (на основе тематической группы «Власть и политика») / С.В. Слепцова, И.Б. Акиншина, Ю.Е. Ломоносова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2023. – № 1 (118). – С. 52-58.

Сун Б.

Язык и экономика знаний: роль терминологии в развитии инновационных и технологических рынков

*Харбинский коммерческий университет
(Китай, Харбин)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-206

Аннотация

В статье рассматривается влияние терминологии на развитие инновационных и технологических рынков в контексте экономики знаний. Язык играет ключевую роль в формировании научных и профессиональных сообществ, способствует обмену информацией и стимулирует развитие инноваций. Анализируются основные аспекты использования терминологии, её влияние на развитие технологий и трансфер знаний. Подчеркивается необходимость стандартизации терминов и лингвистической поддержки для устойчивого роста технологических рынков.

Ключевые слова: язык, экономика знаний, терминология, инновационные рынки, технологии.

Abstract

This paper explores the influence of terminology on the development of innovative and technological markets within the context of the knowledge economy. Language plays a critical role in forming scientific and professional communities, facilitating information exchange, and

driving innovation. Key aspects of terminology use, its impact on technological development, and knowledge transfer are analyzed. The need for standardizing terms and providing linguistic support to foster sustainable growth in technological markets is emphasized.

Keywords: language, knowledge economy, terminology, innovative markets, technology.

Язык является основным средством передачи знаний и играет критическую роль в инновационных и технологических рынках. Его использование позволяет не только эффективно обмениваться сложной информацией между специалистами, учеными, инженерами и предпринимателями, но и формировать общее понимание новых концепций и технологий. Когда новый термин закрепляется в обиходе, он не только определяет ключевые аспекты понятия, но и способствует его популяризации, что особенно важно в стремительно развивающихся секторах, таких как ИТ, биотехнологии и нанотехнологии. В условиях высокой скорости инноваций четкое определение терминов помогает создать общее пространство для общения и работы, где участники могут говорить «на одном языке».

Однако сложность и специфичность языка могут создавать значительные барьеры для входа на рынок, затрудняя доступ к ключевым научным и техническим знаниям для начинающих специалистов и заинтересованных сторон. Если термины и концепции излишне сложны или запутаны, это может отпугнуть потенциальных участников и снизить скорость принятия инноваций. Доступность и ясность языка позволяют преодолеть эти барьеры, расширяя круг участников и создавая условия для более быстрого и эффективного внедрения новых технологий. Понятное изложение способствует повышению уровня понимания среди широкой аудитории, стимулирует сотрудничество и обмен знаниями между экспертами и начинающими специалистами. Это также способствует развитию более устойчивой инновационной экосистемы, где каждый участник может вносить свой вклад в общий успех и развитие технологий.

Стандартизация терминологии играет центральную роль в унификации процессов и уменьшении неопределенности при взаимодействии на глобальном уровне. Особенно в международной экономике, где любые недоразумения могут привести к срыву сделок, задержкам проектов и неэффективному использованию ресурсов. Организации, такие как ISO и IEEE, активно работают над созданием стандартов, которые способствуют взаимопониманию между различными отраслями и странами. Их деятельность позволяет формировать более устойчивую и интегрированную среду для внедрения инноваций и обмена знаниями, способствуя глобальному развитию и прогрессу в области технологий.

Таблица 1

Влияние стандартизации терминологии на развитие технологий.

<i>Фактор</i>	<i>Влияние</i>
<i>Снижение барьеров для входа</i>	<i>Упрощение доступа к информации и снижению сложности.</i>
<i>Ускорение разработки технологий</i>	<i>Повышение скорости и качества взаимодействия между специалистами.</i>
<i>Унификация процессов</i>	<i>Создание стандартов, обеспечивающих взаимодействие разных систем.</i>

Терминология играет роль посредника в трансфере знаний и технологий, позволяя участникам рынка говорить на одном языке и быстрее адаптировать новые идеи и разработки. Понятные и четкие термины облегчают внедрение инноваций, особенно для стартапов и малых предприятий, которые зависят от скорости обмена знаниями и открытого взаимодействия. Эффективное использование терминов способствует формированию экспертных сообществ, создающих благоприятные условия для обмена опытом, разработки лучших практик и совместного продвижения технологий. Важно инвестировать в создание и развитие терминологических баз данных, которые облегчают поиск, передачу и применение знаний.

Язык также напрямую влияет на восприятие обществом технологий и инноваций. Корректное и точное использование терминов и объяснение сложных концепций помогают минимизировать страхи и повышают уровень принятия новых технологий, таких как искусственный интеллект, квантовые технологии и биоинженерия. Это способствует созданию доверия к разработкам и их более активному внедрению. Одна из ключевых задач заключается в предоставлении доступного и понятного объяснения новых достижений, что повышает их ценность для широкой аудитории. Языковая поддержка становится неотъемлемой частью образовательных программ, маркетинговых стратегий и коммуникаций.

Рисунок 1. Пример лингвистического взаимодействия в технологических рынках.

Язык и терминология играют фундаментальную роль в развитии инновационных и технологических рынков, обеспечивая единое понимание между участниками отрасли и способствуя более эффективной коммуникации. Использование стандартизированных и понятных терминов облегчает взаимодействие между разработчиками, производителями, исследователями и потребителями, ускоряет внедрение инновационных технологий и способствует обмену опытом. Понятная терминология способствует созданию общего пространства для дискуссий, разработки и внедрения технологий, минимизируя риски недопонимания и снижения качества результатов.

В условиях стремительно развивающейся экономики знаний язык должен быть гибким и подстраиваться под потребности времени. Появление новых технологий и подходов требует быстрого и постоянного обновления понятийного аппарата, чтобы отражать актуальные изменения и тренды. Это обеспечивает адаптацию участников рынка к новым вызовам и возможностям, помогая сохранять конкурентоспособность и улучшать качество работы. Терминология становится инструментом, который позволяет эффективно и точно передавать знания, стимулируя инновации и их распространение на международном уровне.

Совместные усилия ученых, представителей бизнеса и лингвистов играют ключевую роль в создании и актуализации языка, адаптированного для сложных и быстроразвивающихся технологических рынков. Они помогают формировать новые концепции, определять рамки для обсуждения, разрабатывать стандарты и поддерживать устойчивый рост и развитие отраслей. Сотрудничество специалистов из разных сфер позволяет избежать излишней фрагментации языка, формируя общее понимание ключевых процессов и создавая условия для успешного взаимодействия на международном уровне. В результате, язык становится не просто средством общения, а важным инструментом, обеспечивающим стабильность, инновационное развитие и трансфер знаний, который необходим для продвижения современных технологий.

1. Иванов, А.В. Язык в экономике знаний // Инновации и технологии. М., 2020. С. 10-20.
2. Козлова, Е.П. Терминология и трансфер знаний // Наука и общество. СПб., 2019. С. 45-58.
3. Петров, Д.И. Роль терминов в развитии технологий // Вестник технологий. Новосибирск, 2021. С. 12-25.

Томаева А.А.

Категория временной локализованности в современном русском языке

*Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
(Россия, Владикавказ)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-207

Аннотация

В статье исследуется семантическая категория локализованности/нелокализованности в современном русском языке. Целью является изучение выражения значений временной локализованности в русском языке и анализ использования соответствующих грамматических конструкций и лексических средств для ее выражения. В качестве источников эмпирических данных использовались материалы художественных произведений. Основным методом исследования является функционально-семантический анализ с целью определения различных разноуровневых языковых средств, выражающих значение временной локализованности и нелокализованности.

Ключевые слова: временная локализованность, грамматическая форма, темпоральность, ситуация, время.

Abstract

The article examines the semantic category of localization/non-localization in the modern Russian language. The aim is to study the expression of the meanings of temporal localization in the Russian language and to analyze the use of appropriate grammatical structures and lexical means for its expression. The materials of artistic works were used as sources of empirical data. The main research method is a functional semantic analysis in order to identify various multilevel linguistic means expressing the meaning of temporal localization and non-localization.

Keywords: temporal localization, grammatical form, temporality, situation, time.

В современном языкознании изучению временной локализованности действия уделяется большое внимание. Однако категория этой семантики является довольно сложной и иногда неоднозначной с точки зрения грамматических конструкций. В настоящее время существуют разные точки зрения на данный вопрос, и многие исследователи продолжают исследовать различные аспекты временной локализованности в различных языках.

Понятие временной локализованности необходимо для понимания закономерностей функционирования времён в современном русском языке. Временная локализованность высказывания – один из ключевых аспектов смысла и актуальности высказывания. Любое высказывание позиционирует описываемую ситуацию во времени, явно или неявно указывая на её место во временном континууме. Это временное положение не просто случайная деталь, а фундаментальный признак, влияющий на восприятие и интерпретацию сообщения. Оно определяет, воспринимается ли ситуация как происходящая сейчас, в прошлом или будущем, а также, насколько точно определены её временные границы.

Особенностью русского языка является то, что в нем нет специальных грамматических форм для выражения временной локализованности/нелокализованности, поскольку она выражается в основном контекстуально, при помощи определенных лексических средств или значения выражения в целом. Поэтому при переводе, например, с языка, в котором есть специальные языковые формы для выражения указанного значения, необходимо адекватно использовать для их передачи в русском языке нужные средства.

Категория времени в языке представлена тремя основными формами, которые указывают на общее временное положение действия (события). Эта базовая информация может быть дополнена более точными деталями с помощью лексических средств, синтаксиса или контекста. Грамматическая временная локализованность показывает, где действие находится на временной шкале относительно момента речи говорящего или другой точки отсчета. Это деление на абсолютное и относительное время. Относительное время фиксирует позицию действия на временной оси без связи с речью, а абсолютное – показывает, раньше, позже или одновременно с речью происходит действие. Речевой акт – это сам процесс говорения, включающий начало, продолжение и завершение сообщения. Именно совпадение или несовпадение действия с речевым актом, лежат в основе грамматического обозначения времени.

Понятие временной локализованности важно для понимания функционирования временных форм в современном русском языке. Понятие конкретности действия, его неизменности в данном времени, можно противопоставить понятию абстракции, которое подразумевает неопределенность временного местоположения действия.

Поле локализованности/нелокализованности, как и другие ФСП, представляет собой функциональное в своей основе единство, которое образуется за счет взаимодействия языковых единиц разных уровней.

Ситуации временной локализованности/нелокализованности являются типовыми семантическими структурами, которые выражаются различными языковыми средствами и базируются на категории временной локализованности.

Ситуации временной локализованности отражают события, которые происходят в определенный момент времени, в конкретном месте или имеют четкое начало и конец. Эти события выражаются, например, глагольными формами прошедшего или настоящего времени, а также специальными временными наречиями, указывающими на конкретные даты и время (*В полночь, как мы уже знаем, приехала в дом комиссия, в которой участвовал Желдыбин*). Ситуации временной нелокализованности описывают процессы или состояния, которые не ограничены конкретным временем или местом (*Она механически поднимала и опускала руку и, однообразно скалясь, улыбалась гостям*).

Временная локализованность может взаимодействовать с аспектуальностью, например, когда глаголы указывают на продолжительность или повторяемость действия в конкретное время. Также временная локализованность имеет связь с темпоральностью и может выражаться при помощи темпоральных лексических средств. Она указывает на конкретный момент или период времени, в который происходит действие. Однако, временная локализованность, хотя и имеет некоторые общие черты с аспектуальностью и темпоральностью, является самостоятельной категорией, которая может взаимодействовать с другими категориями, но сохраняет свою собственную функционально-семантическую целостность.

Согласно А. В. Бондарко, темпоральность это «функционально-семантическая категория, выражающая сущность физического и философского аспектов времени, реализуемая различными языковыми средствами выражения времени: совокупностью грамматических, лексических и комбинированных средств, где ядром темпоральности является грамматическое время». Иначе, темпоральность определяется представителями данного направления как «сеть отношений, связывающая языковые элементы, включающиеся в передачу временных отношений и объединенные функциональной и семантической общностью» [Бондарко 1990: 19].

Связь локализованности/нелокализованности с такой категорией, как темпоральность в первую очередь выявляется в том, что грамматические формы времени имеют разного рода возможности в выражении значений локализованности/нелокализованности. В то время как значения локализованности могут быть выражены всеми формами категории времени, то для выражения большого круга значений нелокализованности более всего подходят формы настоящего (несовершенного

вида) и простого будущего (совершенного вида) времени. Именно «в форме настоящего времени диалектически совмещаются объективное значение вневременности с субъективным значением настоящего времени» [Виноградов 1947: 572]. Формы же простого будущего времени могут использоваться не только для обозначения будущих событий, но и для выражения завершившегося в прошлом действия, а также для выражения вечных, повторяющихся или возможных действий вне зависимости от времени. Например: *Под лежащий камень вода не течет; Язык до Киева доведет.*

Тем не менее, между категориями темпоральности и локализованности/нелокализованности существует и немаловажное различие. Оппозиция локализованности/нелокализованности базируется на отношении к однонаправленному потоку времени, к временной оси. Также она не зависит от ориентационного отношения к моменту речи, что отличает ее от грамматической категории времени.

Когда действие локализовано в определенный момент времени, оно связано с конкретным временем на временной оси. Так, слово «сегодня» или «завтра» указывают на конкретные точки на временной оси, что является проявлением временной локализованности. Например, *Сегодня половину двенадцатого угрозыск явился шатен ночной сорочке брюках без сапог психический назвался Лиходеевым* (Булгаков).

В свою очередь, нелокализованные действия могут быть представлены как процессы или состояния, продолжающиеся через различные моменты времени. Например, слово «видеть» не указывает на конкретный момент, в который происходит действие, а выражает состояние или процесс, который может продолжаться в разные моменты времени.

В тексте можно встретить множество разнообразных способов локализации событий во времени. Некоторые из этих способов могут быть очевидными и однозначными, в то время как другие – более субъективными или многослойными.

Например, календарно-хронологическая локализация событий может быть достигнута путем использования точных дат или временных промежутков. Событийная локализация может основываться на последовательности событий или на определенных событийных метках, таких как начало или конец какого-то действия. Процессуальная локализация может включать в себя указание на продолжительность или характер изменения события во времени. А субъективная локализация может отражать отношение говорящего к происходящему событию или его восприятиям.

В тексте все эти типы локализации могут взаимодействовать между собой и смешиваться, создавая сложные линии темпоральности и передавая различные аспекты событийности. Очень важным является установление точки отсчета, от которой будет отсчитываться время, так как это позволяет определить взаимосвязь между блоками времени и различными временными планами.

Функциональное поле времени находится в центре языковой системы, так как в нем пересекаются и взаимодействуют различные языковые категории (аспектуальность, временная локализованность, таксис). Все эти категории вступают во взаимодействие друг с другом в функциональном поле времени, определяя его характеристики и особенности.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, мы понимаем, что категория временной локализованности является одним из важных компонентов модели времени, отражаемой языковой семантикой. Временная локализованность понимается в лингвистике как оппозиция конкретности (определенности) действия на временной оси и неконкретности (неопределенности) расположения действия на временной оси, его временной обобщенности. Наряду с другими категориями, выступающими в конкретных речемыслительных реализациях, данная категория является также одним из компонентов смысла высказывания.

Локализованность/нелокализованность ситуации во времени не только понятийная категория, но и семантическая, так как имеет в русском языке регулярное языковое

выражение. В основе понимания временной локализованности лежит способность языковой системы фиксировать моменты и периоды времени, а также определять их относительные связи. В русском языке нет специальной системы грамматических форм для обозначения локализованности/нелокализованности действия. Поэтому эти значения реализуются в контексте при участии ряда средств в их совокупности. Для этого используются различные временные формы глагола, а также специальные слова и выражения, которые помогают указать на время и место действия.

1. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение. 1971. 239с.
2. Бондарко А.В. Категориальные ситуации: К теории функциональной грамматики. – М., Вопросы языкознания. 1983. № 2. С. 20–32.
3. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 1999. 256с.
4. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М.: Яз.славян. культуры. 2002. 736с.
5. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 7-е. М: URSS. 2017. 347с.
6. Бондарко А.В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики; Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербургский государственный университет. – М: ЯСК. 2017. 333с.
7. Булыгина Т.В. Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. 365с.
8. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Высш. шк. 1986. 639с.
9. Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в русском литературном языке. – М.: Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т.7. 1948. С.303-316.
10. Маслов Ю.С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании//Вопросы глагольного вида. – М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1962. С. 7-32.
11. Смирнов И.Н. Типы временной нелокализованности действия в русском языке: На материале высказываний с формами настоящего и простого будущего времени: диссертация кандидата филологических наук: – Л.: Изд-во ЛГУ. 1987. 208с.
12. Смирнов И.Н. Категория временной локализованности действия в современном русском языке. – СПб.:Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 2001. 123с.
13. Смирнов И.Н. Выражение повторяемости и обобщенности действия в современном русском языке. – СПб.: Наука: САГА. 2008. 159с.

Усмонова М.Н.

Роль речевого этикета в современном языкознании

*ГОУ «Худжандский государственный университет
имени академика Б. Гафурова»
(Таджикистан, Худжанд)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-208

Аннотация

В данной статье рассматривается роль речевого этикета в современной лингвистике. Отмечается, что современные лингвистические исследования уделяют большое внимание семантике языковых единиц и теории коммуникации. Особое внимание уделяется не только отдельным словам, но и тому, как они сочетаются и используются в контексте коммуникации.

Ключевые слова: речевой этикет, современная лингвистика, теория коммуникации.

Abstract

The given article dwells on the role of speech etiquette in modern linguistics. It is noted that modern linguistic research does focus on the semantics of language units and

communication theory. Particular attention is paid not only to individual words, but also to how they are combined and used in the context of communication.

Keywords: speech etiquette, modern linguistics, communication theory.

Современная коммуникативная лингвистика акцентирует внимание на том, как слова и другие языковые элементы используются в процессе общения. Это означает, что исследователи изучают не только структуру языка, но и то, как он работает в реальных ситуациях общения. Ю.Н. Караулов подчеркивает, что ключевым понятием в изучении языка является «языковая личность». По мнению Ю.Н. Караулова изучение языка невозможно без учета человека как носителя языка. Это означает, что лингвистика пересекается с другими дисциплинами, такими как психология, социология, поскольку язык является важным аспектом человеческой жизни. Ю.Н. Караулов считает, что для глубокого понимания языка необходимо выйти за его формальные границы и исследовать, как он используется конкретными людьми в различных контекстах. Важно подчеркнуть, что современная лингвистика стремится интегрировать изучение языка с реальными процессами общения и учитывать человеческий фактор, что делает ее более актуальной и связанной с жизнью [2, с. 3].

Это важно, поскольку язык не существует в вакууме; он формируется и изменяется под воздействием культурных и социальных факторов. Упоминание о «глубоком и постоянном взаимодействии между языком и действительностью» подчеркивает, что язык не просто отражает мир, но и активно участвует в его формировании. Это взаимодействие означает, что язык и реальность взаимосвязаны и влияют друг на друга [1, 32].

Речевой этикет учитывает, какие роли играют собеседники в общении (например, руководитель и подчиненный, друзья, коллеги) и как эти роли влияют на стиль общения и выбор слов. Упоминание ученых, занимающихся этой темой, подчеркивает, что речевой этикет является актуальной областью исследования в лингвистике, и что многие ученые активно изучают его различные аспекты. Таким образом, речевой этикет – это не просто набор правил, а важный элемент, который влияет на качество и характер общения между людьми, а также на их социальные взаимодействия. [3, с. 413].

Речевой этикет является функциональной системой языковых единиц, которая основана на двух основных функциях: функции общения, т.е. коммуникативной и функции выражения мысли. Коммуникативная функция относится к процессу передачи информации между собеседниками, а функция выражения мысли связана с передачей смысла и значения.

Н.И. Формановская выделяет четыре специализированные функции речевого этикета:

1. Контактустанавливающая функция: речевой этикет помогает установить контакт между собеседниками.
2. Регулирующая функция: речевой этикет регулирует ход разговора и поддерживает общение.
3. Эмоционально-модальная функция: речевой этикет выражает эмоции и модальности (например, уверенность, неуверенность) собеседников.
4. Функция ориентации на адресата: речевой этикет учитывает адресата и адаптирует язык к его потребностям и ожиданиям. [6, с. 21].

Н.И. Формановская подчеркивает, что изучение функций речевого этикета помогает понять, какое место он занимает в общении, какую роль он играет в речевом общении и как он включается в общий контекст коммуникации общающихся. Речевой этикет является важной частью языковой системы, которая выполняет различные функции в процессе общения. Понимание этих функций помогает лучше понять, как язык используется в социальных взаимодействиях. [6, с. 14].

Как известно, язык постоянно развивается и изменяется. Со временем некоторые элементы языка могут исчезать, в то время как другие появляются. Это говорит о том, что

язык не статичен, а адаптируется к изменениям в обществе и культуре. Пользователи языка должны уметь ориентироваться в разнообразии значений. Это включает в себя понимание нюансов и оттенков, которые необходимы для выражения мыслей и чувств. Умение использовать язык правильно и уместно – это важный навык. Язык имеет выработанные нормы и правила, которые формировались на протяжении веков. Носители языка интуитивно чувствуют, какие единицы речевого этикета следует использовать в тех или иных ситуациях, поскольку социальные контексты требуют определенных языковых знаков. Речевой этикет применяется в конкретных ситуациях общения, которые можно охарактеризовать через прагматические координаты: «я» – говорящий, «ты» – собеседник, «здесь» – место общения и «сейчас» – время общения. Эти координаты помогают организовать использование речевого этикета и определяют, какие языковые единицы будут уместны в данной ситуации. Единицы речевого этикета, такие как «Thank you!» или «Congratulations!», имеют грамматическую природу, которая определяется контекстуальными указателями. Это означает, что их значение и употребление зависят от контекста общения и от ролей участников в этом взаимодействии. Речевой этикет является важной частью языка, которая помогает людям эффективно взаимодействовать друг с другом в различных социальных ситуациях. Владение речевым этикетом и умение адаптировать его к контексту общения – это ключевые навыки для успешного общения. [3, с. 413].

Устойчивые формулы речевого общения в контексте речевого этикета и их роль в межличностном взаимодействии – это заранее определенные фразы и выражения, которые используются в конкретных ситуациях общения, таких как приветствие, прощание, извинение или просьба. Эти формулы помогают структурировать взаимодействие и делают его более предсказуемым и понятным для участников. Упоминается, что Н.И. Формановская, как исследователь речевого этикета, выделила различные этикетные ситуации, что подчеркивает системный подход к изучению языка и общения. Ее работы помогают понять, как используются речевые формулы в различных социальных контекстах. Устойчивые формулы речевого общения не просто служат для передачи информации, но и предназначены для оказания влияния на собеседника. Использование этих формул способствуют установлению доверия и взаимопонимания между участниками общения. Единицы речевого этикета описываются как «ситуативно обусловленные, коммуникативно-направленные, тематически сопряженные, взаимосвязанные и взаимозависимые в рамках диалогических единств устойчивые формулы общения». [5, с. 80].

Собеседники адаптируют свои высказывания в зависимости от ситуации общения. Это означает, что они учитывают контекст, в котором происходит взаимодействие, и выбирают соответствующие формы общения, чтобы выразить свои намерения (например, просьбы, извинения и т.д.). Соблюдение правил речевого этикета важно для поддержания вежливости и корректности в общении. Эти правила помогают избежать недопонимания и конфликтов, обеспечивая более гармоничное взаимодействие между людьми. Единицы речевого этикета рассматриваются как символы общественно-исторического опыта. Это значит, что они несут в себе культурные и социальные значения, которые формировались на протяжении времени и отражают нормы и ценности общества. Языковое выражение единиц речевого этикета помогает определить социальные роли и статусы участников общения. Например, форма обращения или вежливые фразы могут указывать на уровень уважения или иерархии между собеседниками. Речевой этикет и устойчивые формулы общения играют важную роль в социальной коммуникации, а их изучение помогает лучше понять динамику взаимодействия между людьми в различных контекстах. [3, с.389-390].

М. Ляхтеэнмяки подчеркивает, что язык является социальным явлением. Это значит, что язык формируется и развивается в контексте социальных взаимодействий. Освоение языка рассматривается как активный и творческий процесс, который зависит от

ситуации и перспективы. Это говорит о том, что каждый человек привносит в использование языка свои уникальные взгляды и интерпретации, формируя, таким образом, свою индивидуальность в общении. Язык и коммуникация не являются просто механическими процессами, а представляют собой сложные взаимодействия, где личный опыт и социальный контекст играют важную роль. Таким образом, язык и коммуникация – это динамичные и социальные процессы, которые требуют учета как индивидуальных, так и социальных факторов, и что понимание этих процессов является важной задачей для лингвистики и прагматики [4, с.35].

В заключении важно отметить, что любой акт речи строится на диалогических отношениях. Это означает, что даже когда человек говорит или думает в одиночку, он все равно учитывает, как его слова или мысли могут быть восприняты другим человеком, т.е. адресатом. Важно отметить, что речь предполагает реакцию со стороны адресата, которая может проявляться как в вербальной, т.е. словесной, так и в невербальной – жесты, мимика форме. Это подчеркивает, что коммуникация – это не просто односторонний процесс, а взаимодействие, где обе стороны (говорящий и слушающий) участвуют в обмене значениями. Даже когда человек ведет внутренний диалог (размышляет о чем-то в своем сознании), у него все равно есть «собеседник». Например, в одной ситуации он может быть более уверенным, а в другой – сомневающимся. Внутренние размышления происходят в контексте конкретной речевой и деятельностной ситуации. Это означает, что мысли и слова человека формируются в зависимости от обстоятельств, в которых он находится, и от того, как он воспринимает свою роль в этих обстоятельствах.

1. Будагов Р.А. Язык и речь в кругозоре человека. – М.: Добросвет-2000.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
4. Ляхтеэнмяки М. Перевод и интерпретация: о некоторых предположениях и мифологемах// Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып.1. Проблемы философии языка и сопоставительной лингвистики. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 1999. с. 32-45. <http://tpl1999.narod.ru/>
5. Соколова Н.Л. Английский речевой этикет. Монография. – М., Изд-во УДН, 1991.
6. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М.: 1982.

Курмангаджиев К.Р.

Организация самостоятельной работы студентов по английскому языку

*Северо-Кавказская государственная академия
(Россия, Черкесск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-209

Научный руководитель: Чотчаева И.А.

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с организацией самостоятельной работы студентов (СРС) по иностранному языку в неязыковом вузе. Также затрагиваются вопросы, необходимые не только для получения знаний, но и приобретения профессиональных умений и навыков, опыта творческой и исследовательской деятельности по решению различных проблем. Раскрыта связь между организацией учебной деятельности и самостоятельной работой студентов. Особое внимание уделяется компетентному подходу и получению качественного образования.

Огромный интерес вызывают у обучающихся, задания, связанные с использованием информационных технологий; информационно-исследовательские задания, позволяющие раскрыть свой творческий потенциал.

Ключевые слова: организация самостоятельной работы студентов; компетенция; коммуникация; коммуникативная направленность; инновационность; информационные технологии; самообразование.

Abstract

The article considers current issues related to the organization of independent work of students in a foreign language at a university; it also touches upon issues necessary not only for obtaining knowledge, but also for acquiring professional skills and abilities, experience in creative and research activities to solve various problems. The relationship between independent work and the organization of students' educational activities is revealed. The competence approach to obtaining a quality education is the main issue under consideration.

Of great interest to students studying foreign languages are tasks related to the use of information technology: information and research tasks that allow you to reveal your creative potential.

Keywords: organization of independent work of students, competence, competence approach, communication, communicative orientation, innovation, information technology, information and research tasks, self-education.

В стремительно меняющемся мире, где технологии развиваются с ошеломляющей скоростью, а знания устаревают быстрее, чем мы успеваем их усвоить, оставаться конкурентоспособным может лишь тот, кто не боится учиться на протяжении всей жизни. Традиционная модель образования, где основная нагрузка ложится на преподавателя, оказывается недостаточной. Студент должен стать активным участником процесса обучения, самостоятельно изучать новую информацию, адаптироваться к изменяющимся требованиям рынка труда и разнообразных сфер деятельности. Самообразование – это активный процесс саморазвития и самосовершенствования. Это осознанное стремление к повышению своей компетенции, непрерывный поиск новых знаний, навыков и умений, которые помогают оставаться в курсе современных тенденций и решать возникающие проблемы. Самообразование основывается на таких принципах, как самостоятельность, ответственность, критическое мышление, поиск информации и ее анализ, а также на умении применять полученные знания на практике. Однако, переход от традиционного образования к самообразованию не так легко. Он не происходит, само собой. В практике мы сталкиваемся с множеством препятствий. Современный человек (особенно, студент) зачастую перегружен учебой, работой, семьей, личными делами, и находить время для самостоятельного обучения становится сложной задачей.

Причиной всему является, в первую очередь - отсутствие мотивации. Не всегда легко заставить себя учиться чему-то новому, особенно если нет непосредственной необходимости. Нехватка методических материалов и ресурсов. Не всегда легко найти качественные и доступные ресурсы для самостоятельного обучения. Не все могут правильно планировать и организовывать свой учебный процесс, что может привести к неэффективности занятий. Несмотря на эти препятствия, самообразование неизбежно становится неотъемлемой частью современной жизни. В этом помогают новые технологии, которые предоставляют нам беспрецедентный доступ к информации, обучающим платформам и онлайн курс. Важным моментом становится не только доступ к информации, но и способность её критически оценивать, отфильтровывать неверную или некачественную информацию. Развивать критическое мышление можно через чтение книг, просмотр обучающих фильмов, участие в дискуссиях, а также через поиск информации из разных источников. Не стоит забывать и о важности практики. Полученные знания должны применяться в реальной жизни, в работе, в творчестве, в повседневных ситуациях. Самообразование – это путь к постоянному развитию и самосовершенствованию, путь к успеху в современном мире.

Одной из важнейших проблем, является повышение качества подготовки специалистов. Студент и выпускник высшего профессионального учебного заведения должен не только получать знания по дисциплинам и модулям программы, овладевать умениями и навыками использования этих знаний, методами исследовательской работы,

но и уметь самостоятельно приобретать новые научные сведения. В этой связи все большее значение приобретает самостоятельная работа студентов.

Самостоятельная работа должна строиться так, чтобы развивать умение учиться, формировать у студента способности к саморазвитию, творческому применению полученных знаний, способам адаптации к профессиональной деятельности. Активное использование мультимедийных технологий повышает интерес к дисциплине. На занятиях любой формы преподаватель может ставить творческие и проблемные задачи перед студентами, определять конкретные рабочие ситуации и контролировать их. СРС является не просто важной формой образовательного процесса, а должна стать его основой. Самостоятельная работа студентов — это любая деятельность, связанная с воспитанием мышления будущего профессионала. Самостоятельная работа — это способ активного, целенаправленного приобретения студентами новых знаний и умений, как в учебной аудитории, так и вне неё. А также, в контакте с преподавателем и в его отсутствии, в процессе аудиторных занятий - на лекциях, практических и семинарских занятиях, при выполнении лабораторных работ, на консультациях по учебным вопросам, в ходе творческих контактов, при ликвидации задолженностей, при выполнении индивидуальных заданий, в библиотеке, дома, в общежитии, на кафедре при выполнении студентом учебных и творческих задач и т.д.

Организация самостоятельной работы студентов в неязыковом вузе заключается не в оптимизации ее отдельных видов, а в создании условий высокой активности, самостоятельности и ответственности студентов в аудитории и вне ее в ходе всех видов учебной деятельности. Цель СРС - научить студента осмысленно и самостоятельно работать сначала с учебным материалом, затем с научной информацией. Очень важно заложить основы самоорганизации и самовоспитания, чтобы привить умение в дальнейшем, непрерывно повышать свою квалификацию. Решающая роль в организации СРС принадлежит преподавателю, который должен работать не со студентом вообще, а с конкретной личностью, с сильными и слабыми сторонами, индивидуальными способностями и наклонностями. Задача преподавателя - увидеть и развить лучшие качества студента как будущего специалиста высокой квалификации. Она заключается в создании психолого-дидактических условий развития интеллектуальной инициативы и мышления на занятиях любой формы. Самостоятельная работа выполняет неотъемлемую часть учебной деятельности студентов. Она является специфическим педагогическим средством организации и управления учебной деятельностью студента и должна рассматриваться и как средство обучения, и как форма учебно-научного познания. Самостоятельная работа выполняет важные функции - способствует усвоению знаний, формированию профессиональных умений и навыков, обеспечивает формирование профессиональной компетенции будущего специалиста; - формирует потребность в самообразовании, максимально развивает познавательные и творческие способности личности. Организация СРС представляет единство трех взаимосвязанных форм обучения.

Активность работы студентов на обычных практических занятиях может быть усилена введением новой формы СРС, сущность которой состоит в том, что на каждую задачу студент получает свое индивидуальное задание (вариант), при этом условие задачи для всех студентов одинаковое, а исходные данные различны. Перед началом выполнения задачи преподаватель дает лишь общие методические указания.

Успешное выполнение самостоятельной работы студентов рассматривается следующими пунктами:

- готовность студента к самостоятельному труду;
- превращения процесса обучения СР в процесс творческий;
- мотивирование учебных заданий, т.е. мотивация к получению знаний;
- четкая постановка цели, задач;
- определение алгоритма при выполнении задания;

- проведение групповых и индивидуальных консультаций;
- определение форм отчетности, объема работы и сроков представления результатов.

Своеобразие самостоятельной работы студента как активного метода обучения заключается в том, что его основу составляют самостоятельные действия, которые студент выполняет без помощи преподавателя. Он сам выбирает способы выполнения этих действий, совершает множество операций, контролирует их в соответствии с поставленной целью и задачами. Одной из важнейших форм саморегуляции студента является действия самоконтроля. Ожидаемые результаты работы не могут быть достигнуты, если студент не контролирует свои действия (обращение к таблице, словарю, справочнику, прибору, мысленно формулирует ответ). Студент должен совмещать исполнительные и контрольные действия одновременно.

Самостоятельная работа должна завершиться какими-либо результатами, выполнением упражнения, решенными задачами, написанными рефератами, заполненными таблицами, подготовленными ответами на вопросы, созданными презентациями и научно-исследовательскими проектами.

Таким образом, использование методов самостоятельной работы, побуждают к мыслительной и практической деятельности, развивают важные интеллектуальные качества личности. В дальнейшем обеспечивают его стремление к постоянному овладению знаниями и применению их на практике.

1. Вербицкий А.А. Самостоятельная работа студентов младших курсов // Высшая школа России. 1995. № 3. С. 137-145
2. Дорофеева М. А., Самусенко Т.М. Самостоятельная работа студентов в высшем учебном заведении. – Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2006. – 132 с.
3. Змеев С.И. Технология обучения взрослых: Учебное пособие.. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 128 с.
4. Ковардакова М. А. Самостоятельная работа студентов: виды и технологии организации: учеб. пособие для слушателей фак. повышения квалификации преподавателей/Ковардакова М. А., Дониная О. И., Кузьмина Ю. О., Ускова Е. О.; отв. ред. М. А. Ковардакова; УлГУ, ФПК преподавателей вузов и ссузов.- Ульяновск: УлГУ, 2012.-71 с.
5. Методические рекомендации по организации самостоятельной работы, Шестаков В. Ф.; авт.-сост. В. Ф. Шестаков; УлГУ, Юр. фак., Тамож. отд-ние, Каф. тамож. дела.- Ульяновск: УлГУ, 2010.-28 с.
6. Министерство образования и науки РФ Ульяновский государственный университет Форм Фаустова Э.Н. Студент нового времени: социокультурный профиль. – М., 2015. – 72 с.

Akhmadeeva K.A.

Media-Linguistic analysis of the political text

*Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-210

Abstract

The article discusses the problem of studying media texts as objects of research. Special attention is paid to key concepts and methods of studying media texts. It also considers how they affect the formation of public opinion. All this happens using the example of analyzing the text of a political figure. The article will be useful for a wide range of readers interested in media communications, politics, as well as for people working in the field of PR and advertising.

Keywords: discourse type, Grice's postulates, speech strategy, performatives, imperatives.

Аннотация

В статье рассматривается проблема изучения медиатекстов как объектов исследования. Особое внимание уделяется ключевым понятиям и методам изучения

медиа-текстов. Также рассматривается, как они влияют на формирование общественного мнения. Все это происходит на примере анализа текста политического деятеля. Статья будет полезна широкому кругу читателей, интересующихся медиакоммуникациями, политикой, а также людям, работающим в сфере связей с общественностью и рекламы.

Ключевые слова: тип дискурса, постулаты Грайса, речевая стратегия, перформативы, императивы.

Nowadays, media texts have become an integral part of modern people's lives. Therefore, their research is essential to understand the modern world, and the development of critical thinking and media literacy is crucial. The term media text was introduced into widespread use by Doctor of Philological Sciences T.G. Dobrosklonskaya. A media text refers to any media or communication product that can be presented across various media formats, including verbal, visual, auditory, or multimedia. These texts can be found in diverse media platforms such as periodical press, radio, television, the Internet, and mobile or satellite communications [2, p. 257]. "Thanks to multimedia technologies, information can be interactively presented by combining different forms like text, animation, images, video, and sound files" [3].

Media text analysis is an interdisciplinary field of research. This field studies the production, dissemination, and consumption of media information. The purpose of this analysis is to identify hidden meanings, ideological messages and the ways in which media shape public perception [4, p. 67]. Key theoretical concepts in this area are discourse (the production, consumption and effects of media messages), ideology (the hidden messages and beliefs conveyed through media texts), power and control (the role of media in shaping public opinion), and representation (the ways in which media represent the world and people).

Media analysis has evolved from the disciplines of literary criticism, semiotics, and cultural studies. Structural analysis is the main theoretical direction in this field. Researchers working in the field of media text analysis include Roland Barthes, Michel Foucault, Stuart Hall and You Ergen Habermas. Their research has made great contributions to our understanding of how the media shapes our understanding of the world and our position in it.

For the purpose of analyzing the text, I have chosen: Speech by Sergei Lavrov, Minister for Foreign Affairs of the Russian Federation, at the 78th United Nations General Assembly General Political Debate, New York, September 23, 2023. The primary analysis of the text consists of the following criteria: method of presenting information, volume, additional language information, placement platform, addressee, presence of an explicit addressee. The method of presenting information in this case is a speech. It contains 2254 characters and 336 words. Additional information includes abbreviations (UN), a quote ("if we want peace and prosperity based on equality and solidarity, then leaders have a special responsibility to reach compromises in designing our common future for the common good"), and words used ironically ("metamorphoses", "democracies", "autocracies", "rules"). As for the hosting platform, this is the "mid.ru" website. The addresser in this media text is society, and the addressee is S.V. Lavrov (Minister of Foreign Affairs). These standards are considered as primary analyses because they can be separated upon the first reading of language materials, and the data is either unrelated or related to the analysis of language components.

The first step is to write about the basic analysis of materials. The types of discourse can be: individual (individual-oriented), linguistics and institutions. In this case we have an institutional type, namely political. From the point of view of goals and motives, discourse is usually divided into hypotaxic and parataxic. In our text, it is hypotaxic, because it means that all intermediate goals are subordinate to one main goal. We also need to define the type of the "sender-recipient" relationship. Through this standard, we can understand which type of communication a given language material belongs to. The mediatext is addressable at specific groups (Dear Mr. Chairman, Dear Ladies and Gentlemen). When it comes to social and institutional communication, this article focuses on the interaction between the research institute and society. The representative of the country (national institution) addressed the members of the UN General Assembly (Community). Communication between agents in institutions is public.

This material contains the dichotomy of “friend or foe”. Its purpose is to show that peace between countries can only be achieved through joint forces. The text contains such pronouns as “ours, us, all, we, ours”.

Now let us consider whether Grice's postulates of speech communication are observed. They are necessary for successful communication. The postulate of quantity is observed: the speech of a country's representative contains a sufficient amount of information to achieve the communicative goal. The quality postulate is observed: the speech of the country's representative contains truthful and reliable information. All statements and arguments are based on facts and are not contradictory. The postulate of relevance is observed: the speech of the country's representative is fully consistent with the theme of the session of the UN General Assembly, which is devoted to the discussion of important international issues. The method postulate is observed: the country representative uses simple and understandable words and expressions, avoiding complex technical jargon or ambiguous formulations.

The speech strategy in this text is confrontational and auxiliary. As an example of a confrontational one, we can take the following sentence: “We urge you to pay special attention to these “metamorphoses” that run counter to the position of the World Majority and the principles of the UN Charter.” And for the auxiliary: “Dear Mr. Chairman, Dear Ladies and Gentlemen, in the speeches of many speakers who have spoken before me, the idea has already been expressed that our common planet is undergoing irreversible changes. A new world order is being born before our eyes. The contours of the future are being created in struggle.”

In the process of analysis, we can also highlight performatives and imperatives. Let's start with performatives, these are statements that not only describe reality, but also perform a certain action. They create a new reality or change the existing one. Performatives can be in the form of statements, promises, orders, requests, or other types of utterances. Imperatives are statements that contain a direct instruction or command. They are used to motivate someone to take action or change their behavior. Imperatives are often used in media texts to create a sense of authority or to achieve a specific goal. Performatives are present (“We urge you to pay special attention to these “metamorphoses” that run counter to the position of the World Majority and the principles of the UN Charter”). Imperatives are absent.

Also, during the study of the text, it is possible to conduct a narrative analysis. According to the American linguist W. Labov [1, p. 225], the structure of a narrative consists of the following components:

1. theses (a brief summary for the listener of the essence of the events that have taken place and will be discussed);
2. orientation (time, place, situation, participants in the event); a set of actions (sequence of events);
3. evaluation (the significance and meaning of actions, attitude toward events and actions);
4. resolution (resolution of the situation); coda (return to the present time).

This structure helps to identify key narrative elements and their functions, as well as to evaluate the effectiveness of texts.

Thus, S.V. Lavrov's speech is a well-thought-out and successful political text, which, with the help of various linguistic and discursive means, achieves its main communicative goal – a call for joint action by the international community to shape the future in the interests of the common good.

1. Labov, W., & Waletzky, J. Narrative analysis. In J. Helm (Ed.), *Essays on the verbal and visual arts* Seattle, WA: University of Washington Press. 1967.
2. Dobrosklonskaya T.G. *Medialinguistics: a systems approach to studying the language of the media: modern English media speech*. - M.: Flinta: Nauka, 2008. 263 p.
3. Urazmetova A.V. The functional potential of audio guides // *Philology: scientific research*. 2021. No. 10. pp. 1-9. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.10.36496
4. Varukha I.V., Davletbaeva A.F. Media representation of axiological concepts in the space of socio-cultural texts // *Peer-reviewed scientific journal "Trends in the development of science and education"*. March 2023 No. 95, Part 2 of the Ed. SIC "LJournal", 2023. pp. 67-69. DOI: 10.18411/trnio-03-2023-74

Bazyleva A.N.

The notion of “privacy” in British conceptual sphere: verbalization in literature

*Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-211

Abstract

This article is devoted to a comprehensive study on the notion of “privacy” in the context of British conceptual sphere with a focus on its verbalization in various manifestations of literature. The study examines how the concept of privacy reflects cultural and social transformations in the UK, impacting individual identity and impersonal relationships. Ultimately, the article discusses the nature of lingual and cultural beginning of the concept.

Keywords: privacy, cultural concept, British identity, speech acts.

Аннотация

Статья посвящена комплексному исследованию понятия “приватность” в контексте Британской концептуальной сферы с акцентом на его вербализацию в различных проявлениях литературы. В исследовании рассматривается, как концепция приватности отражает культурные и социальные трансформации в Великобритании, влияя на индивидуальную идентичность и межличностные отношения. В конечном итоге обсуждается природа лингвистического и культурного начал концепта.

Ключевые слова: приватность, культурный концепт, британская идентичность, речевые акты.

The emergence of the concept of privacy is due to the geographical location of Great Britain, which is an island country. Distance from the rest of the world has become a fundamental characteristic in the formation of peculiar value attitudes in the worldview of the British. Non-interference in private life and a particularly acute sense of tact in the process of communication are key criteria in building ways of understanding the world and relations between people.

Having many meanings, from a historical point of view the term privacy has been shaped for a long time and its emergence was mainly influenced by historical circumstances. Mankind struggled for privacy for many years, which led to the emergence of this concept.

The concept of privacy can be conditionally divided into two large components: visible (physical) entity – body distance (spatial autonomy of a person) and invisible (psychological) entity – personal distance (psychological autonomy of a person). In the course of the study of idiomatic units of the British variant of the English language, a different structure of the concept of privacy was proposed: internal isolation – a category that implies the existence of a person's right to distance [1, p. 56].

The English individualistic mentality, which is based on the right of each individual to respect their personal space and independence, ‘which is clearly illustrated by the certain way of expressing emotions’ [3, p. 199], is also vividly expressed in the communicative behavior chosen by English speakers, as well as in their politeness strategies. One of the dominant features of verbal English communicative behavior is the exclusion of direct impact on the interlocutor, which is formed through the use of special politeness and distancing strategies aimed at reducing the communicative impact on the interlocutor. This affects the choice of communicative strategies, linguistic means and the peculiarities of syntactic organization of English utterances. This feature is most clearly expressed in the inducement to action, when the communicator exerts communicative pressure on the interlocutor to a greater or lesser extent. Due to the above-mentioned features of their mentality, the English prefer indirect-questioning statements (could you; would you) to direct ones when expressing inducement. Thus, polite English questioning patterns are unmarked means of expressing a request in communication, consistent with cultural

values. The construction of a general question implies the possibility of both affirmative and negative answers, thus, it creates the appearance that the listener has a choice, which, according to the context, may not even exist: to perform an action or not. As a result, the use of speech constructions containing a semantic option in a situation that does not actually imply this option is an effective way of reducing the degree of influence on the addressee. However, in pragmatic terms, these interrogative statements are nothing but an order or a command.

"A hedge between keeps friendship green"; space and privacy between friends make their friendship stronger. In this case, a hedge serves as a barrier marking the boundaries of personal space.

"Who comes seldom is welcome"; in this turn the concept of privacy is understood in the frequency of communication with others. The less often the British communicate with each other, the more comfortable they feel, achieving their main goal in communication – the effect of alienation.

Along with the phenomenon of physical, external detachment, one can find stable expressions characterizing the British tendency to internal isolation, unwillingness to let strangers into their inner world.

"Save us from our friends"; in 1585 during a speech at the parliament Elizabeth I declared: "From my enemy let me defend myself; but from a pretended friend, good Lord deliver me"[2, p. 283].

"The best of friends must part"; despite sharing similar views and activities, best friends carefully respect the invisible boundaries of each other's personal space. They understand that the clearer these boundaries are maintained, the stronger their personal relationship becomes [2, p. 22].

"Distance lends enchantment to the view"; the phrase highlights the complex relationship between closeness and distance, illustrating how separation can enrich perception while also posing challenges to true understanding and connection [2, p. 84].

"Respect is greater from a distance"; respect establishes the norm of human relations. This value presupposes such properties of personality as a sense of justice, attentiveness to the interests of another person, his or her beliefs. According to the British, the process of forming such a position in the moral consciousness of an individual will be realized more effectively at a distance.

"Familiarity breeds contempt, distance brings respect"; the proximity to individuals or a deep familiarity often leads to a tendency for disrespect or being taken for granted. This contempt typically arises from an invasion of personal space and boundaries. Intimacy does not necessitate interference in another's personal life or space.

The expression *I'm sorry* is a positive reaction and a characteristic unit of the end of communication when the boundaries of autonomous space are not respected. This special characteristic of the representatives of British culture – to express words of regret regardless of whose fault an insignificant problematic situation occurred, directly correlates with the category of politeness. Each participant of communication strives to preserve his own "face" and not to provoke the loss of "face" by the other participant, despite the degree of formality of relations. Respect establishes the norm of human relations. This value presupposes such properties of personality as a sense of justice, attentiveness to the interests of another person, his or her beliefs. According to the British, the process of forming such a position in the moral consciousness of an individual will be carried out more effectively at a distance.

As a result of the conducted research, the following conclusions can be drawn. The concept of privacy is a nationally specific reflection of human behavior in selective-personal relations. As a linguacultural phenomenon, it finds numerous responses in the language, mainly expressed in the semantics of lexical and phraseological components, «serving as a system for capturing national culture, the peculiarities of the mentality, and the worldview of the linguistic community» [4, p. 24].

In the communicative aspect, the concept of privacy is expressed in the form of specific strategies, the purpose of using which is social distance, i.e. internal and external isolation. The aspect is especially vividly expressed in questioning speech acts. The strategies are characterized by frequent use of indirect techniques of ethical nature. The basis associated with the concept of privacy is mental, geographical and cultural reasons. And the need for privacy is a universal human trait inherent in most people, regardless of nationality, to a greater or lesser extent. This study sheds light on the cultural characteristics of the British mentality, which contributes to a better immersion in language learning.

1. Kuzmenkova Y B From cultural traditions to the norms of speech behavior of the British, Americans, and Russians. s.l., MAX PRESS, 2008, p.56.
2. Simpson John, Seake Jennifer The Concise Oxford Dictionary of Proverbs. s.l., Oxford University Press, 2003, Vol. III, pp.22,84,283.
3. Davletbaeva A.F., Varukha I.V. Pragmatic component of actualization of modality and emotionality of the passive voice in Chinese and English on the material of media texts // World of science, culture, education. № 4(95) 2022. – С. 197-200 DOI: 10.24412/1991-5497-2022-495-197-200
4. Urazmetova A.V. The toponymic system of Great Britain: primary and secondary nomination. – Saint Petersburg: Limited Liability Company "Scientia" Publishing House, 2022. 172 p. DOI 10.32415/scientia_978-5-6048667-3-3.

Boboeva Z.H.

Semantico-Morphological Peculiarities of Parenthetic Units in Tajik and English

*SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov"
(Tajikistan, Khujand)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-212

Abstract

The article dwells on the study of the comparative analysis beset with semantico-morphological peculiarities of parenthetic units of Tajik and English. It is underscored that without existence and usage of parenthetic units expressing opinion is available and in needed cases it gives the additional shades of meanings as well.

Keywords: language, linguistic units, parenthetic units, Tajik and English languages, comparative analysis.

Аннотация

Статья посвящена изучению сопоставительного анализа семантико-семантических особенностей и уровня употребления вводных единиц таджикского и английского языков. Отмечается, что без наличия и употребления вводных единиц выражение мнения доступно, а в необходимых случаях также придает дополнительные оттенки значений.

Ключевые слова: язык, языковые единицы, вводные единицы, таджикский и английский языки, сравнительный анализ.

Introduction

In recent years, home and foreign scholars in linguistic studies have paid attention to the study and consideration of the comparative analysis of languages. It is through the comparison of languages that the conditions were created to canvass various languages of the world and to determine their similarities and differences [1; 2; 3]. It is worth mentioning that in the course of Tajik and English development, like other languages they went through certain periods of evolution historically, as a result, radical changes took place in the entire language system. Various factors have left their traces on these changes, those ones are not identical, because the language is a developing system can be implemented only by virtue of its diachronic study, namely, the phoneme has only phonetic peculiarities, and the word has phonetic, lexico-syllabic

ones, the second group of entries, in addition to having various grammatical peculiarities, also has the properties of the above-mentioned group in an indirect form. Therefore, one can assert that in linguistics, the relevant aspects are dwelt on different ways and means upon the whole [4, 200; 5, 41-43].

Literature review

The article under consideration dwells on semantico-morphological peculiarities of parenthetical units in Tajik and English on the example of “The History of Intellectual Revolution in Bukhara” (2005) and “Emma Jane. Austen. volume I chapter I. – Landon, 1990. 345 p”. As well as, we decided to dwell on the distinctive semantico-morphological peculiarities of parenthetical units in the corpus of our study.

Methodology

While canvassing the distinctive semantico-morphological peculiarities of parenthetical units, we have resorted to the following visual methods, such as: comparative and historical, synchronic and diachronic ones.

Main results and discussion

It is common knowledge that parenthetical units are also considered to be a part of those linguistic ones that are formed based on words and morphemes, and have achieved certain distinctive peculiarities. Such units express the speaker's subjective relationship to reality in terms of structure and meaning, and denote distinctive morphologico-grammatical peculiarities [6; 7], and engender various patterns of constructions, both morphological and syntactical, including: *барои ҳамин - therefore, hence, consequently, accordingly, ergo, according, thus ва хушбахтона, мутаассифона, ба бахти мо, аҷаб, ба гуфти ӯ, ба қавли мо* ва ғ.: Аммо суд ҳеч коре накард, “фардо, пасфардо...” гӯён корро пас партофт ва дар охир тамоман хобонид [1, 38]; Harriet, has a certainty of being admired and sought after, of having the power of chusing from among many, *consequently* a claim to be nice [9, 43].

As it is clear from the position and content of these units in the above-mentioned sentences, they are not included in the group of core language units (such as phonemes, words and sentences) with their meaning. Without their existence and usage, the expression of thought and text is impossible, and in case of need, additional meanings are added to the expressed thought. In this regard, despite being separate modal units they also have certain specific peculiarities. The units under comparison were formed based on some existing models of Tajik and English, and at the beginning they had a morphological or grammatical affiliation, then over time they moved away from the scope of their original meaning and turned into modal ones.

Lexico-grammatical units have moved out of the scope of the basic units of the language and become part of the group of secondary units due to the transition to modal ones. This can be well observed by looking at the following sentences, which are made in two forms, both with and without plural units: *Ҳамин тавр*, агар аз замини бой, ҳамаи камбағалон ҳақ гирифтани шаванд, *ба ҳар кадоми шумоён дутанобӣ ҳам намерасад...* [1, 64]; *In addition* to all the rest, there had been the shock of finding her so very unwell... [9, 284].

In reference to it, it is possible to restore morphologico-grammatical relationship and the original content of the majority of parts of speech that appeared in the form of words belonging to this or that one or separate phrases in the comparative languages: *аз тарафи дигар – on the other hand; аз як тараф - on the one hand*: Аммо соли гузашта дар мавсими олуғундорӣ фалокате рӯй дод, ки ба сабаби ин Ҳасан *аз як тараф* аз ҳамаи бародар ва бародарзодагонаш чудо шуда бошад, *аз тарафи дигар* дили худаширо ҳам бой дода монда буд [1, 11]; The Coles had been settled some years in Highbury, and were very good sort of people--friendly, liberal, and unpretending; but, *on the other hand*, they were of low origin, in trade, and only moderately genteel [9, 144].

Analyzing the content, meaning, structure, and position of parenthetical units in the above sentences, we can divide them into subgroups in terms of structure:

- parenthetical units are formed based on words and have morphological-speech affiliation;

- parenthetic units are designed in the form of phrases and have syntactic affiliation.

Parenthetic units formed based on words and have different lexical features, and are a group of words possessing abstract meanings related to the mental states of people, such as expressions of joy and happiness, satisfaction and depiction of reality they express remorse, signs and so on.

A group of words that are used as parenthetic units being nouns, and their combination is participative units in the formation of this group, like nouns with the meaning of *thought, view, imagination, conclusion*, which are independent words in the first place, and in the second place, are resorted to as expressive elements of modal subjectivity: *Охир* вақти ба поён расондани ин «тамошо» расид. Агар ин оху фиғонхоро бо зӯрӣ қатъ намекарданд, то мурдан фарёд кашидани фалокатзадагоне, ки аз ҳар чизашон чудо карда шуда буданд, муқаррар буд [1, 30]; *I think Mrs. Goddard would be very much surprized...* [9, 37]; *I suppose, will be, that we are to lose you* [9, 327].

Another group of words that can be used as parenthetic units, and it is possible to restore their morphological and grammatical affiliation, are adjectives, and they also have a limited possibility of transitioning to parenthetic units, as the original adjectives expressing the signs and characteristics of objects and events they cannot be used in any way. Into the bargain, they can express only the abstract signs of *хайр, хуш рост, дуруст, хуб* which, in contrast to the expression of lexico-grammatical meanings: *кори хайр, ҳавои хуш, гани рост, қатори охир* they have modal meanings: –*Хайр*, илоҳӣ саломат бошанд чаноби қиблагоҳӣ, сояшонро аз сари мо, муштипарҳо, кам накунад, –гуфт Мухаррами Фарч [1, 128]; *Well, Miss Woodhouse, is he like what you expected? What do you think of him? Do you think him so very plain?"* [9, 20].

Conclusion

Adducing the results of the comparative analysis concerned with the theme explored the authors of the article come to the conclusion that such kinds of linguistic units in spite of being separated modal ones they are of certain distinctive peculiarities. It is worth mentioning that based on the appropriate patterns of Tajik and English languages some of parts of speech are formed as parenthetic units, later on they lost their original meanings and transferred to parenthetic units.

1. Aini S. (2005) The history of intellectual revolution in Bukhara. The collection of compositions. V.14. / Prepared by K.S. Aini. - Dushanbe: Press Publ. 270 p.
2. Алишери М., Бобоева З.Х. Структурные особенности английского газетного стиля // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 105-3. – С. 134-136. – DOI 10.18411/trnio-01-2024-144. – EDN RSVFBM.
3. Arsentieva E. F. Comparative analysis of phraseological units expressing the character of a person in English and Russian languages: autoref. dis.... sugar. philology science - M., 1984. 23 p.
4. Azimova M. Phraseological units of the Tajik and English languages in a comparative-typological explanation (Comparative-typological analysis of phraseological units in the Tajik and English languages). - Khujand: Meraj, 2014. 180 p.
5. Ashrapov B.P. Word-Building Potential and Morphological Peculiarities of the *Su x -ča* in Modern Tajik Literary Language // Stephanos. - 2024. - No. 3(65). - P. 72-76. - DOI 10.24249/2309-9917-2024-65-3-72-76.
6. Ashrapov B.P., Boboeva A.K. Word-building potential of some Tajik adverbial prefixes and their English equivalents // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – No. 109-3. – P. 149-152.
7. Ashrapov B.P. Comparative analysis of word-building potential of some prefixes forming adverbs of manner in Tajik and their English equivalents // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2024. – No. 4. – P. 166-172. – EDN VPVAYM.
8. Boboeva Z.H. Morphological peculiarities and word-building potentiality of the suffix «don» and its English equivalents // Начала Русского мира. – 2024. – No. 5. – P. 58-63. – EDN WUXLRX.
9. Emma Jane. Austen. volume I chapter I. – Landon, 1990. 345 p.
10. Ghiyosov N.I., Ashrapov B.P. Morphological Peculiarities and Level of Usage of Weights of Arabic Broken Plural Forms in “Tarjumai Ta'Rikhi Yamini ” by Jurfodiqoni // Bulletin of Tajik State University of Law,

- Business and Politics. Series of Humanitarian Sciences. – 2023. – No. 2(95). – P. 87-96. – DOI 10.24412/2413-2004-2023-2-87-96. – EDN BNSJAY.
11. Grammar of Modern Tajik Literary Language: In 3 vols. Vol. 1. Dushanbe. Knowledge Publ. 1985. 355 p.
 12. Mirmukhamedov O.T., Ashrapov B.P. Semantical peculiarities and level of usage of nominal compound verbs with non-active auxiliary verbs in “Ta`rikhi Bayhaqi” (The History of Bayhaqi) (based on the example of nominal archaic component) // Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education. – 2023. – No. 6. – P. 68-72. – DOI 10.20339/PhS.6-23.068. – EDN NZQPKV.

Churbaeva M.R.

Travelogue: Linguistic and Stylistic Specificity of the Genre

*Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-213

Abstract

The article defines travelogue aspects via corpus, discourse and comparative-historical methods of analysis. Gaining a complete understanding of the genre essence the work tracks an origin and development of traveling notes, detects means and features in writing a travelogue. In conclusion, the research demonstrates and analyses the distinctive features in the lexis of traveling notes, including the internet scope.

Keywords: journey, literature, travel, traveling notes, history of the genre, Youtube, narrative, culture.

Аннотация

В данной работе определяются характерные аспекты травелога при помощи корпусного, дискурсивного и сравнительно-исторического методов анализа. Для полного понимания сущности жанра отслеживается зарождение и развитие путевого очерка, выявляются средства и особенности при написании травелога. В результате исследования удаётся обозначить и проанализировать отличительные черты в лексике путевых очерков, в том числе и в интернет-среде.

Ключевые слова: поездка, литература, путешествие, путевой очерк, история жанра, Ютуб, рассказ, культура.

Traveling was always connected with the world cognition. This process started when humans put in appearance and it never finished. Since the writing system was born to the present day the travelogue genre has been developing along with travel. *Travelogue* is a special genre of touristic discourse, which is an “independent discursive type that is focused on a specific audience, has a special thematic orientation, linguistic specificity, unique goals and its own genre paradigm” [5]. The word *travelogue* by itself has integrated into the Russian lexicon reflecting its growing significance. Nevertheless, the majority of individuals and dictionaries continue to use the term “*traveling notes*” which denotes narratives in which authors share their experience during a journey. Today, it is impossible to study the travelogue as a literary genre without understanding its evolution. One of the modern researchers of the genre, Professor Roland Len Unen, summarizes the historical development of the travelogue from antiquity to the 15th century. The author also posits that the development of travel writing can be attributed to the extensive journeys undertaken across Europe and Asia, coupled with the exploration of new routes [2]. In the 15th-16th centuries, travel stories usually convey precise geographical and ethnographic realities. Only at the end of the first half of the 17th century traveling notes became a literary genre. Normand Doiron believes that starting in 1632, the term “*récit de voyage*”, that is, the travelogue, appeared in literature as a real genre [2]. Moreover, the introduction of photographic technology and television has led to a notable decline in the utilization of travelogues by many authors. Consequently, the circulation of these literary works experienced a substantial decrease, as visual media – specifically photographic reports and dedicated television

programs – gained greater popularity among audiences compared to traveling notes. At the same time, these changes gave birth to the travelogue as to a video genre on YouTube or as to a shortened review under the photos in social networks. The travelogue is a flexible genre that combines different types of narratives and the discourse, which gives the author great creative freedom.

This leads to myriad problems in the study of the travelogue from the linguistic side, as well as its use outside of literary works. Most of the research in this field is aimed at solving this problem. However, it is still not enough due to enormously rapid progressing of the genre in the internet. That is why the purpose of this study is to determine the characteristic aspects of traveling notes and to search for branches closely related to a travelogue. To achieve the goal in this paper we have the next objectives: to understand what means are used when writing a traveling notes, to highlight fields and concepts associated with a travelogue, to list and to study the genre features of the English language.

In the course of the work, corpus, discursive, comparative-historical methods of analysis of literature on the topic of the study are used.

As it was said above, the travelogue developed in the course of travel and exploration of new territories. In the 19th century, travel writers appeared who traveled specifically to describe them in literary form: this was done by Charles Nodier, Pierre Loti, Theophile Gautier, Rudyard Kipling. The phenomenon of literary traveling in English-language literature manifested itself through various works describing the authors' trips. Travel descriptions tended to be typical, combining standard rhetorical aspects with geographical points [1]. Then this genre began to reveal cultural and historical facets. Various types of traveling notes coexisted and actively influenced each other, and the reliability of what was reported and the realism of what was depicted were not always an axiom for the authors [1]. Now there are many works in the genre of travelogues, and both fantastic and realistic ones are allowed among them.

In the contemporary era of the Internet “the process of distributing of any information is dynamic” [4, p. 39], no wonder a novel multimedia genre of travel writing has emerged, commonly referred to as the travel blog. Social media platforms serve as venues for the dissemination of travel blogs, facilitating the integration of diverse formats ranging from traditional written narratives to dynamic video content [3]. The style of Internet travelogues depends heavily on the platform on which the travelogue is located. From a stylistic point of view, the texts are comparable to journalistic texts and, in some cases, to fiction. Simultaneously they also have a number of distinctive features due to their presence in virtual space: hypertext organization of macrotext, individual graphic design, an abundance of photos [3]. In the context of social media platforms, YouTube predominantly features video content as its primary medium of expression. As an instance, the program “Vagabrothers” demonstrates a show where one person is tasked with living on an extremely limited budget, while the other is allocated approximately \$2,000 for a duration of two days. This stark financial contrast serves to emphasize different travel experience. The episodes are characterized by their brevity, and the narration includes a colloquial style of English: various slang expressions that enhance accessibility for an audience. Thus, the article underlines that the Internet expand opportunities not only in relation to the travelogue format, but also affects its lexical part.

The research is based on a diachronic corpus of texts represented by the texts of traveling notes by British writers I. Bird, M. Kingsley and G. Bell and the texts of modern travel blogs, which are part of the CORE corpus (Corpus of Online Registers of English) of Brigham Young University [3].

Firstly, the linguistic specificity of the genre lies in the transfer of personal experience through a first-person narrative, including personal impressions of the places being discussed: “*But, from the experience I have gained of it, I have no hesitation in saying that it is one of the best places for getting luncheon in that I have ever happened on*”.

Secondly, one of the aspects consists of the frequent use of the pronouns “I” and “we”: “*We reached Sierra Leone at 9 A. M. on the 7th of January*”).

The third peculiarity is in the contrast of native and foreign cultures: “... it is a mass of rubbishy mud and palm-leaf huts, and corrugated iron dwellings for the Europeans”.

The fourth characteristic includes active interaction with local residents and various guides: “This is said by the Canary fishermen to be a certain sign of rain, or fine weather, or a gale of wind”, “We are told that Nairobi is a dangerous place at night”.

The last but not least trait underlines a direct appeal to the reader, which allows the author to create a common virtual space with the addressee in the host country: “When you get ashore, you will find that most of the stores and houses - the majority of which, it may be remarked, are in a state of acute dilapidation - are of painted wood”.

In conclusion, the travelogue is a flexible and pliable genre that gives the author a huge scope for creativity. The travelogue genre has its origins in antiquity; however, it formally emerged as a distinct literary genre in the mid-17th century. This evolution was significantly propelled by the exploration of new territories and the establishment of novel trade relationships. An analysis of the defining characteristics of the traveling notes has been conducted, particularly in the context of the Internet environment, revealing its contemporary applications and adaptations.

1. Korandey F. Five books about how travel literature is organized [Electronic resource]. - URL: <https://gorky.media/books-collection/5-knig-o-tom-kak-ustroena-literatura-puteshestvij/> (date of access: 10/27/2024).
2. Maiga A.A. Literary travelogue: genre specifics, 2014 [Electronic resource]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnyy-travelog-spetsifika-zhanra> (date of access: 10/27/2024).
3. Plavina A.A. Genre characteristics of travelogue in English-language discourse: dynamic aspect, 2019 [Electronic resource]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-harakteristiki-traveloga-v-angloyazychnom-diskurse-dinamicheskiy-aspekt> (date of access: 10/27/2024).
4. Varukha I.V., Davletbaeva A.F. New Internet media as a unique phenomenon of modern communication // The peer-reviewed scientific journal "Trends in the development of science and education". April 2023 No. 96, Part 3 of the Ed. SIC "False Journal", 2023. Pp. 39-41. DOI: 10.18411/trnio-04-2023-125.
5. Urazmetova A.V. The functional potential of audio guides // Philology: scientific research. 2021. No. 10. pp. 1-9. DOI 10.7256/2454-0749.2021.10.36496.

Epifanova A.Y.

Toponymy of Britain: Latin as the key to historical roots

*Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-214

Abstract

The article is devoted to the analysis of British toponymy from the point of view of the Latin language. The author examines the main types of British toponyms, their influence on the development of the English language and their meaning in modern English. Special attention is drawn to the fact that the study of Latin toponyms provides valuable information about the history of England.

Keywords: toponymy, Latin language, toponym, Latin borrowings, geographical names.

Аннотация

Статья посвящена анализу топонимики Великобритании через призму латинского языка. Автор рассматривает основные виды Британских топонимов, их влияние в развитии английского языка и значение в современном английском языке. Особое внимание уделяется тому факту, что изучение латинских топонимов предоставляет ценную информацию об истории Англии.

Ключевые слова: топонимика, латинский язык, топоним, латинские заимствования, географические названия.

Human life is intricately linked to various places identified by geographical names, as these names often reflect historical events, migrations, and language interactions. They can also offer valuable insights into who inhabited the land in the past and the languages they spoke. Moreover, “the investigation of the linguistic landscape is seen as one of the most productive ways to make a snapshot of interlinguistic relationship” [3, p. 1639]. Such names were given a special term – toponym, and its in-depth study, identification of relevance, history of origin and analysis is carried out by such a science as “toponymy” [4, p. 2]. The purpose of this article is to analyze Britain as a particularly intriguing location for the study of toponymy, given its rich and varied history. It highlights and describes the distinctive features of continuous sampling methods used to identify numerous examples of toponyms. The material examined includes lexical units such as toponyms.

It would be of special interest to mention the basic components of toponymy, it is important to provide definitions, conduct a classification analysis and study other equally important problems of toponymy – all this together will help to qualitatively examine the toponyms themselves as linguistic phenomena. Firstly, a toponym is a proper name that denotes a geographical feature, such as a city, river, mountain, or lake. “Toponyms can be classified according to the following principles: 1) parametric characteristics of an object, 2) ontological characteristics of an object, 3) type of toponymic basis, 4) etymological characteristics of place names, 5) motivational characteristics of place names, 6) chronological characteristics of place names, 7) structural characteristics of toponyms, 8) toponymic polysemy, 9) degree of toponymic nomination, 10) variety of toponymic nomination, 11) localization of an object” [5, p. 26].

Speaking about the type of designated geographical objects, toponyms are divided into: 1) hydronyms, 2) microtoponyms, 3) macrotoponyms, 4) urbanonyms, 5) oronyms, 6) oikonoms, 7) anthropotonyms [1, p. 183].

The first classification of toponyms pertains to the names of water bodies, such as rivers, lakes, seas, straits, and bays. These names hold significant linguistic and historical value because they often remain unchanged for thousands of years (e.g., *Thames, Loch Lochy*).

Another category includes names for small, uninhabited geographical or urban features like meadows, fields, groves, streets, lands, tracts, and hayfields. Examples include Pudding Lane, Muddy Lane, and Pigeon Lane. These microtoponyms are typically familiar only to those living nearby. In contrast, macrotoponyms refer to large geographical entities, such as countries, historical regions, or provinces (e.g., *Kent, Norfolk, Gloucester, Sussex*).

Additionally, some toponyms are related to natural formations and landforms (e.g., *Snowdon, Ben Nevis*) or urban features divided into specific categories: hodonyms (street names), agoronyms (square names), and dromonyms (transport route names), such as *Oxford Street, Regent Street, and Trafalgar Square*. Other toponyms denote populated areas (e.g., *Sheffield, Preston*) or are derived from personal names (e.g., *Hastings, Winchester, Liverpool*).

There is another classification regarding the structure or morphology of the toponym. Toponyms are divided into **simple** (their number is inferior to the number of complex and compound toponyms, they consist only of the root word without any service formants – *London, Kent*), **derivatives** (a more common type of toponyms, their formation occurs by adding a morphological feature-affix to the root – *Southampton, Edinburgh*), **complex** (their structure includes two morphemes, which are the basis of the toponym – *Glasgow, Cambria*), **compound** (phrases that consist of two or more parts – *St. Albans, Bristol*) [2, p. 5].

At the stage of the origin of Latin toponyms, most of them appeared during the Roman Empire. Names were given to geographical objects based on various factors, such as physical characteristics (*Mons* – mountain), vegetation (*Silva* – forest), water bodies (*Aqua* – water), human activity (*Castrum* – camp), personal names (*Augusta* – named after Emperor Augustus).

Overtime, Latin place names have changed significantly. They were influenced by various factors. The pronunciation of Latin words changed which led to changes in the spelling

and pronunciation of place names. Names of place names were also influenced by local languages. This led to the emergence of hybrid place names, containing both Latin and local elements. The next factor is the loss of the original meaning. In some cases, the original meaning of the Latin place name was lost or distorted. For a complete picture of the evolution of place names, it is important to find out the examples of geographical objects themselves. Here are some of the most interesting ones: *Londium* (London) – originally a Celtic name, latinized by the Romans; *Paris* (Paris) – the name of the Celtic tribe, latinized by the Romans; *Florentia* (Florence) – a Latin name meaning “blooming”; *Massalia* (Marseille) – a Phoenician name, latinized by the Romans; *Barcino* (Barcelona) – Iberian name, latinized by the Romans.

Today, Latin place names bear witness to Europe's rich history and cultural interaction. They continue to influence place names in many regions of the world. Latin toponyms not only enriched the English language, but also played an important role in its formation, which we can now see in modern English. Many words related to geography and topography were borrowed from Latin along with toponyms. For example, the words "city" (from Latin "urbs"), "river" (from Latin "rivus") and "mountain" (from Latin "mons"). The next point is the formation of new words – Latin toponyms also served as a basis for the formation of new words in the English language. For example, the word "chester" (from Latin "castrum") was used to refer to cities built on the site of Roman military camps. Of course, toponyms also influenced English grammar. For example, the use of plurals for toponyms ending in "-um" (e.g. London, Manchester) is the influence of Latin grammar. According to the name of the country Great Britain got its name from two components: Great and Britain. The second part goes back to the name of the British Isles – Britannia, which in Latin means "land of the Britons".

“Other Latin elements in toponyms have also been preserved: regis "royal", colony "military settlement", forum "market", fos, foss "channel, moat", porta "gate", abbas "abbot", episcopi "bishop", minor "lesser", ambo "both, one and the other", etc.” [6, p. 54].

Studying Latin place names can provide valuable information about the history of England, which is essential to understanding the culture and other features of the country. Place names can also carry indicators of historical events – they can point to important historical details from times gone by. An example is the name of the city of Winchester, which comes from the Anglo-Saxon word “Wintanceaster”, meaning “camp on the River With”. This indicates that the city was founded on the site of a Roman military camp.

In conclusion, an individual approach to studying the toponymy and toponyms of Great Britain is a promising direction in language practice, capable of significantly improving the quality and effectiveness of language development. However, to achieve the maximum results, it is necessary to continue the research in this area, as well as to implement the developed methods and techniques.

1. Fedorova N.A. Features of the English toponymic picture of the world // RANEPА. Moscow, 2023. Pp. 182-184.
2. Novikova D. English toponyms // Research work. Aleksandrovskeye, 2018. Pp. 5-7.
3. Saduov R.T., Varukha I.V., Ganeeva E.R., Timerbaeva, E.I. (2022). Multilingualism and identity in the visual space: linguistic landscape in the urban periphery. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(11), 1637-1654. DOI: 10.17516/1997-1370-0942.
4. Superanskaya A.V. What is toponymy // M.: Science, 1985. Pp. 2-5.
5. Urazmetova A.V. Principles of place names classifications / A. V. Urazmetova, Yu. Kh. Shamsutdinova // XLinguae. 2017. Vol. 10, No. 4. P. 26-33. – DOI 10.18355/XL.2017.10.04.03.
6. Urazmetova A.V. The toponymic system of Great Britain: primary and secondary nomination. – Saint Petersburg: Limited Liability Company "Scientia" Publishing House, 2022. 172 p. DOI 10.32415/scientia_978-5-6048667-3-3.

Ivland N.A.
Cross-cultural features in linguistic expertise

*Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-215

Abstract

The author considers linguistic expertise as a key tool for textual analysis and emphasizes its importance in the legal field, where language plays a crucial role in the interpretation of laws and legal documents. Special attention is given to cross-cultural differences that affect the understanding and use of language, including linguistic features, cultural norms and non-verbal aspects of communication.

Keywords: linguistic expertise, cross-cultural aspects, intercultural communication, non-verbal means of communication, verbal means of communication.

Аннотация

Автор рассматривает лингвистическую экспертизу как ключевой инструмент для анализа текстов, а также подчеркивает ее значимость в юридической сфере, где язык играет решающую роль в интерпретации законов и правовых документов. Особое внимание уделяется кросс-культурным отличиям, которые влияют на понимание и использование языка, включая языковые особенности, культурные нормы и невербальные аспекты коммуникации.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, кросс-культурные аспекты, межкультурная коммуникация, невербальные средства коммуникации, вербальные средства коммуникации.

Linguistic assessment is an important area of linguistics that deals with the study and analysis of texts to identify various linguistic features and to check that they conform to certain rules and standards. It plays an important role in determining the authorship of texts based on linguistic features and writing style. It is of great relevance in various fields such as literature, law and journalism. The study and classification of linguistic phenomena is carried out using linguistic methods and theories. These phenomena are the basis for analysing and understanding the structure and functioning of language.

One of the most significant areas of application of linguistic expertise is the legal field, where language plays a key role in the interpretation of laws and legal documents. Legal expertise includes a wider range of problems that arise at the intersection of language and law [4, 6]. Since language is closely related to the cultural contexts in which it is used, such as linguistic features, terminology, contextual meanings of words, style and rhetoric, ethical aspects, cultural norms, values, non-verbal aspects of communication, translation and interpretation.

By cross-cultural differences we understand the differences of norms and values expressed at different levels, in explicit and implicit forms and elements of material and spiritual culture as a generally accepted system based on extra-biological programs and mechanisms of human activity [2, 386]. In the field of linguistics, we can see such visible aspects of national culture as linguistic features in verbal and non-verbal form: different dialects, style of communication, slang, formalities, social norms. This issue is relevant both in terms of everyday life of different ethnic groups and denominations, and in terms of linguistic expertise.

This task rests on the shoulders of linguistic experts, who in turn help to analyse the structure and functioning of languages, which is important for understanding their development and change.

One of the main areas of legal linguistics is the study by linguistic experts of language barriers in the legal sphere, which includes the analysis of problems of understanding and interpreting laws and court decisions.

Professional experts not only translate the text, but also adapt it to the cultural and linguistic specifics of the target audience. Special care is taken to maintain the accuracy and legal relevance of the source text when translated into another language, including changing idioms, phraseology and context. This helps people who do not speak the native language of the country or who have limited language skills.

Cultural differences in values and norms should also not be forgotten. Speakers of different languages express one and the same notion in their own way, due to mostly cultural variations [1, 194]. Traditional values are considered generally common, however, different cultures have their own value systems that influence perception and behaviour, even within the same language. The author of this article conducts a linguistic analysis by looking at cross-cultural differences in cultural values of different countries within the same language. The English language has many accents and dialects (e.g. British, American, Australian, etc.) which can differ significantly in pronunciation, vocabulary and grammar. These differences often reflect cultural differences and historical context.

There are a large number of studies that have analysed the amount of information conveyed and perceived verbally and non-verbally. According to studies, only 40% of information is transmitted verbally, the remaining 60% of information is transmitted non-verbally [3, 27].

Thus, the studies cited above confirm that the importance of the non-verbal aspect of communication cannot be ignored. It is significant to note that speakers of English-speaking cultures, such as the UK and the US, use different non-verbal means of communication despite sharing a common language. It is therefore worth taking a closer look at the differences in non-verbal cues between the British and the Americans.

Verbal communication should always be considered. Such communication includes both spoken and written language. The use of certain words and phrases can greatly influence the perception of a message. For example, directness vs. indirectness: In general, Americans tend to be more direct in their communication. They value immediacy and clarity. The British, on the other hand, often use more indirect language, which can sometimes come across as more polite or reserved. Indirect language also reveals a communication style. They may rely on innuendo or context to convey meaning. Use of humor: In America, humor is often more open and may include sarcasm, although it may not always be understood as such. In Britain, on the other hand, humor is often dry and relies heavily on irony and understatement, which can sometimes be misinterpreted by Americans.

Let's turn to non-verbal communication: gestures, facial expressions and even the distance between people can have different meanings in different cultures. What is considered friendly in one culture may be considered aggressive in another. Americans use a wide range of gestures to emphasize their thoughts, and these gestures are often expressive. The British, on the other hand, may use fewer gestures and tend to be more reserved in their body language. There is also something to be said about eye contact. In America, maintaining eye contact is seen as a sign of confidence and commitment. In the UK, however, although eye contact is important, excessive staring can be seen as rude or confrontational in British culture.

It is also important to note that they influence the use of language in different regions. Slang and idioms not only enrich the language, but also reflect the unique features of the culture, traditions, and social norms of each society. Consider, for example, words denoting a state of shock or surprise. In British slang, the term "gobsmacked" is often used, while in American slang, the phrase "blown away" is preferred, which is more often used in a positive context.

Let's try to look at and compare idioms to show that the same ideas can be expressed in different ways depending on the cultural context. Compare the British version "to throw a spanner in the works" with the American version "to throw a monkey wrench in the works". Both mean "to introduce something that slows down or complicates a process" and are synonymous with the Russian idiom "to put a spoke in the wheel". Instead of a spoke, native

English speakers prefer to use a wrench: in British English it is "spanner" and in American English it is "monkey wrench" or simply "wrench".

Overall, the work of a language expert contributes to a deeper understanding of language not only as a means of communication, but also in its ability to provide accuracy and understanding of language in the context of cultural differences. An expert should have a good rapport of cultural specifics, as every language has its own uniqueness and this is directly related to culture, for it is culture that shapes all aspects of a people's life.

1. Davletbaeva A.F., Varukha I.V. Analysis of the emotive component in utterances with the modal verbs expressing willingness in the Chinese, English and Russian languages // World of science, culture and education. № 4(95) 2022. – С. 194-197 DOI: 10.24412/1991-5497-2022-495-194-197
2. Kaplina O.V. Influence of cross-cultural differences on the international marketing activity of the enterprise // Man in the space of culture: intercultural relations and the dynamics of national development: mat. International Scientific Conference. - M., 2010. S. 386.
3. Labunskaya V. A. Nonverbal behaviour // Structure and functions. M., 1986. S. 27.
4. Yaroshchuk I.A., Zhukova N.A., Dolzhenko N.I. Linguistic expertise // Theoretical foundations and general characteristics of linguistic expertise. M., 2020. S. 5-15.

Mirmukhamedov O.T.

Word-building potential and morphological peculiarities of the suffix -ak in modern Tajik literary language

*SEI “Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov”
(Tajikistan, Khujand)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-216

Abstract

The article dwells on the issue concerned word-building potential and morphological peculiarities of the suffix *-ak* in modern Tajik literary language on the example of “Ghulomon” by S.Aini (2019). The formers in question are considered to be one of the priceless and fundamental sources contained a numerous literary facts and evidences belonging to modern Tajik literary language. It is concluded that the relevant word-building element is considered to be one of productive ones contributed into new nouns derivation.

Keywords: suffix, Tajik language, word-building element, morphological peculiarities, derivative nouns.

Аннотация

В статье рассматривается вопрос словообразовательного потенциала и морфологических особенностей суффикса *-ак* в современном таджикском литературном языке на примере «Гуломона» С.Айни (2019). Рассматриваемые источники считаются одними из бесценных и фундаментальных, содержащих многочисленные литературные факты и свидетельства, относящиеся к современному таджикскому литературному языку. Делается вывод о том, что соответствующий словообразовательный элемент считается одним из продуктивных, способствующих образованию новых имен существительных.

Ключевые слова: суффикс, таджикский язык, словообразовательный элемент, морфологические особенности, производные имена существительные.

Introduction

It is common knowledge that word-combination is considered to be one of the ways to enrich the language word-stock. There are also several ways and methods targeted at word-combination in modern Tajik literary language (MTLL) [2; 3; 4; 6; 7], but the most productive is the morphological one in the language of the comparative historical productions, like MTLL many new lexical elements participate in the creation of a large considerable new derivative

words. Even, in the 13th century one of the great scholars in the sphere of three literary sciences - Shamsi Qais Razi has analyzed a number of lexical and formative elements in his work entitled as “al-Mujam” and adduced certain examples to strengthen his thought [9, 177-198]. Professor, Sh.Rustamov spoke about the role and position of prefixes and suffixes in word-combination and showed the level of their usage and denoted his conclusive evidence beset with the corpus of our study [10].

It is worth mentioning that not all kind of words are mechanically connected to any word-building elements to form new derivative words, but such combination of words by virtue of prefixes or suffixes occurs in term of certain linguistic rules. Indeed, the number of nominal suffixes are numerous those ones form the nouns denoting place and temporal, personal and non-personal and material etc. In the belles-letters prose referred to as “Ghulomon” (Slaves) by Aini occupies a particular place of word-building potential, especially derivation of new words by dint of certain word-building elements.

Literature review

The given article dwells on word-building potential and morphological peculiarities of the suffix *-ak* in modern Tajik literary language on the example of “Ghulomon” by S.Aini (2019). Into the bargain, we decided to canvass the relevant lexical element contributed to new derivative nouns formation in the corpus of our study, upon the whole.

The objective of the corpus of our study are:

- to consider morphological features and determine the level of usage of the relevant word-building element in terms of its function and meaning;
- to compare the relevance of the theme explored with other word-building elements;
- to canvass certain distinctive features of the suffix *-ak*.

Methodology

While canvassing the distinctive peculiarities and the frequency of usage of the suffix *-ak*, we have resorted to the following visual methods, such as: comparative and historical, synchronic and diachronic ones.

Main results and dissuasion

There are two suffix *-ak1*, *-ak2* in Tajik literary language one of which is connected to the base and derives a new word, other serves to express subjective meaning. Sh.Bobomurodov took into account the multi-meaning, omomorphemic and sinomorphemic feature of the relevant word-building element noted: “The lexical meanings of the word have made the latter in question multi-functional one. In the words *bargak* and *šurak* if the suffix *-ak* is of similar function, however, in the words *sarak*, *mardumak*, *gavharak* both morphemes serve in terms of their meaning expression equally. This suffix gives a new semantic transformation in the following words *talxak*, *šurak*, *kajak*, *širinak*” [5, 16]. S.F. Nizamova wrote the article beset with “Word-combination of the suffix *-ak* in Sadriddin Aini’s belles-letter prose” and she mentioned that “the former in question is commonly used in Aini’s prosaic works, and 25 words were derived by means of the relevant suffix... that the word-building element under study is not only used in the derivation of adjectives, but it is resorted to in the formation of other parts of speech either” [8, 105].

The relevant word-building element is considered to be one of the productive suffixes, in “Ghulomon” by Aini and MTLT it occurs as one of the most productive ones. Although the suffix *-ak* mostly contributes to the formation of nouns denoting endement and kindness. As we mentioned above, in “Ghulomon” by Aini, the suffix *-ak* is considered to be one of the most productive ones, which is used not only in the derivation of nouns, but also in the formation of other parts of speech either. Hereby, we make an endeavor to carry out the position its word-combination and the level of its resorting in different parts of speech:

- a) As a rule, the suffix *-ak* has been widely used to express endement and kindness relation with non-personal nouns, including animals: *čuğzak* [1, 17], *govak* [1, 393], *murğak* [1, 399], *modagovak* [1, 399]: Hasan hanūz dast ba non daroz nakarda bud, ki az yak čand qadam durtar az onho az bolo-i yak daraxt-i gujum-i sarxuškšuda ovoz-i noforam-i *čuğzak* šunida šud [1, 17].

- thus it is used to express a descriptive adjectives: Dar soya-i hamin yormandi-i hukumat yak gov-i *toqaak* juft gardid, modagovdor šudam [1, 376].
- Voh, Zebojonam, Zebojon-i xudam, Zebojon-i *xurdarakam*... [1, 113].

In the above-mentioned sentence, a descriptive adjective is derived in the form of comparative.

- based on the demonstrative pronoun *hamin* the word-building element *-ak* derives to express endement and kindness: – Az hamon qadar davlatu hašamat magar haqq-i man *haminak* mešavad? [1, 364].
- based on the original adjective *nağz/good* the word-building element *-ak* derives to express the name of disease, which is explained as follows: it is a childhood disease that appears in the body...: Dar badali panj sol az man du farzand šuda bošad ham, har du-i onho dar yak rüz az *nağzak* murdand [1, 24].

The suffix *-ak* is also used in the formation of compound words and creates new words that involve various parts of speech:

- a) noun +adjective+suffix: *lubiyo+šur+ak*: Nazdiktar oyad, ma`lum mešavad, - guft Safar pas az ba ũ yak nigoh kardan zud čašm-i xud-ro ba taraf-i yoğloğun *lubiyošūrak* gardonda... [1, 122].

As well as, the suffix *-ak* is connected with the material noun *sūzan/needle* to form a new noun. On can assert that the derivative word *sūzanak* is used in two meanings. *Sūzanak* is a type of insect that flies like a butterfly. In the following example this word is resorted to in the meaning of hard scaly skin of barley flour: Koh nest, sabus va *sūzanak*-i ord-i jav ast, - gufta javob dod Qulmurod [1, 223].

In the bellow-adduced example, the word *čaroğ/lamp* is derived by means of *-ak*, which means lightning in the air during rain or thunderstorm: ...az ufuq-i dur *čaroğak* parida yak taraf-i dunyo-i torikro andak ravšan karda... [1, 284].

The word-building element under study *-ak* is meaningful and multi-functional ones contributed into the derivation of new nouns, adjectives and adverbs. It is worth stressing that in the works under comparison, there are derivative and compound words, which were taken from today's language word stock and were formed according to the model of word-building permeating MTL, but some of them are not in use today.

1. Айни С. Фуломон. Роман/мухаррир: Раҳматуллои Раҳмон. – Душанбе: Адабиёти бачагона, 2018. 488 с.
2. Ashrapov B.P. Word-Building Potential and Morphological Peculiarities of the Su x -ča in Modern Tajik Literary Language // Stephanos. – 2024. – No. 3(65). – P. 72-76. – DOI 10.24249/2309-9917-2024-65-3-72-76.
3. Ashrapov B.P., Boboeva A.K. Word-building potential of some Tajik adverbial prefixes and their English equivalents // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – No. 109-3. – P. 149-152.
4. Ashrapov B.P. Comparative analysis of word-building potential of some prefixes forming adverbs of manner in Tajik and their English equivalents // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2024. – No. 4. – P. 166-172. – EDN VPVAYM.
5. Grammar of Modern Tajik Literary Language: In 3 vols. Vol. 1. Dushanbe. Knowledge Publ. 1985. 355 p.
6. Ghiyosov N.I., Ashrapov B.P. Morphological Peculiarities and Level of Usage of Weights of Arabic Broken Plural Forms in “Tarjumai Ta'Rikhi Yamini” by Jurfodiqoni // Bulletin of Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Humanitarian Sciences. – 2023. – No. 2(95). – P. 87-96. – DOI 10.24412/2413-2004-2023-2-87-96. – EDN BNSJAY.
7. Mirmukhamedov O.T., Ashrapov B.P. Semantical peculiarities and level of usage of nominal compound verbs with non-active auxiliary verbs in “Ta'rikhi Bayhaqi” (The History of Bayhaqi) (based on the example of nominal archaic component) // Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education. – 2023. – No. 6. – P. 68-72. – DOI 10.20339/PhS.6-23.068. – EDN NZQPKV.
8. Низомова С. Калимасозии пасванди -ак дар насри бадееи Садриддин Айни. // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – 2017. – №6. – С.104-107.
9. Rozi Shamsi Qais. (1991) Al-mu'jam / Introduction and explanations and publication by U. Toirov. Dushanbe. Man-of-Letters Publ. 1991. 463 p.
10. Rustamov (1972) Sh. Nominal Word-building in Modern Tajik Literary Language / Sh. Rustamov. Dushanbe. Man-of-Letters Publ. 76 p.

Pervushina D.A.

Linguistic features of British humorous and satirical magazines

Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)

doi: 10.18411/trnio-12-2024-217

Abstract

The purpose of the article is to analyze the linguistic techniques and strategies used in British satirical magazines, such as "Punch" and "Private Eye". The author considers specific features of the language, including ironic turns, wordplay, that emphasize social and political contexts. Special attention is paid to the linguistic features that make British humorous and satirical magazines unique, examining how specific linguistic means affect various spheres of society, as well as to achieve their comedic and critical goals.

Keywords: humor theory, pun, satire, irony, sarcasm, wordplay.

Аннотация

Целью статьи является анализ лингвистических приемов и стратегий, используемых в британских сатирических журналах, таких как "Punch" и "Private Eye". Автор рассматривает специфические особенности языка, в том числе иронические обороты, игру слов, которые подчеркивают социальный и политический контекст. Особое внимание уделяется лингвистическим особенностям, которые делают британские юмористические и сатирические журналы уникальными, исследуется, как специфические лингвистические средства влияют на различные сферы общества, а на способы достижения своих комедийных и критических целей.

Ключевые слова: теория юмора, каламбур, сатира, ирония, сарказм, игра слов.

The satirical tradition in its various manifestations and variations is one of the most powerful and specific features of English culture. At all stages of the development of the satirical tradition, writers and playwrights used a rich palette of techniques that have become traditional – irony, sarcasm, grotesque, allegory. Throughout the entire existence of English literature, satire has been one of its most remarkable and powerful sides. It is also characteristic that in the history of English literature satire as a way of critical attitude of writers to the surrounding reality, to social and moral vices in society is reflected in various literary genres, both epic and dramatic.

Over time, satire lost its significance for a particular genre, as was the case with other classical genres (elegy, idyll, etc.). Incriminating ridicule became the main feature of satire and defined its fundamental essence, which was expressed in various literary forms and genres. Jonathan Swift was one of the most important Anglo-Irish satirists and one of the first to engage in journalistic satire. For example, in an anonymously published "modest proposal", Swift "suggested" poor Irish parents to sell their children for consumption by representatives of the upper strata of English society. Swift justified his "proposal" as follows: to "prevent the children of the poor in Ireland from being a burden to their parents or their native country, and, on the contrary, to make them useful to society" [1, p. 175].

Irony and sarcasm are among the most frequent devices used in British humor. They are employed when one thing is said, but another, often mocking, is implied. Irony is the gentler form, often used in a friendly context as a lighthearted way to tease someone. Sarcasm, a less amiable and lighter form of irony, is found in everyday English and serves to insult, demean, or cruelly mock another person. Because the speaker intends for the listener to recognize the insult, it's generally easier to detect than irony. Irony is typically self-directed, whereas sarcasm is more often used to ridicule another.

Due to a comparative and stylistic analysis of the features of British satirical magazines, it was revealed that the most popular technique is a pun based on word games. "A pun is a complex linguistic phenomenon that plays with dual meanings, creating a discrepancy between

content and expression to produce a comic effect” [2, p. 159]. For English learners, understanding jokes based on word games helps to expand vocabulary, find differences between similar-sounding words and the meanings of the same word. The analytical magazine "Private Eye" used the following step as one of its groundbreaking headlines: "A new government initiative in the field of health encourages people to "intensify" their physical exercises. Unfortunately, this is just another step on the way to disappointment” [3].

In the 19th century, simultaneously with the development of humorous literature, the British school of caricature appeared and flourished, the main figure of which was George Cruickshank. The widespread dissemination of caricature is facilitated by the emergence of satirical magazines, the most famous of which – "Punch" – respond with drawings, comics and anecdotes to current political and public news, forming a demand for satire. And most importantly, humor as a part of social ideology is becoming available to almost all segments of the population. After several months of financial difficulties and lack of success in the market, "Punch" became popular in British living rooms thanks to its refined humor and absence of offensive material, especially against the backdrop of the satirical press of that time. In the past, the magazine has often used absurd situations for humor, literary allusions and references to classical culture to create a humorous effect for a more educated audience. For example, a cartoon showing a man trying to sell sand to desert residents makes fun of the absurdity of commercial enterprises that ignore the context [4]. The magazine was also known for its limericks and epigrams, which were used to convey humor and satire in a concise and memorable form.

At the moment, the most popular satirical magazine in Britain is "Private Eye". "The rapid development of the Internet media” [5, p. 39] allows the authors of the article and people all over the world freely use the electronic variant of this magazine. The publication became widely known for its harsh criticism and ridicule of public figures, and its popularity and influence over a long time are such that many of its recurring jokes have entered the popular culture of the United Kingdom. In addition to covering a wide range of current events, "Private Eye" is also known for highlighting the mistakes and hypocritical behavior of newspapers in the "Street of Shame" column, extensive investigative journalism is published in the "In the Back" section, often devoted to concealment of facts and unsolved scandals.

The regular "Colemanballs " column contains real but ridiculous quotes from the world of sports that demonstrate irony through a literal reading of metaphors or illogical statements by athletes and commentators: "We're going to go out there, give 110% and hopefully end up with 150% of the points." The magazine often publishes parodies of political speeches or official documents, using subtle humor and imitating the style of the original to emphasize the absurdity or duplicity, as well as a parody of the tabloid press called "Brass Eye", which imitates the style and content of sensational news in order to criticize them. Even when using sharp humor and satire, the magazine usually maintains a certain level of courtesy, avoiding rude or vulgar expressions. The "Doppelgangers" section of the "Private Eye" website, which features celebrities with their unusual doppelgangers, often uses witty puns to create humorous captions.

The linguistic and stylistic features of British humorous and satirical magazines include the use of idiomatic and colloquial language, puns, satire, wordplay, metaphors, irony and sarcasm. These features contribute to creating a vivid, memorable, comic effect, providing critical and entertaining content that is an integral part of British culture.

Satirical magazines occupy a special place in British life, performing a number of important functions. One of the most popular is social and political commentary. Satire serves as a tool for identifying and mocking the flaws of politicians, public figures, and institutions. It contributes to the preservation of democratic values and the accountability of power. With the help of magazines, society finds it easier to identify and discuss dissatisfaction or irony regarding current events, trends, and issues. For many, they are a favorite source of entertainment and information, helping to cope with the stress and difficulties of everyday life with humor and wit.

Satirical materials raise complex issues and stimulate public dialogue, forming an unconventional perspective on familiar things, which can contribute to the rethinking of established ideas. The use of irony and sarcasm, for example, allows these publications to address serious issues in an engaging and thought-provoking manner. Wordplay and puns invite readers to appreciate the creative potential of language, while parody and mimicry reflect societal and media practices, prompting reflection and sometimes reform. The use of cultural references ensures the satire resonates with the audience, maintaining relevance in a rapidly changing world. Simultaneously, the use of colloquial language and slang breaks down barriers between author and reader, fostering a sense of community and understanding.

In conclusion, the linguistic features of British humor and satirical magazines are integral to their success and enduring appeal. By skillfully blending humor with critique, these publications continue to influence public opinion and entertain readers, proving that language is a powerful tool in the art of satire.

1. Stein A. At the top of world literature. M., 1988. Pp. 175-260.
2. Urazmetova A.V. Pun as a stylistic device in the formation of phraseological units with toponyms (based on the material of English and French languages) // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2011. № 10(225). Pp. 159-161.
3. The magazine "Private Eye" [Electronic resource]. URL: <https://www.private-eye.co.uk/>
4. "Punch" magazine [Electronic resource]. URL: <https://www.punch.co.uk/>
5. Varukha I.V., Davletbaeva A.F. New Internet media as a unique phenomenon of modern communication // The peer-reviewed scientific journal "Trends in the development of science and education". April 2023 No. 96, Part 3 of the Ed. SIC "False Journal", 2023. – pp. 39-41. DOI: 10.18411/trnio-04-2023-125.

Sakhbigareeva E.R.

Category of transitivity and intransitivity of the English verb

*Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-218

Abstract

The article is devoted to the analysis of transitivity and intransitivity of verbs in modern English. The author considers the main principles of this category and stresses its features on the example of the English verb. Special attention is drawn to the peculiarities of subject-predicate-object relations, namely, how the transitivity of the verb affects the connection between the subject and the object.

Keywords: category of transitivity and intransitivity, object, subject, connection.

Аннотация

Статья посвящена анализу категории переходности и непереходности глаголов в современном английском языке. Автор рассматривает основные характеристики данной категории и подчеркивает ее особенности на примере глаголов в английском языке. Особое внимание уделяется особенностям субъектно-предикатно-объектным отношениям, а именно тому, как переходность глагола влияет на связь между субъектом и объектом.

Ключевые слова: категория переходности/непереходности, дополнение, подлежащее, связь.

The category of transitivity and intransitivity of verbs is a fundamental feature in language that plays a crucial role in determining the structure of sentences and the relationships between the elements within them. In English, verbs can be classified as either transitive or intransitive based on the number of arguments they require to form a complete sentence. This

distinction has significant implications for the syntax and semantics of sentences, as well as for the interpretation of the actions described by the verbs.

In English, transitive verbs typically follow a direct object, a noun or a noun phrase, that receives the action of the verb. Intransitive verbs do not take a direct object and do not require additional arguments to form a complete sentence. This distinction is essential for understanding the syntactic structure of sentences and the relationship between the verb and its arguments.

The category of transitivity-intransitivity also plays a role in semantic interpretation. Transitive verbs typically describe actions involving a change in state or interaction between entities. Intransitive verbs often describe states or actions without direct objects. This distinction helps understand the meaning of sentences and relationships between elements within them.

As noted by A.V. Bondarko, this category expresses the opposition between two meanings: "action is closed in the sphere of the subject" and "action passes to the object".

Transitive verbs indicate the "transition" of an action to an object and require a direct object to form a grammatically correct sentence. For example, in the sentence "I eat apples", the verb "eat" is transitive because it requires the direct object "apples" to complete the action, other examples: "to build a house", "to write a book", "to buy a book" and "to sell a book."

Intransitive verbs, on the other hand, do not require a direct object and can stand alone in a sentence. Verbs describing a physical or mental state are intransitive, such as "to be ill", "to sleep", "to be sad" and "to grieve". Additionally, intransitive verbs include those describing changes in appearance or state, such as "to turn white", "to blush", "to grow", "to melt" and "to dry". These verbs also include professional and non-professional occupations like "to teach" and "to cook". Finally, intransitive verbs describe characteristics or abilities, such as "to be lazy" [2, p. 118].

This category is not universally applicable. It is associated with the isolation of the object – complement category in language and with the presence of implicit differentiation between lexemes into transitive and intransitive. So, the distinction between transitive and intransitive verbs is not always clear-cut, as some verbs can be used both transitively and intransitively depending on the context. For example, the verb "open" can be used transitively in the sentence "She opens the door" or intransitively in "The door opens easily". In these cases, the transitivity of the verb is determined by the presence or absence of a direct object.

As noted by A.V. Bondarko, the "transition" of an action to an object can also have a figurative meaning. The researcher points out that figurative grammatical meanings are common in the language, and the category of transitivity belongs to this group of phenomena.

However, the value identified by A.V. Bondarko is not fully specified in content. It does not clarify the meaning of the "transition" of the situation described by the verb or the meaning of its concentration in the subject's sphere. In this article, we will attempt to clarify the meaning of the category of transitivity/intransitivity using the English language as a basis.

The "transition" from the subject to the object implies, firstly, a close connection of the subject with the object, i.e. contact with it, including figurative: verbal (*to invite someone, to inform someone*), emotional (*to love someone/something, to like someone/something, to hate someone/anything*) related to perception (*to see someone/something, to hear someone/something, to feel something*), having (*to have something*), etc.

And secondly, the "transition" from subject to object implies the presence of a certain perspective on the utterance. As Ch. Fillmore writes, the meaning of the verb implies a specific point of view on the situation described by it. For example, the verb "sell" describes a trading event from the perspective of the seller, while the verbs "buy" and "spend" describe the perspective of the buyer [4, p. 518]. This starting point is considered by the subject. Therefore, the transition from subject to object means that the verb represents a situation where a participant/object playing the role of the subject is the starting point of the utterance and a participant/object playing the role of direct complement is the point of reference related to the speaker.

Speaking about this concept of transition of an action/state from subject to object, it is important to illustrate it with a specific example. The sentence "Oliver received the package" is a transition construction where the action passes from subject (Oliver) to the object (package). Oliver is the starting point and the package is the point related to Oliver, which is closely associated with him. The meaning of this close relationship is expressed in the possession state that Oliver enters.

If transitivity expresses a close contact and a close connection (including figurative, related to sensations and perception, etc.) between the subject and the object, then it creates a "pressure" or "tension" between them. This "tension" is due to the fact that an intransitive verb expresses both the presence of a close connection and the insufficiency of that close connection. Intransitivity also expresses the close connection and insufficiency because it presupposes establishing an absent connection between the two.

It is important to mention the opposition of transitivity/intransitivity when an intransitive verb implements only the subject valence of a transitive verb. It shows how a transitive verb in intransitive use due to the fact that the action indicated by it focuses exclusively on the subject performing it, can be perceived as a peculiar characteristic of this subject, as a statement of the possibility for him to perform this action. An action that is not directed at a specific object is perceived not as being performed by the subject at the moment, but as one that can be carried out by him at all: *He writes a poem/novel – He writes* (it means that he is a poet / writer). Other examples include phrases such as: *He sings; The child can already read; He can't see well; He smokes.*

V.V. Burlakova drew attention to the opposition on transitivity/intransitivity when an intransitive verb implements only the object valence of a transitive verb. Based on the material of the English language, she noted the presence of verbs denoting similar actions in both transitive and intransitive use: *He hung the lamp – The lamp hung. He began the lesson – The lesson began. He rang the bell – The bell rang* [3, p. 43].

In conclusion, this article explored the concept of transitivity, which refers to a profound connection between a subject and an object. This relationship can be metaphorical or related to sensory experiences, perception, and other abstract concepts. Conversely, intransitivity denotes either the complete absence of an object, or the absence of a sufficiently strong connection between the subject, the object, or a particular circumstance.

1. Amatov A.M., Onishchenko A.V. Typological aspect of verbal transitivity // Bulletin of Bashkir State University. Series "Philology and Art Criticism", 2009. No.3. Ufa: BSU, 2009. pp. 784-787.
2. Bondarko A.V. Transitivity/intransitivity of the verb in the system of subject-predicate-object relations // Theory of functional grammar. Subjectivity. Objectness. The communicative perspective of utterance / ed. by A. V. Bondarko. St. Petersburg: Science, St. Petersburg Publishing House, 1992. pp. 114-125.
3. Burlakova V. V. Syntactic structures of the modern English language. Moscow: Education, 1984. 112 p.
4. Fillmore C.J. The case for case reopened // New in foreign linguistics / comp. and the general editorship of V. A. Zvegintsev. M.: Progress, 1981. pp. 496-530.

Slukinova K.A.

Analysis of the Student Jargon of the Britain's Oldest Universities

*Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-219

Abstract

This article provides a comprehensive analysis of the student jargon used at the oldest universities in Britain, namely Oxford and Cambridge. It explores the linguistic and cultural characteristics of the language commonly used by students, highlighting how it shapes the social and academic dynamics of these historic institutions. By examining the unique vocabulary,

phrases, and expressions specific to these universities, the research aims to offer insight into the academic identity of students.

Keywords: jargon, student jargon, oxford university, cambridge university, academic identity.

Аннотация

В этой статье представлен всесторонний анализ студенческого жаргона, используемого в старейших университетах Великобритании, а именно в Оксфорде и Кембридже. В ней исследуются лингвистические и культурные особенности языка, который обычно используют студенты, и подчёркивается, как он влияет на социальную и академическую динамику этих исторических учреждений. Изучая уникальный словарный запас, фразы и выражения, характерные для этих университетов, исследование стремится дать представление об академической идентичности студентов.

Ключевые слова: студенческий жаргон, оксфордский университет, кембриджский университет, академическая идентичность.

Student jargon, or slang, is an integral part of the culture of higher education institutions around the world. It is particularly interesting to study this linguistic phenomenon by using the example of the oldest universities in Great Britain, such as Oxford and Cambridge, which history dates back centuries. Student slang at these institutions has evolved over the years, reflecting the social, cultural, and linguistic characteristics of the academic environment. Fortunately, contemporary media allows a researcher to investigate different phenomena being remote from them [1, p. 67]. “It was found that slang is one of the important elements (attributes) of a student's social status, as it demonstrates belonging to a specific group and indicates the position a person occupies in the university hierarchy. Slang allows to describe everyday reality in the most concise, accessible, emotional and comprehensive way, while expressing one's attitude towards it (event, action, etc.)” [4, p. 106-107].

The process of forming student jargon illustrates how dynamically a language can change and adapt within closed linguistic communities influenced by numerous factors. This raises the question of what elements have shaped the student jargon of Oxford and Cambridge, and how have they exerted their influence. To answer this, the author of the article conducts a linguistic analysis of the units that make up student jargon.

A total of 732 items were extracted using the frontal analysis method, 160 of which were from “Oxford Glossary” and 572 from “Cambridge University Jargon” [3]. Based on these data, it is possible to consider the classification of jargon by topic of use. The units of student jargon of the oldest universities in the UK can be classified according to various criteria. For example, by origin they are divided into Latin and Greek loanwords, English words with modified meaning and words formed by abbreviation. By subject matter, jargon is divided into academic, social and that which denotes different types of students. Historically, jargonisms may have been preserved since the founding of the university or may be modern. There are also local jargons, used only in certain educational institutions, and universal, common to all British universities. Depending on the meaning, jargon can be neutral or ironic.

By origin we can distinguish Latin and Greek borrowings, such as “subfusc” (from Latin *sub fuscus*) — a form of dress for examinations, and “magister”, which has a Latin root and the meaning of a teacher or supervisor. Secondly, there are English words with modified meanings, such as “dean”, which can mean not only dean but also senior student, and “fellow”, which denotes a teacher-researcher. Finally, there are words formed by abbreviation, such as “tute” (short for *tutor*) and “lab” (abbreviation for *laboratory*). We can observe how language adapts and changes within the academic community.

The subject of student jargon covers different aspects of university life. In studies, there are terms such as “essay crisis” which means stress before passing an essay, “all-nighter” is a sleepless night at textbooks, and “revision” — an exam preparation. In the social sphere, “bop” — student parties, “fresher's week” is the first week of freshmen full of events, and “societies” — interest clubs are popular. The jargon also distinguishes between the types of students: “freshers” means beginners, “finalists” — graduates, and “postgrads” — graduate students. All these terms help to describe and organize the educational and social experience at the university.

Historically, student jargon can include both ancient terms that have survived since the founding of the university, and modern expressions. For example, in Oxford and Cambridge, archaic expressions such as “proctor” — university inspector are still used, and among modern jargon words such as “hacking” in the meaning of “hacking” and “vlogging” — video blogging. These examples show how the student vocabulary changes along with society, while remaining connected to the history of universities.

Jargon in British universities can be both local and universal. For example, Cambridge hosts an annual “May Ball”, which is held after the completion of exams in May. In Oxford, the word “Scout” refers to a cleaner or maid in dormitories. Universal terms include “Graduation” — a graduation ceremony, and “Seminar” — group discussions under the guidance of a teacher. This shows how local traditions and customs are intertwined with commonly used terms, creating a unique atmosphere for each university.

University jargon encompasses a wide range of expressions, varying in their meaning and tone. Some terms are neutral, serving strictly practical purposes, while others carry an ironic undertone, adding a touch of humor to academic life. For instance, neutral jargon includes words like “syllabus” which refers to the detailed outline of a course, covering topics, assignments, and exams, and “term paper” — a research paper written over the course of a semester and typically due at its conclusion. Conversely, ironic jargon introduces elements of playfulness, such as “viva” — an oral examination that is sometimes mentioned humorously to lessen its perceived severity, and “hoodie day” — the day when students choose informal attire, specifically for hoodies instead of formal dress, gently mocking traditional dress codes. Thus, university jargon serves not only as a tool for communication but also as a means of navigating the complexities of academic culture, blending practicality with playfulness to enrich the overall educational experience [2, 3].

The analysis of vocabulary revealed a variety of ways of forming jargonisms: from borrowings from Latin and modern languages to truncations and abbreviations, which indicates the flexibility and vivacity of this linguistic layer. From the above, we can conclude that Student jargon is a dynamic and mobile phenomenon, it does not stand still, but is constantly enriched with new words and expressions, reflecting changes in society, technology development and globalization processes; this is not just a way of communication, but a kind of cultural code that helps students adapt to a new to feel like a part of the student community and keep in touch with the centuries-old traditions of British higher education.

Answering the question posed at the beginning, we can say that the student jargon of Oxford and Cambridge was formed under the influence of historical heritage, academic culture, social hierarchy and traditions, the unique identity of colleges, geographical isolation and literary influences. These factors have created a unique language environment, which is preserved and developed through the transfer of knowledge between generations of students.

Further research in this area may be aimed at a comparative analysis of the student jargon of various universities, as well as at studying the impact of globalization and digital technologies

on students' language practices. This will not only preserve unique cultural traditions, but also adapt them to modern conditions, ensuring continuity and development of university culture.

In conclusion, the student jargon of Britain's oldest universities is an important and multifaceted phenomenon reflecting both the historical heritage and the modern realities of university life. Its study allows for a deeper understanding of the cultural and social processes taking place in the university environment, and to identify the mechanisms of formation and maintenance of group identity among students.

1. Varukha I.V., Davletbaeva A.F. Media representation of axiological concepts in the space of socio-cultural texts // Peer-reviewed scientific journal "Trends in the development of science and education". March 2023 No. 95, Part 2 of the Ed. SIC "LJournal", 2023. – pp. 67-69. DOI: 10.18411/trnio-03-2023-74
2. Oxford Glossary // University of Oxford [Electronic resource]. URL: <https://www.ox.ac.uk/about/organisation/history/oxford-glossary>. October, 2024 (date of access: 30.10.2024).
3. R.D.H. Walker. Cambridge University Jargon // [Electronic resource]. URL: https://atleb.tripod.com/ordbok/glossary_of_cambridge_jargon.htm. January, 1997 (date of access: 30.10.2024).
4. Talanov S.L. Youth slang in student's speech: role in communication, scale of distribution, causes and peculiarities of usage // Bulletin of the Alma mater Higher School. October, 2023 No. 10, – pp. 106-117. DOI:10.20339/AM.10-23.106

РАЗДЕЛ X. ЖУРНАЛИСТИКА

Дмитриева К.Д., Новикова М.В.

Имидж современного журналиста на примере Дмитрия Масленникова

Воронежский государственный технический университет
(Россия, Воронеж)

doi: 10.18411/trnio-12-2024-220

Аннотация

Имидж как коммуникативная технология рассматривает особенности формирования образа, определяет функции и роли имиджа в целом и характеристик имиджа журналиста. В данной статье мы пытаемся рассмотреть имидж современного журналиста на примере Дмитрия Масленникова. Исследование посвящено изучению позиционирования его персоны в СМИ.

Ключевые слова: имидж, Дмитрий Масленников, блогер, онлайн присутствие, журналистика, медийное пространство.

Abstract

Image as a communication technology considers the features of image formation, defines the functions and roles of the image as a whole and the characteristics of the image of a journalist. In this article, we are trying to consider the image of a modern journalist using the example of Dmitry Maslennikov. The study is devoted to the study of the positioning of his persona in the media.

Keywords: image, Dmitry Maslennikov, blogger, online presence, journalism, media space.

Прежде чем давать характеристику конкретной медийной персоне, отметим, что имидж журналиста является ключевым фактором в его деятельности. Для формирования положительного имиджа следует определить цели и задачи, оценить качества и навыки человека. Важно уделять внимание внешнему виду, манере общения, жестикуляции и мимике.

Имидж создается в процессе деятельности, поэтому следует сосредоточиться на позитивных характеристиках, а нежелательные черты корректировать или интерпретировать иначе. Согласно структуре личного имиджа, предложенной А. Ю. Панасюком, он с точки зрения формирующих его факторов включает следующие составляющие:

- габитарная (от лат. *habitus* – внешность) – одежда, прическа, обувь, аксессуары, макияж, парфюмерия, силуэт;
- кинетическая – осанка, походка, жестикуляция, мимика (выражение лица, улыбка, направление и продолжительность взгляда);
- речевая – культура устной и письменной речи, грамотность, стиль, почерк;
- средовая – созданная человеком среда обитания (интерьер квартиры, оформление кабинета, порядок на рабочем столе и т. п.);
- овеществленная – продукты труда человека.

Когда говорят об имидже человека, то имеют в виду:

- имидж среды (как выглядит его офис, кабинет, автомобиль);
- овеществленный имидж (предметы, которые человек создал и которыми он пользуется: написанное письмо, визитная карточка, подарки и цветы, которые он вручает);

- вербальный (от лат. *verbalis* – словесный) имидж (манера говорить и писать);
- кинетический имидж (невербальные средства общения: жесты, мимика и телодвижения);
- габитарный имидж (костюм, прическа, аксессуары и др.);
- ментальный имидж (мировоззренческие и морально-этические установки, социальные стереотипы) [1.Панасюк 2022, с. 104]. В связи с этим можно предложить модель для анализа имиджа журналиста.

1. Визуальное восприятие: внешний вид, одежда, прическа и аксессуары играют важную роль в формировании имиджа. На все эти элементы аудитория обращает внимание в первую очередь. Опрятный и профессиональный внешний вид может внушать доверие и уважение.
2. Вербальная коммуникация: способность выражать себя в устной и письменной форме имеет решающее значение для создания эффективного имиджа. Умение общаться и передавать сообщения ясным и убедительным образом помогает удерживать внимание и интерес аудитории.
3. Невербальное поведение: язык тела, жесты и выражение лица могут передавать важные сообщения и либо улучшать, либо подрывать имидж. Уверенная осанка, открытая улыбка и соответствующие жесты создают впечатление компетентности и дружелюбия.
4. Личностные качества: честность, надежность, этичность, сострадание и пр. Они отражаются в наших действиях и взаимодействиях, формируя прочный и заслуживающий доверия имидж. Отметим, что хорошо подчеркнутые личностные качества могут стать «изюминкой» человека.
5. Репутация: строится с течением времени и представляет собой общее восприятие человека или организации другими, основывается на доверии аудитории, которое зарабатывается путем последовательной и этичной работы.

Журналисты могут строить свою репутацию, участвуя в профессиональных организациях, получая награды и признания и поддерживая высокие стандарты работы. Со временем приверженность правильным принципам и работа над предоставлением точной, объективной и значимой информации помогут выстроить прочную и уважаемую репутацию.

6. Онлайн-присутствие: в современном цифровом мире оно стало неотъемлемой частью имиджа. Профессиональные профили в социальных сетях, информативные веб-сайты и положительные отзывы в Интернете могут укрепить имидж и расширить охват.

Начнём с характеристики внешнего вида. Если ввести соответствующий запрос в Google, можно увидеть, насколько Масленников позитивный, дружелюбный, но и «с хитрецой»: ему будто бы доступны тайные знания. Сейчас ему 29 лет, и трудно сказать, выглядит ли он на свой возраст. С одной стороны, он почти всегда улыбается, обладает выразительной мимикой и пластикой, одевается, как молодые люди своего возраста. С другой стороны, его образ создаёт впечатление солидности. Такому журналисту хочется доверять: когда нужно, он собранный и серьёзный, а значит, ему под силу самостоятельно расследовать загадочные истории и рассказывать о них подписчикам. Он стройный, подтянутый, всегда в движении, это дополнительный плюс и характеристика, дополняющая образ «следопыта».

На рисунке 1 представлены результаты поисковой выдачи по запросу «Дмитрий Масленников».

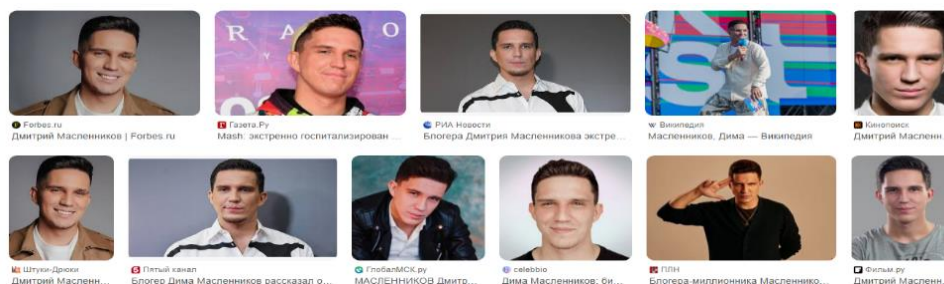

Рисунок 1. Результаты выдачи по запросу «Дмитрий Масленников».

Такое же впечатление складывается, если посмотреть обложки видеороликов Дмитрия Масленникова. Даже когда он куда-то карабкается и что-то расследует, его одежда не выглядит отталкивающе грязной, не «перетягивает» внимание. Аксессуаров у блогера минимальное количество, в основном они нужны «для дела», то есть при съёмке контента. Причёска самая обычная, без экстравагантности. Часто присутствуют головные уборы и защитные очки, без которых в «заброшках» и на природе не обойтись (рисунок 2).

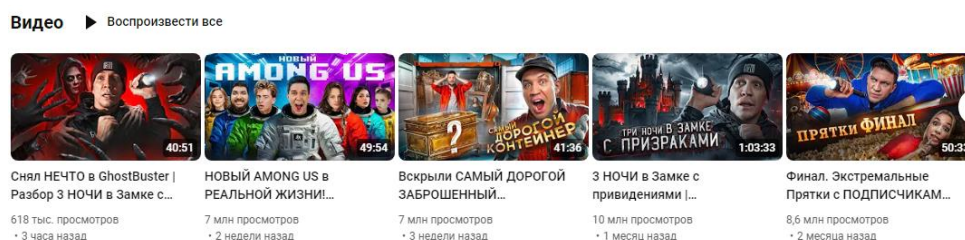

Рисунок 2. Обложки видеороликов Дмитрия Масленникова.

В целом внешний вид Дмитрия демонстрирует посыл: «Я знаю, что говорю».

Если рассмотреть вербальную коммуникацию, можно отметить, что блогер грамотно говорит и пишет, однако в его видеороликах проскальзывают ошибки (рисунок 3).

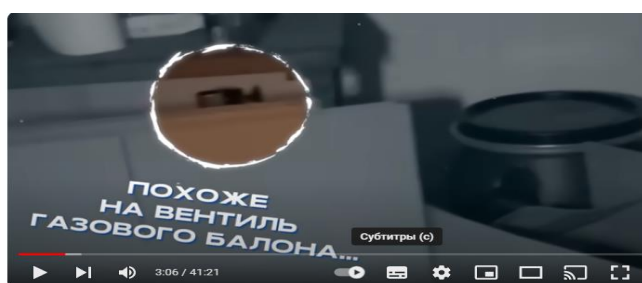

Рисунок 3. Ошибка в видеоролике Дмитрия Масленникова.

Такие «ляпы» вряд ли заставят целевую аудиторию блогера задуматься о его профессионализме, но для журналиста такое недопустимо. Однако речь у Дмитрия Масленникова поставлена хорошо, хотя слова-паразиты он иногда использует. Другие заметные характеристики – повторение одной и той же конструкции, пока блогер что-то разбирает (например, «шансы есть, шансы есть...»), использование слов-займований («я дрогну этот видос дня через два»). Как на YouTube, так и в «кружочках» телеграм-канала блогера это выглядит естественно и допустимо, поскольку у него молодая аудитория. А вот людям постарше что-то может быть не совсем понятно. При этом любые вопросы отпадут при просмотре видео, где даются не только визуальный ряд и соответствующая музыка, но и подробные пояснения происходящего.

Даже по нескольким скриншотам заметно, как часто журналист использует открытую позу и жесты. Где-то он готов обнять весь мир, а где-то – «впитать» максимум правдивой информации от человека напротив.

Далее имеет смысл поговорить о личных качествах блогера. Об этом красноречивее всего говорят его поступки. Вот, например, информация о помощи пострадавшим в теракте в «Крокус Сити Холле»: «Блогер Дима Масленников опубликовал в Telegram-канале скриншот своего банковского перевода благотворительному фонду «Российский Красный Крест» в размере 1 млн рублей. «Не могу остаться в стороне. Помощь каждого сейчас бесценна!» – подписал свой пост блогер, сопроводив его ссылкой на сайт фонда. Масленников также выразил свои соболезнования фразой: «Крокус. Скорбим» [2].

Хотя о добрых делах журналист обычно не распространяется, предпочитая уделять больше внимания работе. По его собственному признанию, экспедиции и исследования, такие, как посещение перевала Дятлова, – это тоже помощь – будущим исследователям [3].

В том же интервью Масленников осторожно и тактично высказывается о личной жизни, обозначая её границы: девушка есть, а кто именно – можно и не уточнять.

За всё время работы журналист не замечен ни в одном громком скандале. Максимум – ему приписывали романы с медийными персонами, например, Клавой Кокой. И во многом, наверное, потому, что журналист со всеми держится доброжелательно и старается найти «общую волну». Никаких его скандальных высказываний в Сети мы не обнаружили, что говорит о профессионализме и отказе от чёрного пиара. Это в том числе отражает следующую характеристику для анализа имиджа – репутацию.

О репутации во многом говорит выбор блогером продукции или услуг, которые он рекламирует. Никаких казино, тотализаторов и прочих «гостей с чёрного рынка», которыми «грешат» многие его коллеги. Вполне адекватные маркетплейсы, услуги связи, места питания с ненавязчивой подачей, сервисы, которые действительно могут пригодиться представителям его целевой аудитории и которые уже достаточно активно используются и могут себе позволить оплату дорогой рекламы (рисунок 7).

🔥 Внимание, друзья! 🔥

Вы помните, как я не нашел всех участников в финале экстремальных прятков с подписчиками... поверьте моему опыту, поиски это сложно! Особенно, когда это касается подарков близким! Но есть лайфхак, облегчающий жизнь.

Я про Удивляй распродажу на Ozon! До 12 марта тут реально можно найти себе и близким что-то потрясающее! От стильной одежды и обуви до крутой бытовой техники – это и многое другое со скидками до 80%! Не упустите шанс порадовать себя и своих близких!

Ozon – это маркетплейс, где каждый найдет что-то по душе. И доставка у них очень удобная – курьером до двери или в пункты выдачи.

Кстати, при заказе одежды и обуви в ПВЗ, товары можно оплатить после примерки. Удобно, правда?

Так что не тяните, лучше мчитесь на @ozonru и радуйтесь сэкономленному времени! ✨

Рисунок 7. Реклама на канале Дмитрия Масленникова.

Заключительный показатель – онлайн-присутствие. Его у журналиста достаточно: новые видеоролики появляются примерно раз в десять дней, и их долгое отсутствие, как это было полгода назад и в начале 2023 года, вызывают у пользователей и СМИ тревогу. У Масленникова проблемы с сердцем. Как пишут некоторые издания, они связаны с употреблением алкоголя, что бросает тень на положительный имидж журналиста.

Однако, есть и другие, более реалистичные версии: «Блогер был госпитализирован в кардиологическое отделение одной из московских больниц, где медики диагностировали у него пароксизм фибрилляции предсердий. От нарушений ритма сердца Масленников страдает последние 15 лет» [4]. Учитывая, что сейчас блогеру 29, вряд ли эти проблемы возникли из-за алкоголизма, и люди с критическим мышлением это хорошо понимают.

Контент в телеграм-канале Дмитрий публикует относительно регулярно, с промежутком от одного дня до 5-6 дней. Это и фотографии с подписью, и «кружочки», и фотоподборки, и просто интригующие тексты. Чаще всего анонсируются новые видео, а сам журналист делится впечатлениями. Отрицательные реакции и комментарии в его канале отключены, что позволяет сохранять положительный имидж визуально.

«ВКонтакте» публикации также появляются почти каждый день. Это и комиксы, и фотографии из жизни, и подводки к новым роликам, причём комментарии для пользователей открыты, и все они касаются обсуждения контента. Отрицательных характеристик нами обнаружено не было.

В заключение приведём отзыв под заголовком «За что так любят Дмитрия Масленникова» [5]. Это хорошее резюме его имиджа (рисунок 8).

Во - первых, Дмитрий снимает то, что интересно зрителям (большой аудитории). Хотите мистики? Вот вам. Нужны лайфхаки? Берите. Хотите посмеяться? От души, не жалко. Грата денег на ветер? Натё.
Во - вторых, его Гостбастер - это нечто. Половина аудитории точно пришла с него (если не больше!). Здесь комментарии и слова излишни - нужно смотреть самостоятельно.
В - третьих, харизматичная подача материала. Масленников даже самое неаппетитное способен преподнести так, что вам будет казаться, будто перед вами редчайший деликатес.
В - четвертых, качество съёмки. Графика, спецэффекты, оборудование, да и сами идеи роликов.
В - пятых, популярность. Чем больше говорят - тем больше интерес. Даже те же самые "разоблачаторы" смотрят ролики Дмитрия, чтобы записать свои (с этого я смеюсь, до слез, а в голове крутится: "Лицемеры или лошары - вот в чем вопрос?").
Ну и в шестых (на десерт). Масленников даёт надежду на то что каждый так сможет. Простой челябинский парень хапнул целеустремленности и стал богачом. Ну мечта же)) Только, к сожалению, мало кто понимает, что за этим скачком скрывались годы поисков себя, направлений деятельности, бессонных ночей, неудачных попыток и разочарований.

Рисунок 8. Отзыв о Дмитрии Масленникове.

1. Панасюк А. Ю. Формирование имиджа: стратегия, психотехника, психотехнологии / А. Ю. Панасюк. Москва: ОМЕГА-Л, 2008. 266 с.
2. Портал отзывов «iRecommend» [Электронный ресурс]. – URL: <https://irecommend.ru/> (дата обращения: 29.03.2024).
3. YouTube-канал «Алёна, блин!» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/@HEATshowbiz> (дата обращения: 15.04.2024).
4. Утро.ру [Электронный ресурс]. – URL: <https://utro.ru/> (дата обращения: 08.04.2024).
5. М.В. Чапаева / ПРОЕКТИРОВАНИЕ ИМИДЖА [Электронный ресурс]. - URL : <https://studfile.net/preview/20980845/>

Хань С.

**Эволюция цифровой журналистики:
роль социальных медиа в трансформации новостного контента**

*Белорусский государственный университет
(Беларусь, Минск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-221

Аннотация

В данной работе исследуется влияние социальных медиа на эволюцию цифровой журналистики и трансформацию новостного контента. Рассматриваются изменения в методах сбора, производства и распространения новостей под воздействием социальных платформ. Особое внимание уделяется взаимодействию между журналистами и аудиторией, а также новым формам повествования, возникшим благодаря социальным

медиа. Анализируются как положительные, так и отрицательные аспекты этого влияния, включая вопросы достоверности информации и этики в журналистике.

Ключевые слова: цифровая журналистика, социальные медиа, новостной контент, взаимодействие с аудиторией, достоверность информации, этика в журналистике.

Abstract

This paper examines the impact of social media on the evolution of digital journalism and the transformation of news content. It explores changes in news gathering, production, and dissemination methods influenced by social platforms. Special attention is given to the interaction between journalists and audiences, as well as new storytelling forms that have emerged due to social media. Both positive and negative aspects of this influence are analyzed, including issues of information credibility and journalistic ethics.

Keywords: digital journalism, social media, news content, audience engagement, information credibility, journalistic ethics.

С появлением социальных медиа методы сбора и распространения новостей претерпели значительные изменения. Традиционные источники информации, такие как официальные пресс-релизы и интервью, дополнились данными из социальных сетей, где пользователи часто первыми сообщают о событиях. Журналисты начали активно использовать платформы, такие как Twitter и Facebook (деятельность организации Meta Platforms Inc., ее продуктов Instagram и Facebook запрещена на территории Российской Федерации), для мониторинга новостей и поиска источников. Это позволило ускорить процесс получения информации и сделать его более разнообразным.

Однако такая зависимость от социальных медиа привела к новым вызовам. Информация, распространяемая в социальных сетях, не всегда проверена, что повышает риск распространения недостоверных данных. Журналисты вынуждены тратить больше времени на проверку фактов и оценку надежности источников, что усложняет их работу.

Социальные медиа изменили характер взаимодействия между журналистами и аудиторией. Пользователи получили возможность напрямую комментировать новости, делиться ими и участвовать в их обсуждении. Это привело к появлению новых форм повествования, таких как лонгриды, инфографика и мультимедийные истории, которые лучше соответствуют ожиданиям современной аудитории. Кроме того, журналисты начали использовать социальные медиа для продвижения своих материалов и установления личного бренда. Они активно взаимодействуют с читателями, отвечают на вопросы и участвуют в дискуссиях, что повышает уровень доверия и лояльности аудитории.

Социальные медиа предоставили журналистам уникальные инструменты для работы, которые значительно изменили традиционные подходы к сбору, обработке и распространению новостей. Благодаря таким платформам, как Twitter, Facebook и Instagram (деятельность организации Meta Platforms Inc., ее продуктов Instagram и Facebook запрещена на территории Российской Федерации), журналисты могут оперативно отслеживать актуальные события, устанавливать прямой контакт с очевидцами и участниками событий, а также распространять новости среди широкой аудитории практически мгновенно. Это значительно ускорило процесс предоставления информации, особенно в условиях чрезвычайных ситуаций, кризисов и важных общественных событий.

Социальные платформы также сыграли важную роль в демократизации информации. Каждый пользователь сегодня может стать своего рода "гражданским журналистом", публикуя фото, видео и текстовые сообщения о происходящих вокруг событиях. Это особенно важно в странах и регионах, где традиционные СМИ подвергаются цензуре или ограничиваются в своих возможностях из-за экономических

или политических факторов. Социальные медиа позволяют обходить эти ограничения, предоставляя платформу для разнообразных точек зрения и мнений. Например, протестные движения в разных странах часто находили поддержку и аудиторию именно через социальные сети, где информация распространялась свободно и быстро.

Однако такой демократичный подход имеет и обратную сторону. Социальные медиа стали каналом для распространения недостоверной информации, фейковых новостей и слухов. Журналисты сталкиваются с необходимостью проверять факты, полученные из непроверенных источников, что усложняет их работу и увеличивает риск публикации недостоверных данных. Например, сенсационные, но ложные сообщения часто распространяются быстрее, чем официальные разъяснения, что создает искаженное восприятие ситуации у аудитории.

Проблема достоверности информации особенно актуальна в контексте конкуренции журналистов с непрофессиональными создателями контента. Блогеры, активисты и даже случайные пользователи социальных сетей могут распространять материалы, которые выглядят убедительно, но не проходят профессиональную проверку. Это снижает доверие к традиционной журналистике, которая вынуждена бороться за внимание аудитории в условиях перенасыщенности информационного пространства.

Кроме того, возникает серьезный этический вопрос использования информации из социальных медиа. Посты, фотографии и видео, опубликованные в социальных сетях, формально находятся в публичном доступе, но их использование журналистами может вызывать споры. Например, публикация личных данных или изображений без согласия автора может нарушать права на конфиденциальность и ставить под угрозу репутацию людей. Это требует разработки новых стандартов журналистской этики, которые учитывали бы особенности цифровой среды.

Эти вызовы подчеркивают необходимость пересмотра профессиональных подходов в журналистике. Для сохранения доверия аудитории журналистам необходимо не только адаптироваться к новым условиям работы, но и активно работать над созданием прозрачных стандартов верификации информации. Одним из возможных решений может стать использование технологий искусственного интеллекта для автоматической проверки фактов, а также обучение журналистов более эффективным методам анализа и обработки данных.

Таким образом, социальные медиа, с одной стороны, открывают перед журналистикой новые горизонты, предоставляя инструменты для оперативной и разнообразной работы, но с другой стороны, требуют ответственного подхода к проверке информации и соблюдению этических стандартов. Традиционные СМИ, которые сумеют интегрировать эти технологии и подходы в свою практику, смогут не только сохранить свою актуальность, но и укрепить доверие аудитории в условиях цифровой эпохи.

Социальные медиа оказали значительное влияние на цифровую журналистику, трансформировав методы сбора, производства и распространения новостного контента. Они предоставили новые возможности для взаимодействия с аудиторией и демократизации информации, но также привели к новым вызовам, связанным с достоверностью данных и этическими вопросами. Журналистам необходимо адаптироваться к этим изменениям, разрабатывая новые подходы к проверке информации и взаимодействию с аудиторией, чтобы сохранить доверие и авторитет в условиях цифровой эпохи.

1. Чжэн Инси. Журналистика в эпоху цифровых технологий: влияние социальных медиа на общество и профессию // Научный журнал. 2023. №11. С. 4-12.
2. Червоняций В.В. Цифровая трансформация журналистики: роль креатива и диджитал-технологий // КиберЛенинка. 2023. С. 22-27.

РАЗДЕЛ XI. КАРТОГРАФИЯ

Азнаева А.А., Хафизова Г.Ф., Вильданов И.Р.
Программа карты достопримечательностей
Гафурийского района Республики Башкортостан

Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)

doi: 10.18411/trnio-12-2024-222

Аннотация

В данной статье представлена программа «Карта достопримечательностей Гафурийского района Республики Башкортостан», направленная на популяризацию и сохранение культурного наследия региона. Гафурийский район, обладающий богатой историей и уникальной природой, предлагает множество интересных мест для посещения, включая исторические памятники, природные заповедники и культурные центры. В рамках программы разработана карта, которая поможет туристам и местным жителям узнать больше о значимых объектах данного района.

Ключевые слова: проектирование карт, составление карт, программа карты Гафурийского района.

Abstract

This article presents the program "Map of the sights of the Gafuriysky district of the Republic of Bashkortostan", aimed at popularizing and preserving the cultural heritage of the region. The Gafuri district, which has a rich history and unique nature, offers many interesting places to visit, including historical monuments, nature reserves and cultural centers. As part of the program, a map has been developed that will help tourists and local residents learn more about significant sites in the area.

Keywords: map design, mapping, Gafuri district map program.

Программа карты состоит из 8 пунктов и включает следующие обязательные элементы: назначение карты, математическая основа, содержание карты, способы изображения и оформления, принципы генерализации, информационная база, географическая характеристика территории, технология изготовления карты [4].

Программа «Карта достопримечательностей Гафурийского района» представляет собой уникальный проект, направленный на привлечение туристов и популяризацию культурного наследия этого живописного региона. Гафурийский район, расположенный в живописной местности, изобилует природными красотами и историческими памятниками. В рамках программы была разработана карта, на которой отмечены самые значимые достопримечательности, в том числе архитектурные памятники, природные заповедники и места, связанные с местными традициями и культурой.

Карта достопримечательностей Гафурийского района Республики Башкортостан представляет собой важный инструмент для понимания культурного и природного многообразия этого региона. В Гафурийском районе есть много пещер и скал, гор, а также присутствуют минеральные источники и памятники культуры. Данная карта полезна в первую очередь местным жителям и туристам, посещающих это район, а также студентам и школьникам, изучающим историю природных объектов и достопримечательностей этого района.

Карта достопримечательностей Гафурийского района Республики Башкортостан по назначению является научно-справочной, по масштабу – среднемасштабной, по охвату

территории – районная, по содержанию – тематическая, предназначена для решения отдельных видов задач, то есть эта карта узкой направленности.

Также данная карта классифицируется по формату и способу использования, так как размер карты 210×297 миллиметров, карта достопримечательностей является среднемасштабной (настольной).

На карте подробно отражена информация о всех природных объектах района, указаны географические объекты (гидрография, населенные пункты, дороги).

Карта достопримечательностей создаётся для различных групп лиц, заинтересованных в изучении и посещении природного и культурного разнообразия региона. Прежде всего, такая карта будет полезна туристам, позволяя им лучше понимать культурные и природные достопримечательности района. Учебные заведения, научные сотрудники и студенты также найдут в ней бесценный ресурс для исследовательской работы, изучения истории происхождения мест, начиная от домов-музеев до скал и пещер.

Для составления карты достопримечательностей Гафурийского района была выбрана поперечно–цилиндрическая равноугольная проекция Гаусса–Крюгера, так как ее применение позволяет отобразить картографируемую территорию с минимальными искажениями углов.

Для достижения максимальной четкости и наглядности карты, а также для ее компактного размещения был выбран масштаб карты 1:500 000, данный масштаб позволяет полностью разместить карту в формате бумаги А4.

Содержание карты достопримечательностей Гафурийского района Республики Башкортостан включает в себя две части: географическая основа и тематическое содержание карты.

На данной карте элементами географической основы будут являться: населенные пункты, гидрография и дорожная сеть.

К тематическому содержанию будут отнесены все другие элементы содержания (природные объекты и достопримечательности). Таким образом, на данной карте будут представлены все необходимые элементы содержания, свойственные данной тематике.

При создании данной карты, основными способами изображения будут способ значков и линейных знаков. Данную карту целесообразно составлять в графическом редакторе Corel DRAW, данная программа обладает широкими возможностями создания условных знаков, карта получается красочная и наглядная, так же удобно работать с несколькими слоями карт.

В соответствии с принципами генерализации на данной карте указываются объекты, соответствующие ее назначению, тематике и масштабу.

На карте изображаются: граница Гафурийского района; географическая основа (населенные пункты, гидрография и дорожная сеть); условные обозначения природных и культовых объектов.

Для сбора информации при создании карты достопримечательностей Гафурийского района были использованы различные источники информации.

Основная информация для карты была получена на сайте Муниципальный район Гафурийский район Республики Башкортостан и других интернет-источниках. Проанализировав собранную информацию, был составлен список культовых и природных объектов и их расположение в районе.

Программа «Карта достопримечательностей Гафурийского района Республики Башкортостан» представляет собой важный шаг в развитии туризма и сохранении культурного наследия данного региона. Основная цель этой инициативы — сделать достопримечательности Гафурийского района более доступными как для местных жителей, так и для туристов, что, в свою очередь, способствует экономическому росту и улучшению имиджа района.

Составление карты позволяет не только визуализировать важные исторические и природные объекты, но и дать путешественникам возможность легко ориентироваться на местности, планируя свои маршруты.

Эта программа также может стать основой для новых инициатив, таких как организация экскурсионных маршрутов, тематических туристических мероприятий и активное вовлечение местного населения в процессы развития туризма. Поддержка инициаторов программы со стороны местных властей и жителей, а также участие в ней предпринимателей могут сыграть ключевую роль в ее успешной реализации и интеграции в общероссийскую туристическую инфраструктуру.

В заключение отметим, что программа «Карта достопримечательностей Гафурийского района» является не только инструментом для развития туризма, но и важным шагом в сохранении уникального культурного и природного наследия Башкортостана, что, безусловно, привлечёт внимание к этому прекрасному региону.

Готовая карта представлена на рисунке 1.

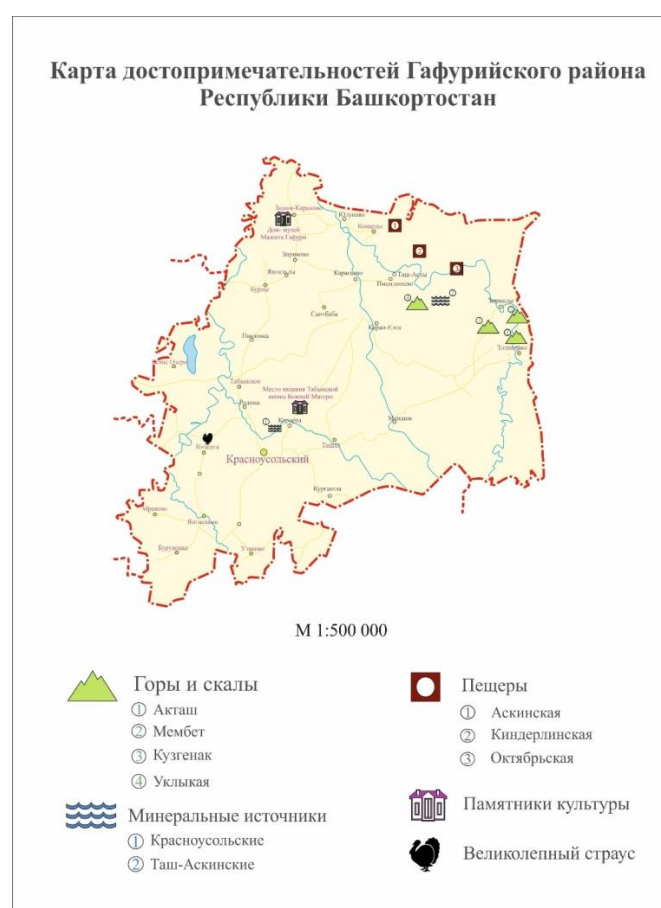

Рисунок 1. Карта достопримечательностей Гафурийского района Республики Башкортостан.

1. Муниципальный район Гафурийский район Республики Башкортостан [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС]. – Режим доступа: <https://gafury.bashkortostan.ru/district/places/>
2. Достопримечательности в Гафурийском районе – [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС]. – Режим доступа: https://www.tripadvisor.ru/Attractions-g17818642-Activities-Gafuriysky_District_Republic_of_Bashkortostan_Volga_District.html
3. Достопримечательности Гафурийского района [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС]. – Режим доступа: <https://ufa1.ru/text/summer/2019/07/19/66164566/>.
4. Садыкова А. Р., Халитов И. Г., Вильданов И. Р. Программа карты туристского маршрута по Мурманской области // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 104-16. С. 187-191. – DOI 10.18411/trnio-12-2023-925

**Аликаева А.В., Вильданов И.Р., Сайфуллин И.Ю.
Программа карты винных регионов Франции**

*Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-223

Аннотация

Проект туристической карты винных регионов Франции направлен на глубокое изучение уникального винодельческого наследия страны и его значимости для культурного и экономического развития туризма. Франция является одним из ведущих мировых производителей вина, и каждый регион предлагает посетителям неповторимые впечатления благодаря своим историческим традициям, разнообразию винограда и особым методам виноделия.

Ключевые слова: проектирование карт, составление карт, программа карты, «Винные регионы Франции».

Abstract

The project of the tourist map of the wine regions of France is aimed at in-depth study of the unique wine-making heritage of the country and its importance for the cultural and economic development of tourism. France is one of the world's leading wine producers, and each region offers visitors a unique experience thanks to its historical traditions, variety of grapes and special methods of winemaking.

Keywords: map design, map making, map program, “Wine regions of France”.

Программа карты состоит из 8 пунктов и включает следующие обязательные элементы: назначение карты, математическая основа, содержание карты, способы изображения и оформления, принципы генерализации, информационная база, географическая характеристика территории, технология изготовления карты [4].

Программа туристической карты винных регионов Франции представляет собой уникальный инструмент для ценителей вина и путешественников, желающих погрузиться в богатую культуру и традиции французского виноделия. На карте подробно представлены основные винодельческие регионы страны, такие как Бордо, Бургундия, Шампань, Эльзас и Прованс, каждый из которых славится своими уникальными сортами винограда и характерными винами.

В регионе Бордо, отмеченном на карте, туристы могут насладиться знаменитыми красными винами, среди которых выделяются сорта Каберне Совиньон и Мерло. Бургундия радует своих гостей изысканными белыми и красными винами из сортов Шардоне и Пино Нуар. Шампань, в свою очередь, предлагает возможность попробовать знаменитое игристое вино, изготовленное по уникальной технологии вторичного брожения. Эльзас известен своими ароматными белыми винами, такими как Рислинг и Гевюрцтраминер, а Прованс очаровывает легкими розовыми винами, идеально подходящими для теплого климата региона.

С помощью туристической карты винных регионов Франции путешественники смогут не только попробовать местные вина, но и насладиться дегустациями на винодельнях, познакомиться с процессом виноделия и исследовать живописные ландшафты, которые делают Францию одной из главных винодельческих стран мира.

Туристическая карта «Винные регионы Франции» является научно-справочной, по масштабу – среднемасштабной, по охвату территории – страна, по содержанию – тематическая, предназначена для решения отдельных видов задач, то есть эта карта узкой направленности.

Также данная карта классифицируется по формату и способу использования, так как размер карты не превышает 29,7×21,0 сантиметров, данная туристическая карта является среднemasштабной (настольной). Данный формат является точной и наглядной, что позволяет читателю подробно изучить ее содержание.

На карте подробно отражена информация обо всех винных регионах Франции, указаны географические объекты такие как населённые пункты.

Туристическая карта "Винные регионы Франции" создаётся, прежде всего, для тех путешественников и ценителей вин, которые хотят глубже узнать о винодельческой культуре этой страны. Она ориентирована на любителей вина, желающих посетить известные винодельни и провести дегустации, а также на туристов, интересующихся гастрономией и культурой регионов. Кроме того, карта будет полезна для профессионалов в области туризма, которые разрабатывают винные маршруты и экскурсии.

Для составления туристической карты мной была выбрана поперечно–цилиндрическая равноугольная проекция Гаусса–Крюгера, так как ее применение позволяет отобразить картографируемую территорию с минимальными искажениями углов.

Для достижения максимальной четкости и наглядности карты, а также для ее компактного размещения был выбран масштаб карты 1:600 000, данный масштаб позволяет полностью разместить карту в формате бумаги А4, с учетом размещения на этом листе дополнительных сведений о сортах вин и винограда.

Содержание туристической карты включает в себя две части: географическая основа и тематическое содержание карты.

На данной карте элементами географической основы будут являться: населенные пункты и районы страны.

К тематическому содержанию будут отнесены все другие элементы содержания, такие как условные обозначения, справка о сортах вин и винограда.

При создании данной карты, основными способами изображения будут способ значков и количественного фона. Данную карту целесообразно составлять в графическом редакторе Corel DRAW, данная программа обладает широкими возможностями создания условных знаков, карта получается красочная и наглядная, так же удобно работать с несколькими слоями карт.

В качестве основных стандартов по оформлению и составлению условных знаков для карты, мной были выбраны руководства по составлению карт и атласов. Данные руководства содержат подробное описание основных элементов, толщины линий, ведомость распределения элементов содержания по цветам красок в печати с графиком тонового оформления.

В соответствии с принципами генерализации на данной карте указываются объекты, соответствующие ее назначению, тематике и масштабу.

На карте изображаются: граница Франции; границы между районами; географическая основа (населенные пункты); значками указаны сорта вин.

Для сбора информации при создании туристической карты я обратился к различным источникам информации.

Основная информация для карты была получена из интернет–источников. Проанализировав собранную информацию, был составлен список с регионами и какие сорта вин в них преобладает.

Недостающая информация была получена с официальных сайтов виноделен Франции.

Проект туристической карты винных регионов Франции представляет собой уникальную возможность для путешественников и энтузиастов вина погрузиться в богатое наследие французской винодельческой культуры. Эта карта не только поможет ориентироваться в многообразии виноградников и шато, но и станет ценным инструментом для изучения исторических и культурных аспектов каждого региона.

Готовая карта представлена на рисунках 1 и 2.

Рисунок 1. Винные регионы Франции.

Рисунок 2. Условные обозначения к карте.

1. Винодельческие регионы Франции [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС]. – Режим доступа: <https://frenchtrip.ru/france-info/frantsuzskie-traditsii/frantsuzskie-vina/vinodelcheskie-regionyi-frantsii/>
2. winestreet.ru – [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС]. – Режим доступа: <https://vino2rs.com/april18/>
3. Классификация вин во Франции [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС]. – Режим доступа: <https://amwine.ru/blog/klassifikatsiya-vin-vo-frantsii/>
4. Садыкова А. Р., Халитов И. Г., Вильданов И. Р. Программа карты туристского маршрута по Мурманской области // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 104-16. С. 187-191. – DOI 10.18411/trnio-12-2023-925

Бикьянова Д.Р., Мустафин Р.Р., Вильданов И.Р.
Программа сельскохозяйственной карты
Баймакского района Республики Башкортостан

*Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-224

Аннотация

Сельскохозяйственная карта Баймакского района Республики Башкортостан представляет собой важный инструмент для анализа и планирования аграрной деятельности в этом уникальном регионе. Район славится своими разнообразными природными ресурсами и благоприятными климатическими условиями, что способствует развитию различных направлений сельского хозяйства. Основными культурами, выращиваемыми на территории Баймакского района, являются зерновые, картофель и овощи, что создаёт устойчивую продовольственную базу для местного населения и возможности для дальнейшего экспорта.

Ключевые слова: программа карты, сельское хозяйство, проектирование карт, составление карт.

Abstract

The agricultural map of the Baimak district of the Republic of Bashkortostan is an important tool for analyzing and planning agricultural activities in this unique region. The district is famous for its diverse natural resources and favorable climatic conditions, which contributes to the development of various areas of agriculture. The main crops grown in the Baimak district are grain, potatoes and vegetables, which creates a sustainable food base for the local population and opportunities for further export.

Keywords: map program, agriculture, map design, map making.

Сельскохозяйственная карта Баймакского района представляет собой исследование на основе муниципальной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» в Баймакском районе Республики Башкортостан.

На карте отражены не только районы посевов, но и распределение хозяйств, специализирующихся на животноводстве, в том числе на разведении крупного и мелкого рогатого скота. Баймакский район является одним из ключевых производителей мясной и молочной продукции в Башкортостане. Кроме того, сельскохозяйственная карта помогает в организации ирригационных систем и управлении пастбищами, что, в свою очередь, способствует повышению производительности и устойчивости аграрного сектора.

Сельскохозяйственная карта Баймакского района по назначению является научно-справочной, по масштабу – среднемасштабной, по охвату территории – районная, по содержанию – тематическая, предназначена для решения отдельных видов задач, то есть эта карта узкой направленности.

Также данная карта классифицируется по формату и способу использования, так как размер карты 210×297 миллиметров, сельскохозяйственная карта является среднемасштабной (настольной). Данный формат карты увеличивает ее точность и наглядность, позволяет читателю подробно изучить ее содержание.

На карте подробно отражена информация о всех сельскохозяйственных культурах данного района, указаны географические объекты (гидрография, дорожная сеть, населенные пункты).

Данная карта создаётся в первую очередь для фермеров и сельскохозяйственных производителей, чтобы они могли эффективно планировать свою деятельность, выбирать оптимальные места для посевов и находить наиболее подходящие участки для разведения

сельскохозяйственных животных. Кроме того, карта будет полезна местным органам власти, которые могут использовать её для разработки стратегий развития сельского хозяйства и поддержки местных производителей.

Карта также может представлять интерес для исследователей и студентов агрономических специальностей, поскольку она предоставляет актуальную информацию о ресурсах и условиях ведения сельского хозяйства в регионе.

Для составления сельскохозяйственной карты была выбрана равноугольная цилиндрическая проекция Меркатора, это картографическая проекция, которая используется для создания карт в атласе для данной территории. Такая проекция показывает сохранение углов между направлениями. Меридианы и параллели представляют собой линию между которых равное расстояние.

Для достижения максимальной четкости и наглядности карты, а также для ее компактного размещения был выбран масштаб карты 1:200 000, данный масштаб позволяет полностью разместить карту в формате бумаги А4, с учетом размещения на этом листе дополнительных сведений.

Содержание сельскохозяйственной карты Баймакского района включает в себя две части: географическая основа и тематическое содержание карты.

На данной карте элементами географической основы будут являться: площадь территории, населенные пункты, и гидрография.

К тематическому содержанию будут отнесены все другие элементы содержания. Овощные культуры, животноводство (мясной и молочный промысел). Содержание карты подобрано с учетом раскрытия тематических особенностей карты. Таким образом, на данной карте будут представлены все необходимые элементы содержания, свойственные данной тематике

Программа исторической карты содержит подробное описание способов изображения, отдельных элементов содержания, образцы шрифтов и надписей с указанием их размеров, цвета и их оттенки для каждого элемента содержания. Для подробного описания программа карты сопровождается образцами, типичными для каждого элемента.

При создании данной карты, основными способами изображения будут способ значков, так же встречается применение линейных знаков. Данную карту целесообразно составлять в графическом редакторе QGIS, данная программа обладает широкими возможностями создания условных знаков, карта получается красочная и наглядная, так же удобно работать с несколькими слоями карт.

Для сбора информации при создании сельскохозяйственной карты Баймакского района РБ были использованы различные источники информации. Основная информация для карты была получена на сайте муниципального района Баймакского района и других интернет-источников.

Баймакский район был образован 20 августа 1930 года и является одним из крупнейших районов республики. Площадь территории – 5631 кв.км. Он расположен на юго-востоке Башкортостана, граничит с Бурзянским, Абзелиловским, Хайбуллинским, Зилаирским районами республики, а также Кваркинским районом Оренбургской, Кизильским районом Челябинской областей. На территории района расположены города Баймак и Сибай. Административный центр - город Баймак, население которого составляет около 17,5 тысяч человек. В районе насчитывается 92 населенных пункта (включая г.Баймак), где проживают 57,1 тысяч человек. Наиболее крупными сельскими поселениями являются Акмурунский, Зилаирский, Мукасовский, Сибайский и Темясовский сельсоветы. По национальному составу башкиры (84%), русские (11,9%), татары (3,2%) и прочие (0,7%).

В заключение отметим, что сельскохозяйственная карта представляет собой важный инструмент для изучения и анализа территориальной организации сельского хозяйства. Она позволяет наглядно продемонстрировать размещение сельскохозяйственных предприятий, производственных сил и производственных отношений, а также оценить ресурсы и специализацию сельского хозяйства.

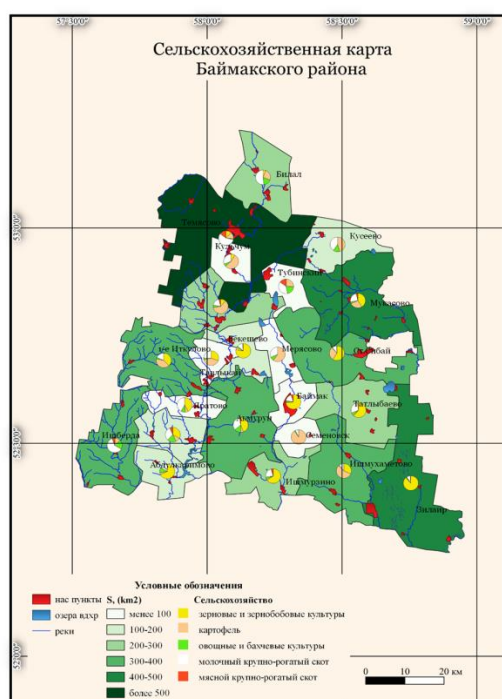

Рисунок 1. Сельскохозяйственная карта Баймакского района Республики Башкортостан.

1. Валиева А. И., Галиахметова Г. М., Вильданов И. Р. Агрохимическая оценка пахотных почв лесостепной зоны Республики Башкортостан // Астраханский вестник экологического образования. 2023. № 3(75). С. 4-9. DOI 10.36698/2304-5957-2023-3-4-9.
2. Вильданов И. Р., Ишбулатов М. Г., Ларкина М. С. Методика составления комплексной сельскохозяйственной карты муниципального уровня (на примере Еремеевского района) // ЦИТИСЭ. 2022. № 1(31). С. 20-31. DOI 10.15350/2409-7616.2022.1.02.
3. Вильданов И. Р., Бакиева Э. В., Назмеева И. В., Зиннатуллин И. Р. Оценка экологического состояния территории муниципального района на примере Туймазинского района Республики Башкортостан // Астраханский вестник экологического образования. 2024. № 1(79). С. 59-65. – DOI 10.36698/2304-5957-2024-1-59-65.

Вахитова Р.Э., Файрузов И.И., Вильданов И.Р.

**Функциональные возможности программного комплекса ГИС QGIS
для проектирования и составления карт этнического состава**

*Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-225

Аннотация

На сегодняшний день географические информационные системы занимают значимое место в анализе пространственных данных. Комплекс программы QGIS является одной из популярных в этой сфере. В данной статье рассматривается применение функциональных возможностей для проектирования и составления карт этнического состава.

Ключевые слова: QGIS, геообработка, этнический состав, импорт данных, векторные данные.

Abstract

Today, geographic information systems occupy a significant place in the analysis of spatial data. The QGIS program package is one of the most popular in this area. This article discusses the use of functional capabilities for designing and creating ethnic composition maps.

Keywords: QGIS, geoprocessing, ethnic composition, data import, vector data.

Программный комплекс QGIS предоставляет широкие возможности для проектирования карт по этническому составу. Карты этнического состава играют важную роль для анализа территории с точки зрения социального аспекта, а также для исследования культурной динамики в субъектах. Показатели таких карт в дальнейшем устанавливаются в общественных государственных организациях.

Геоинформационная система QGIS позволяет работать с векторными данными без каких-либо внутренних изменений. Векторные данные связаны с предоставлением пространственной информации, описывают географические объекты с помощью линий, точек и полигонов.

Геообработка при создании карты позволяет объединить слои, выполнить различные математические операции, изменить геометрию объектов, создать новые слои и редактировать атрибуты.

Карты этнического состава позволяют отразить наиболее реальную картину населения народов мира или региона.

Импорт данных для составления карты этнической карты осуществляется путем добавления слоя через Excel файл, а также через добавление нового векторного слоя Shapefile. Эти файлы можно найти в официальной базе данных государственных служб и в данных переписи населения. Основным достоинством современных ГИС является то, что самому пользователю предоставляется возможность варьировать имеющимися слоями для изучения реальной обстановки.

Данная карта была составлена по итогам переписи населения Республики Башкортостан 2020 года. По карте можно сделать вывод о том, что на юго-востоке республики преобладает население башкир, ареал татар на северо-западе республики, в Бижбулякском районе преимущественно чуваша, марийцы преобладают в Калтасинском и Мишкинском районах, русские преимущественно в Белорецком, Иглинском, Кушнаренковском, Благовещенском, Уфимском, Дуванском, Белебеевском и Давлекановском районах. Карты этнического состава играют важную роль для составления актуального анализа развития территорий. Население изучают различные науки география, демография, этнография, экономика. Все аспекты изучения отображаются на картах.

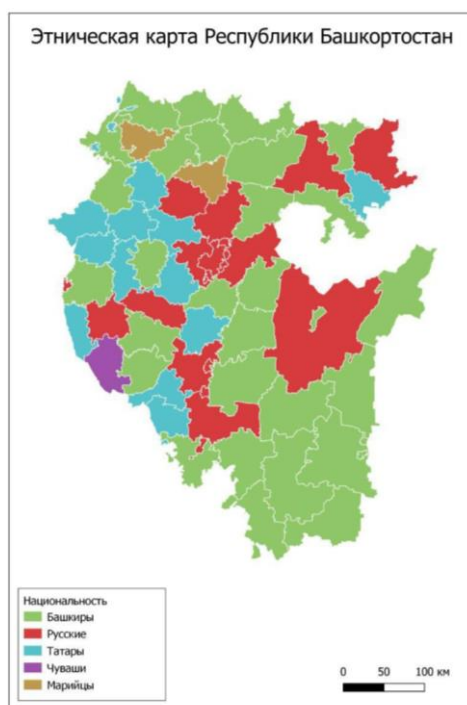

Рисунок 1. Этническая карта Республики Башкортостан на 2023 год (составлен автором).

Условность выделения ареалов расселения - это основная сложность составления подобных карт. Чаще всего ареалы плотности населения выделяются по радиусу, который соответствует пределу распространения хозяйственной деятельности сельского населения. При этом должны учитываться природные условия, распространение сельскохозяйственных земель, рельеф, гидрография, пути сообщения, достаточно большое количество промышленных предприятий, перенесенных в пригороды, иногда и некоторые другие характеристики конкретной территории.

Размещение населения может быть охарактеризовано на социально-экономической карте в связи с его составом - национальным или социальным. Этнографические карты отражают закономерности расселения народов (этнического расселения) в настоящем и прошлом, а также элементы их материальной и духовной культуры (язык и диалект, религия и религиозные обряды, ремесла и художественное творчество). Этнографическая характеристика может относиться к населенным пунктам или к территориальным единицам.

На этнографических картах разные части территории окрашиваются определенным цветом в зависимости от количественного преобладания какой-либо одной национальности, поэтому полного представления о национальном составе населения этнографическая карта не дает. Если какой-то ареал окрашен на ней цветом, присвоенным какой-либо народности, то это вовсе не означает, что внутри него проживает население только данной нации. Наличие других национальностей, менее распространенных, должно быть показано внутри этого ареала дополнительными штриховками, надписями, рисунками.

В современном мире ГИС, или географические информационные системы, это:

- современный и весьма эффективный инструмент управления территорией на основе новейших информационных технологий, данных аэро- и космосъемки, географических карт, любой другой территориально распределенной информации;
- инвентаризация территориальных ресурсов, анализ, оценка и прогноз социальных, экономических,
- демографических, экологических и любых других процессов на любой территории;
- постоянный и действенный мониторинг территориальных изменений, объективная основа территориального анализа и управления.
- ГИС содержит данные о пространственных объектах в форме их цифровых представлений (векторных,
- растровых, квадратомерных и иных).

По территориальному охвату различают глобальные, или планетарные ГИС (global GIS), субконтинентальные ГИС, национальные ГИС, зачастую имеющие статус государственных, региональные ГИС (regional GIS), субрегиональные ГИС и локальные, или местные ГИС (local GIS).

В отличие от создания электронных атласов, представляющих собой картографическую информационно-справочную систему, разработка классической ГИС предполагает оснащение ее библиотекой методов анализа в виде действующих моделей, адаптированных к используемому массиву данных. Как правило, базовый программный продукт, приобретаемый на рынке геоинформационных систем, требует дооснащения его аналитическими модулями.

Таким образом, функциональные возможности для составления и проектирования карт в географической информационной системе QGIS на данный момент обширные для работы с данными больших объемов, в том числе для составления этнических карт. Также важным свойством ГИС является возможность реализации функции пространственного анализа, которая обеспечивает решение различного рода картометрических операций по электронным картам и планам. Геоинформационные системы являются удобным инструментом в осуществлении пространственного анализа

1. QGIS-свободная географическая система с открытым кодом [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС]. URL: <https://qgis.org/>
2. Карюгин М. Ю., Вильданов И.Р. Средне и мелкомасштабные карты расселения народов: источники составления, способы изображения, методы использования (на примере расселения чувашей на территории республики Башкортостан) // Актуальные проблемы геодезии, картографии, геоинформатики и кадастра : Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню работников картографии и геодезии, Уфа, 27–28 марта 2020 года / Отв.редактор А.Ф Нигматуллин. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. – С. 53-54.
3. Вильданов И. Р., Габбасова Д.Ф., Хаирова Э.Р. Программа карты немецкого происхождения в штате Техас и носителей техасского немецкого диалекта // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 104-16. – С. 142-145.

Гизатуллина Э.Р., Вильданов И.Р., Хайруллина А.А.
Программа исторической карты религиозно-культурных объектов
Белебеевского района

Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)

doi: 10.18411/trnio-12-2024-226

Аннотация

Программа карты направлена на сохранение и популяризацию богатого культурного наследия региона. В районе расположено множество объектов, имеющих историческое и архитектурное значение, которые свидетельствуют о многообразии религиозных традиций и культурных влияний, сформировавших уникальный облик этой местности. Религиозные сооружения, такие как мечети, церкви и храмовые комплексы, не только представляют собой архитектурные достопримечательности, но и служат местом духовного общения для местного населения.

Ключевые слова: проектирование карт, составление карт, программа исторической карты.

Abstract

The map program is aimed at preserving and popularizing the rich cultural heritage of the region. There are many sites of historical and architectural significance in the area, which testify to the diversity of religious traditions and cultural influences that have shaped the unique appearance of this area. Religious buildings such as mosques, churches and temple complexes are not only architectural landmarks, but also serve as a place of spiritual communication for the local population.

Keywords: map design, mapping, historical map program.

Программа карты состоит из 8 пунктов и включает следующие обязательные элементы: назначение карты, математическая основа, содержание карты, способы изображения и оформления, принципы генерализации, информационная база, географическая характеристика территории, технология изготовления карты [4].

На территории Белебеевского района, богатого историей и культурным наследием, расположено множество религиозно-культурных объектов, каждый из которых заслуживает отдельного внимания. Эти места поклонения являются не только символами

веры, но и важными историческими и культурными артефактами, отражающими многообразие духовных традиций региона.

Первое место на карте — Троицкий собор, построенный в XIX веке. Его величественные купола и иконостас привлекают паломников и туристов, желающих прикоснуться к духовному наследию. Внутреннее убранство храма наполнено яркими фресками и уникальными религиозными реликвиями.

Не менее значимым объектом является мечеть в посёлке Приютово, сооружение построено в соответствии с традициями исламской архитектуры. Здесь проходят не только богослужения, но и культурные мероприятия, способствующие объединению разных религиозных сообществ.

Кроме того, в районе можно найти несколько старинных часовен и крестьянских православных кладбищ, которые хранят память о предках и традициях, передававшихся из поколения в поколение. Каждый из этих объектов создает уникальную духовную атмосферу, обогащающую культурный ландшафт Белебеевского района.

Туристическая карта «Религиозно-культурных объектов Белебеевского района» является научно-справочной, по масштабу – среднемасштабной, по охвату территории – район, по содержанию – тематическая, предназначена для решения отдельных видов задач, то есть эта карта узкой направленности.

Также данная карта классифицируется по формату и способу использования, так как размер карты не превышает 29,7×21,0 сантиметров, данная историческая карта является среднемасштабной (настольной). Данный формат является точной и наглядной, что позволяет читателю подробно изучить ее содержание.

На карте подробно отражена информация о всех культовых объектах района, указаны географические объекты (населённые пункты, соседние районы).

Культово-религиозная карта Белебеевского района создается для широкого круга лиц, заинтересованных в изучении и сохранении духовного наследия региона. Эта инициатива направлена на исследование и документирование многообразия религиозных традиций, культов и обрядов, существующих на данной территории. Важность карты заключается в том, что она будет служить информационным ресурсом для историков, этнографов, культурологов и всех, кто проявляет интерес к феномену религиозности в обществе.

Кроме того, карта станет полезным инструментом для местных жителей, желающих ознакомиться с богатым духовным наследием своего края, а также для туристов, стремящихся понять культурные и религиозные особенности Белебеевского района.

Для составления религиозной карты Белебеевского района была выбрана поперечно-цилиндрическая равноугольная проекция Гаусса-Крюгера, так как ее применение позволяет отобразить картографируемую территорию с минимальными искажениями углов.

Для достижения максимальной четкости и наглядности карты, а также для ее компактного размещения был выбран масштаб карты 1:500 000, данный масштаб позволяет полностью разместить карту в формате бумаги А4.

Содержание религиозной карты Белебеевского района Республики Башкортостан включает в себя две части: географическая основа и тематическое содержание карты.

На данной карте элементами географической основы будут являться: населенные пункты, соседние районы.

К тематическому содержанию будут отнесены все другие элементы содержания (постройки религиозного характера). Таким образом, на данной карте будут представлены все необходимые элементы содержания, свойственные данной тематике.

При создании данной карты, основными способами изображения будут способ значков и количественного фона. Данную карту целесообразно составлять в графическом редакторе Corel DRAW, данная программа обладает широкими возможностями создания условных знаков, карта получается красочная и наглядная, так же удобно работать с несколькими слоями карт.

В качестве основных стандартов по оформлению и составлению условных знаков для карты, мной были выбраны руководства по составлению карт и атласов. Данные руководства содержат подробное описание основных элементов, толщины линий,

ведомость распределения элементов содержания по цветам красок в печати с графиком тонового оформления.

В соответствии с принципами генерализации на данной карте указываются объекты, соответствующие ее назначению, тематике и масштабу.

На карте изображаются: граница Белебеевского района; географическая основа (населенные пункты, соседние районы); условные обозначения культовых объектов.

Для сбора информации при создании религиозной карты Белебеевского района были использованы различные источники информации.

Основная информация для карты была получена на сайте Религия Башкортостана и других интернет-источниках. Проанализировав собранную информацию, был составлен список культовых объектов и их расположение в районе.

В заключение, работа над программой исторической карты религиозно-культовых объектов Белебеевского района представляет собой важный шаг в сохранении культурного наследия региона. Создание данной карты не только позволяет систематизировать информацию о религиозных памятниках, но и способствует глубже понять исторический контекст, в котором они развивались. Каждый объект не просто представляет собой архитектурное сооружение, это носитель культовых традиций, исторической памяти и социальной значимости.

Готовая карта представлена на рисунке 1.

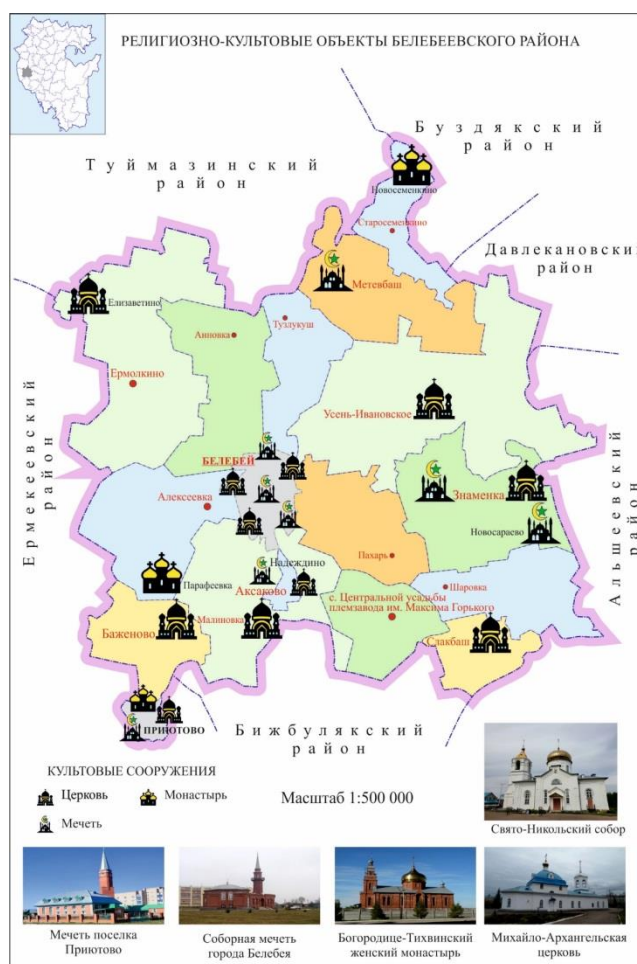

Рисунок 1. Карта религиозно-культовых объектов Белебеевского района.

1. Религии Башкортостана [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС]. – Режим доступа: <http://religrb.ru/rajonyi/gafurijskij-rajon.html>
2. Белебеевский уезд, церкви и приходы [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС]. – Режим доступа: <https://forum.vgd.ru/3283/101599/>

3. Белебеевский район (Республика Башкортостан), церкви и монастыри [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС]. – Режим доступа: <https://sobory.ru/geo/distr/812>
4. Садыкова А. Р., Халитов И. Г., Вильданов И. Р. Программа карты туристского маршрута по Мурманской области // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 104-16. С. 187-191. – DOI 10.18411/trnio-12-2023-925

Глоба К.А., Коченко В.Е., Вильданов И.Р.
Программа карты историко-литературного наследия Белебеевского района

*Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-227

Аннотация

Проект историко-литературной карты Белебеевского района направлен на глубокое изучение и ознакомление культурного и исторического наследия. Белебей – родина многих героев Великой Отечественной войны, известных писателей, а сам район богат памятниками и мемориалами.

Ключевые слова: проектирование карт, составление карт, программа карты, «Историко-литературная карта Белебеевского района».

Abstract

The project of the historical and literary map of the Belebeevsky district is aimed at in-depth study and familiarization of cultural and historical heritage. Belebey is the birthplace of many heroes of the Great Patriotic War, famous writers, and the area itself is rich in monuments and memorials.

Keywords: map design, mapping, map program, "Historical and literary map of Belebeevsky district".

Программа карты состоит из 8 пунктов и включает следующие обязательные элементы: назначение карты, математическая основа, содержание карты, способы изображения и оформления, принципы генерализации, информационная база, географическая характеристика территории, технология изготовления карты.

Программа историко-литературной карты Белебеевского района представляет собой уникальный инструмент для изучения и ознакомления с историей, желающих погрузиться в богатую культуру и искусство. На карте подробно представлены основные памятники, такие как В.И. Ленин, В.И. Чапаев, Павшим ВОВ, Воинам односельчанам и Вечный огонь победы. Каждый из которых славится своей историей. Также на карте изображены музеи: Литературный Я.Г. Усхая, Дом-музей К.В. Иванова, Историко-краеведческий, художественная галерея и другие.

Село Аксаково, отмеченное на карте, славится писателем Сергеем Тимофеевичем Аксаковым. На карте предоставлено четверостишие его сочинения, но, помимо его творческой деятельности, Сергей Тимофеевич был чиновником и общественным деятелем. В память о нем стоит национальный дом-музей, в котором когда-то проживал писатель. Сейчас музей также активно посещается школьниками и туристами.

Неподалеку расположено село Усень-Иваново – родина русской поэтессы, прозаика и переводчицы Марины Ивановой Цветаевой. В ее память стоит целых два музея, один из которых находится в Знаменке. К ее изображению также прилагается четверостишие.

Село Тузлукуш Белебеевского района известно писателем К. Фазлутдиновым. Творческий псевдоним – «Камиль Фазлый». Он является отличником образования республики, победителем конкурса лучших учителей Российской Федерации – лауреатом премии Президента России.

Усхай Яков Гаврилович - поэт, драматург, публицист, член Союза писателей СССР, заслуженный деятель искусств Чувашской АССР, народный поэт Чувашской АССР, лауреат Государственной премии Чувашской АССР им. К.В. Иванова, лауреат Государственной премии РСФСР им. А.М. Горького, участник Великой Отечественной войны, гордость села Слакбаш.

С помощью историко-литературной карты Белебеевского района можно изучать не только культурное наследие, но и туристические места достояния, так как подробно отображены памятники и дома-музеи.

Историко-литературная карта Белебеевского района является научно-справочной, по масштабу – среднемасштабной, по охвату территории – региональная, по содержанию – тематическая, предназначена для решения отдельных видов задач, то есть эта карта узкой направленности.

Также данная карта классифицируется по формату и способу использования, так как размер карты не превышает 29,7×21,0 сантиметров, данная историко-литературная карта является среднемасштабной (настольной). Данный формат является точной и наглядной, что позволяет читателю подробно изучить ее содержание.

На карте подробно отражена информация, указаны географические объекты такие как населённые пункты.

Историко-литературная карта Белебеевского района создаётся, прежде всего, для ознакомления и изучения культуры, истории, общего образования школьников, любителей туризма и просто лиц, желающих поглубже ознакомиться с историей района.

Для составления историко-литературной карты мной была выбрана поперечно-цилиндрическая равноугольная проекция Гаусса-Крюгера, так как ее применение позволяет отобразить картографируемую территорию с минимальными искажениями углов.

Для достижения максимальной четкости и наглядности карты, а также для ее компактного размещения был выбран масштаб карты 1:500000, данный масштаб позволяет полностью разместить карту в формате бумаги А4.

Содержание историко-литературной карты включает в себя две части: географическая основа и тематическое содержание карты.

На данной карте элементами географической основы будут являться: населенные пункты и районы страны.

К тематическому содержанию будут отнесены все другие элементы содержания, такие как условные обозначения памятников, музеев и известных лиц.

При создании данной карты, основными способами изображения будут способ значков и количественного фона. Данную карту целесообразно составлять в графическом редакторе Corel DRAW, данная программа обладает широкими возможностями создания условных знаков, карта получается красочная и наглядная, так же удобно работать с несколькими слоями карт.

В соответствии с принципами генерализации на данной карте указываются объекты, соответствующие ее назначению, тематике и масштабу.

На карте изображаются: граница Белебеевского района; границы между населенными пунктами; географическая основа (населенные пункты); значками.

Для сбора информации при создании туристической карты я обратился к различным источникам информации.

Основная информация для карты была получена из интернет-источников. Проанализировав собранную информацию, был составлен список культурного и исторического наследия, после чего подробно отображен на карте.

Проект историко-литературной карты Белебеевского района представляет собой уникальную возможность для интересующегося круга лиц погрузиться в богатое культурное наследие района. Эта карта не только поможет ориентироваться в многообразии, но и станет ценным инструментом для изучения исторических и

культурных аспектов каждого населенного пункта. Карта позволяет не только в текстовом формате ознакомиться с публичными личностями, памятниками, домами-музеями, но и ознакомиться визуально с местами достояний, увидеть портреты писателей.

Рисунок 1. Историко-литературная карта Белебеевского района.

1. Я.Г. Усхай - [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС]. – Режим доступа: <https://frenchtrip.ru/france-info/frantsuzskie-traditsii/frantsuzskie-vina/vinodelcheskie-regionyi-frantsii/>
2. Наш Урал - [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС]. – Режим доступа: <https://nashural.ru/dostoprimechatelnosti-urala/orenburgskaya-oblast/literaturnyj-muzej-zapovednik-s-aksakova-v-orenburgskoj-oblasti/>
3. Культурное наследие России - [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС]. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20211105023700/https://ru.wikivoyage.org/wiki/>.

**Шайдуллин Э.Р., Вильданов И.Р., Хамидуллин Р.А.
Программа карты благоустройства парка им. Гастелло
Калининского района города Уфы**

*Уфимский университет науки и технологий
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-228

Аннотация

В данной статье рассматривается программа карты благоустройства парка им. Гастелло в г. Уфы Республики Башкортостан. Исследование основано на потенциале парка в качестве одного из центров отдыха для района. В статье описывается программа составления карты по пунктам.

Ключевые слова: программа карты, проектирование карты, парк им. Гастелло, г. Уфа.

Abstract

This article discusses the program for the improvement map of the park named after Gastello in Ufa, Republic of Bashkortostan. The study is based on the park's potential as a recreation center for the area. The article describes a program for drawing up a point-by-point map.

Keywords: map program, map design, park named after Gastello, Ufa.

Программа карты состоит из 8 пунктов и включает следующие обязательные элементы: назначение карты, математическая основа, содержание карты, способы изображения и оформления, принципы генерализации, информационная база, географическая характеристика территории, технология изготовления карты.

Предлагаемая нами программа карты парка им. Гастелло, создана как вариант благоустройства и реставрации заброшенного на данный момент парка.

Карта благоустройства парка полезна для людей, занятых в сфере туризма, культуры, работникам администрации и министерств, строителям и посетителям парка.

По тематическому содержанию карты парка подразделяются на места для активного и пассивного отдыха, здания спортивных секция и спортивная школа.

Назначение карты. Карта реставрированного парка им. Гастелло является научно–справочной, по масштабу – крупномасштабной, по охвату территории – местная, по содержанию – тематическая (рекреационная), предназначена для решения отдельных видов задач, то есть эта карта узкой направленности.

Карта классифицируется по формату и способу использования, карта может использоваться как в настольном варианте при размерах А4, так и настенном варианте той-же формы но большего размера.

На карте изображен план парка и его зоны с различным назначением, так и прилегающие к парку инфраструктура.

Математическая основа. Для составления карты благоустройства парка им. Гастелло нами выбрана цилиндрическая равноугольная проекция Меркатора, так как ее применение позволяет отобразить картографируемую территорию с минимальными искажениями углов.

Для достижения максимальной четкости и наглядности карты, а так же для ее компактного размещения был выбран масштаб карты 1:3000.

Содержание карты. Содержание карты благоустройства парка им. Гастелло включает в себя две части: географическая основа и тематическое содержание карты. Элементами географической основы будут являться: границы парка и пути сообщения. К тематическому содержанию будут отнесены: спортивно-образовательные учреждения, места активного отдыха и спортивных мероприятий; спортплощадки, веревочный городок, детские площадки, концертная зона, пешеходные дорожки, парковочные зоны, кафе, пруд с фонтаном, трансформаторная будка.

Программа карты благоустройства парка им. Гастелло содержит подробное описание способов изображения, отдельных элементов содержания, образцы шрифтов и надписей с указанием их размеров, цвета и их оттенки для каждого элемента содержания. Для подробного описания программа карты сопровождается образцами, типичными для каждого элемента.

При создании данной карты, основными способами изображения будут способ значков, так же встречается применение линейных знаков, и количественного фона. Данную карту целесообразно составлять в графическом редакторе Corel DRAW, данная программа обладает широкими возможностями создания условных знаков, карта получается красочная и наглядная, так же удобно работать с несколькими слоями карт. Ниже представлены способы изображения явлений (таблица 1), образцы условных знаков (таблица 2) и шрифтов (таблица 3).

Таблица 1

Способы изображения явлений.

<i>Явление</i>	<i>Форма локализации</i>	<i>Способ изображения</i>	<i>Технические средства</i>
<i>Граница парка, автомобильные и жд дороги, трамвайные пути</i>	<i>линейная</i>	<i>линейные знаки</i>	<i>структура</i>
<i>Спортивные комплексы, спортивно-образовательные учреждения, зоны отдыха, гидрография</i>	<i>площадная точечная</i>	<i>качественный фон значки</i>	<i>структура цвет</i>

Входы и въезды в парк, жд станции, трамвайные остановки	точечная	значки	форма, цвет
Кафе	площадная точечная	качественный фон значки	структура цвет
Парковочные зоны	площадная	качественный фон	структура цвет

Таблица 2

Условные знаки.

№	Условные знаки	Названия обозначаемых объектов
1		Вход пешеходный
2		Въезд автомобильный
3		Спортивные площадки
4		Спортивная школа им. Н. Гастелло
5		Спортивные секции
6		Кафе
7		Фонтан
8		Туалетные кабинки
9		Трансформаторная будка
10		Трамвайная остановка
11		ЖД станция
12		Автомодороги
13		Трамвайные пути
14		ЖД путь

Таблица 3

Образцы шрифтов надписей.

Образцы шрифтов/надписей	Шрифты и размеры	Название обозначаемых объектов
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ	<i>Times New Roman, кз 13 стр.</i>	Заголовок легенды
Автомодороги	<i>Arial, кз 8 стр.</i>	Название улиц
Значки	<i>Times New Roman, кз 13 стр</i>	Условные знаки в легенде

Основная информация для карты были использованы спутниковые снимки и официальный сайт Калининского района города Уфы. В качестве основных стандартов по оформлению и составлению условных знаков для карты, нами были выбраны руководства

по составлению карт и атласов. Данные руководства содержат подробное описание основных элементов.

Парк имени Гастелло расположен в Калининском районе города Уфы между заводом УМПО и ЖД станцией “Спортивная”, находится в черте города и вблизи к путям сообщения. Экологическая ситуация в данном районе города оставляет желать лучшего из-за близости к промышленной зоне, примыкание к железнодорожным путям и автодорогам. Реконструкция данного парка необходим для местного населения и улучшения экологической ситуации в данном районе.

Готовая карта предлагаемого нами варианта благоустройства парка им. Гастелло представлен на рисунке 1.

Рисунок 1. Карта благоустройства парка им. Гастелло.

1. Спутниковая карта ЯНДЕКС [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС] - <https://yandex.ru/maps/172/ufa/sputnik/?ll=56.138095%2C54.796232&z=15>
2. Садыкова А. Р., Халитов И. Г., Вильданов И. Р. Программа карты туристского маршрута по Мурманской области // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 104-16. С. 187-191. – DOI 10.18411/trnio-12-2023-925

РАЗДЕЛ XII. ТУРИЗМ

Istamqulov J.Z.

Bridging Cultures: The Role of Guide-Interpreters in Cross-Cultural Communication (a Case Study of Tajikistan)

*SEI "KhsU named after academician Bobojon Gafurov"
(Tajikistan, Khujand)*

doi: 10.18411/trnio-12-2024-229

Abstract

Guide-interpreters play a crucial role in bridging cultural gaps in Central Asian countries, particularly in Tajikistan. Their responsibilities extend beyond mere translation to include cultural mediation, educational insights, conflict resolution, and tourism promotion. Tajikistan, with its rich historical and cultural heritage, offers a unique case study where guide-interpreters enhance the visitor experience and contribute to cultural preservation.

Keywords: cross-cultural communication, guide-interpreters, tourism development.

Аннотация

Гид-переводчики играют ключевую роль в преодолении культурных разрывов в странах Центральной Азии, особенно в Таджикистане. Их обязанности выходят за рамки простой перевода и включают культурное посредничество, образовательные объяснения, разрешение конфликтов и продвижение туризма. Таджикистан с его богатым историческим и культурным наследием представляет собой уникальный пример, где гиды-переводчики улучшают впечатления туристов и способствуют сохранению культуры.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, гиды-переводчики, развитие туризма.

In today's globalized world, people from different cultures are interacting more than ever. Effective communication across cultural boundaries is essential, particularly in regions like Central Asia, where diverse cultures converge. Tajikistan, a country with a rich cultural heritage, exemplifies this need. The rich history and cultural heritage, unique nature and heavenly places of Tajikistan are a stable basis for the development of tourism, which is considered one of the most reliable sources of development of the national economy. In this regard, tourism has made a significant contribution to economic and social development as a proven means of attracting domestic and foreign investment, creating new jobs, a source of income and enriching the state budget. Considering these factors and aiming to improve the socio-economic situation in various regions of the country, to provide the population with productive employment, and to enhance the overall economic activity of the population, the Government of Tajikistan, under the initiative of the Founder of Peace and National Unity – Leader of the Nation, President of the Republic of Tajikistan, H.E. Mr. Emomali Rahmon, designated 2018 as the 'Year of Tourism Development and Folk Crafts' [3, 84] and the period of 2019-2021 as the 'Years of Rural Development, Tourism, and Folk Crafts' [4, 21]. Guide-interpreters play a critical role in facilitating communication and fostering understanding between visitors and local communities [1, 102]. This paper explores their importance, focusing on Tajikistan, and examines their multifaceted roles, the challenges they face, and their impact on tourism and cultural preservation.

Central Asia, particularly Tajikistan, has a rich history shaped by various cultures and civilizations. Historically, the region was a key part of the Silk Road [5, 52] a network of trade routes that connected the East and West. This made it a melting pot of cultural influences from

Persia, China, India, and the Mediterranean. The blend of Persian, Turkic, Russian, and Mongol influences has created a unique cultural landscape. Understanding this historical context is crucial for appreciating the contemporary cultural dynamics and the indispensable role of guide-interpreters. Guide-interpreters in Central Asia, especially in Tajikistan, serve as crucial cultural brokers. Their responsibilities extend beyond linguistic translation to include several key functions:

- **Cultural Mediation:** Guide-interpreters help bridge cultural gaps by explaining local customs, social norms, and etiquette to foreign visitors. For example, in Tajikistan, they might explain the significance of traditional tea ceremonies or the proper etiquette when visiting a local home.
- **Educational Insight:** They provide historical and cultural context to sites and traditions, enhancing visitors' understanding and appreciation of the local culture. This can involve detailed explanations of historical sites like the ancient city of Panjakent or the intricate art of Persian miniatures found in the region.
- **Decision – Maker:** Guide-interpreters frequently encounter urgent situations during tours where they must take full responsibility and make critical decisions independently. In the mountainous regions of the country, vehicles can easily break down, and tourists may fall seriously ill due to food issues. During such times, there is often no telephone connection available to inform the office or seek advice, requiring the guide-interpreter to act swiftly and effectively on their own.
- **Conflict Resolution:** By mediating misunderstandings that may arise due to cultural differences, guide-interpreters contribute to smoother and more pleasant interactions. This role is particularly important in preventing and resolving potential conflicts that can stem from cultural misinterpretations.
- **Servant-Supporter:** Guide-interpreters must ensure that meals and table manners meet the tourists' requirements. In many roadside restaurants, cafeterias, and chaikhanas – (tea – house. like a bar in EU countries. I.J.), the service often needs significant improvement. Here, the role of the guide-interpreter becomes crucial. They educate the local staff on proper table manners and effective service techniques to enhance the dining experience for tourists.
- **Logistics and Coordination:** In a country like Tajikistan, guide-interpreters bear significant responsibilities during tours, as most are all-inclusive and companies delegate these tasks to them. Consequently, the guide-interpreter manages pre-booking for lunch and dinner venues, hotels, and guest houses. They also oversee the safety and driving practices of drivers, as well as the operations of guest house and restaurant owners. Given the potential for unexpected issues, the guide-interpreter plays a crucial role in ensuring smooth logistics and coordination throughout the tour.
- **Tourism Promotion:** Guide-interpreters play a significant role in the tourism industry, which is vital for the economy of Tajikistan and other Central Asian countries. They enhance the visitor experience, leading to positive reviews and repeat visits, thereby boosting the local tourism sector. Despite their critical role, guide-interpreters in Tajikistan face several challenges:
- **Language Barriers:** While many guide-interpreters are multilingual, the diversity of languages spoken by visitors can still pose challenges. Additionally, regional dialects and variations within Tajikistan itself can complicate communication.

- **Cultural Sensitivity:** Guide-interpreters must navigate and respect both the visitors' and locals' cultural sensitivities. This requires a deep understanding of multiple cultures and the ability to communicate effectively without causing offense [7].
- **Training and Certification:** There is a need for standardized training and certification programs to ensure quality and professionalism among guide-interpreters. Currently, the availability and quality of such programs vary widely across the region which lead guides – interpreters to misinform visitors and feel less confidence in their job.
- **Economic Factors:** The seasonal nature of tourism can lead to economic instability for guide-interpreters. During off-peak seasons, many may struggle to find consistent work, impacting their livelihood and professional development. The break in between may cause forgetting information about the sights. And the gap in between busy periods may cause forgetting information about the sights and each year the guides - interpreters need to go through all of the materials.

Case Study: Tajikistan

Tajikistan offers a unique case study due to its rich cultural heritage and the presence of significant historical sites such as the ancient city of Panjakent and the Pamir Mountains. Guide-interpreters in Tajikistan often facilitate treks, historical tours, and cultural experiences, providing vital services in remote and linguistically diverse areas. For instance, in the Pamir Mountains, which are home to numerous ethnic groups speaking distinct languages, guide-interpreters play an essential role in facilitating communication between tourists and local communities [6]. They help visitors navigate the challenging terrain while providing insights into the region's unique cultural practices and historical significance. Cultural and heritage tourism has rapidly developed to assume a leading role within the global tourism structure, now accounting for at least 40% of the total international tourism flow. Worldwide, cities and sites rich in architectural, historical, and cultural landmarks have become increasingly popular destinations, drawing a substantial number of tourists [2, 23]. Tajikistan, with its abundant cultural heritage, holds significant potential for expanding its cultural tourism sector, contributing both to regional development and the broader global tourism market.

Tourist Statistics and Government Initiatives

In recent years, Tajikistan has seen a steady increase in the number of tourists. According to the Tajikistan Tourism Development Committee, the number of international tourists visiting Tajikistan rose from approximately 350,000 in 2015 to over 1.2 million in 2019. Approximately 999,300 foreign tourists reportedly visited Tajikistan in 2022, which is 3.4 times or 703,000 tourists more than in 2021. The total number of visitors in 2023 was 1,358,000, out of which 1,256,200 people or 92.5% came from CIS countries, and 101,800 people or 7.5% came from distant countries. Among the total number of foreign citizens visiting Tajikistan, 1,201,000 were considered tourists, which is 201,000 tourists or 20.2% more than the same period of 2022 year [8]. Citizens of 121 countries of the world visited Tajikistan in 2023 [10]. This growth underscores the increasing importance of the tourism sector for the country's economy [9]. The government of Tajikistan has recognized the potential of tourism and has implemented several initiatives to promote and develop the sector. Key documents and strategies include:

1. **The strategy for the development of tourism in the Republic of Tajikistan for the period till 2030** – this strategy outlines the government's plan to enhance the tourism infrastructure, improve services, and promote Tajikistan as a premier travel destination. It emphasizes the importance of professional training for guide-interpreters and the development of sustainable tourism practices.

2. **Law of the Republic of Tajikistan on tourism:** This law governs social relations in the tourism sector and defines the organizational, legal, economic, social and cultural basis for the development and formation of this sector.
3. **Tourism Development Action Plan 2021-2025:** This action plan focuses on short-term goals, including the improvement of tourist facilities, marketing campaigns to attract international tourists, and measures to ensure the safety and comfort of visitors. It also includes provisions for the training and certification of guide-interpreters to maintain high standards of service.
4. **The Tourism Development Program in the Republic of Tajikistan for 2018-2020:** is developed for the purpose of creating favorable conditions of realization of state policy in the field of tourism, increase in competitiveness of the tourist market of the country in the region, and also in the near and far abroad and determines the main directions, priorities, tasks and mechanisms of realization of state policy in the field of tourism for the medium-term period.
5. **The Tourism Development Concept in the Republic of Tajikistan for 2009–2019:** it is aimed at providing favorable legal, organizational and economic environment for forming of the modern tourist industry of the country. According to this document the government of the country planned to increase the number of tourists to 1 million by 2020 [4, 193 - 194].
6. **Legal Framework for Tourism:** The government has also introduced regulations to ensure the quality and safety of tourism services. These regulations cover licensing requirements for tour operators and guide-interpreters, standards for accommodation, and guidelines for environmental protection to promote sustainable tourism.

Guide-interpreters significantly impact tourism by enhancing the visitor experience, leading to positive reviews and repeat visits. They play a crucial role in cultural preservation by promoting and explaining local traditions and historical sites, ensuring that cultural heritage is valued and maintained [1, 103]. The World Federation of Tourist Guide Associations (WFTGA) established International Guide Day or the International Day of Tourist Guides, which is commemorated on February 21st every year. The main goal of the WFTGA is to foster, promote, and ensure that tourist guides are recognized as true ambassadors of their respective regions. In Tajikistan, guide-interpreters help preserve intangible cultural heritage by teaching visitors about traditional crafts, music, dance, and oral histories. Their efforts contribute to the survival and appreciation of these cultural expressions, which might otherwise be at risk of disappearing.

Conclusion

Guide-interpreters are indispensable in fostering cross-cultural communication and understanding in Central Asian countries like Tajikistan. Their ability to mediate cultural differences, educate visitors, and promote tourism highlights their vital role in the region's socio-economic development. By managing logistics, resolving conflicts, and ensuring culturally sensitive interactions, guide-interpreters significantly enhance the travel experience, contributing to positive reviews and repeat visits, which in turn boost the local economy. The recent surge in tourist numbers—from approximately 350,000 in 2015 to over 1.2 million in 2019, and nearly 1 million in 2022—underscores the growing importance of tourism in Tajikistan. The government's initiatives, such as the Strategy for the Development of Tourism till 2030, the Law on Tourism, and various action plans and programs, reflect a strong commitment to developing the tourism sector. These efforts include improving infrastructure, enhancing service quality, and promoting sustainable tourism practices.

Guide-interpreters also play a crucial role in cultural preservation by educating tourists about local traditions, crafts, music, dance, and historical sites. Their work helps ensure that Tajikistan's rich cultural heritage is valued and maintained for future generations. Investing in the training and development of guide-interpreters is essential to maintaining high standards of service and cultural sensitivity. Standardized training and certification programs will enhance

their professionalism and effectiveness, ultimately supporting the sustainable growth of the tourism industry in Tajikistan and Central Asia.

In summary, guide-interpreters serve as vital bridges between cultures, enriching the experiences of visitors while preserving the unique cultural heritage of the region. Their contributions to cross-cultural communication and tourism development are pivotal in ensuring that Tajikistan remains a vibrant and welcoming destination for travelers from around the world.

1. Истамкулов Дж. З. Профессиональная этика гида-переводчика в работе // Педагогические науки / ОФ "Международный научно-исследовательский центр "Endless Light in Science". — 2022. — С. 101–105. — Impact Factor: SJIF 2021 — 5.81; SJIF 2022 — 5.94.
2. Путрик Ю. С., Соловьев А. П., Тюрина Е. В., Абдурахманова З. Т. Использование объектов культурного наследия в сфере туризма как средства укрепления цивилизационной идентичности российских регионов [Электронное сетевое издание] / под общей редакцией д.и.н. Путрика Ю. С. — Москва: Институт Наследия, 2024. — 308 с. — DOI: 10.34685/c8202-5708-0205-1. ISBN: 978-5-86443-454-3.
3. Саидзода Ш. Ш. Тоҷикистон – сарзамини бихиштосо (мачмӯаи маводи конференсияи илмию амалии вилояти олимони чавон). Хучанд: Наби Фахрӣ, 2018. – 216 с.
4. Ҳодибоев Ф. А. Тоҷикистон кишвари бихиштосо (мачмӯи мақолаҳо). – Хучанд: Нури Маърифат, 2019. – 212 с.
5. Frankopan, P. The Silk Roads: A New History of the World. Publishing: Bloomsbury, 2016. 657 p. Cultural influences in Central Asia.
6. Middleton, R., & Thomas, H. Tajikistan and the High Pamirs: A Companion and Guide. Odyssey Books & Maps. Case study on the Pamir Mountains: (2008). 750 p.
7. Smith, V. L. (Ed.). Hosts and Guests Revisited: Tourism Issues of the 21st Century. Cognizant Communication Corporation, 2001. Navigating cultural sensitivity.
8. <https://centralasianlight.org/news/about-1.4-mln-tourists-visited-tajikistan-in-2023/> (date of appeal 16.08.2024).
9. <https://cis-legislation.com/document.fwx?rgn=105297#:~:text=1.-,The%20development%20program%20of%20tourism%20in%20the%20Republic%20of%20Tajikistan,region%2C%20and%20also%20in%20the> (date of appeal 11.09.2024).
10. <https://old.asiaplustj.info/en/news/tajikistan/economic/20240212/more-than-12-million-foreign-tourist-visited-tajikistan-last-year-says-tajik-official> (date of appeal 16.08.2024).

Рецензируемый научный журнал

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
№116, Декабрь 2024**

Часть 5